

**ИРКУТСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
«ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)»**

**ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ»**

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

**Материалы X Международной научно-практической
конференции
г. Иркутск, 1 октября 2021 г.**

**Иркутск
ВГУЮ (РПА Минюста России)
2021**

УДК 34
ББК 67
П 28

Ответственные редакторы: канд. юрид. наук, доцент А. М. Бычкова,
канд. юрид. наук, доцент Н.В. Кешикова

Рецензенты: доктор юрид. наук, проф. С.В. Пархоменко
доктор юрид. наук, проф. С.Ю. Суменков
доктор юрид. наук, доцент У.Б. Филатова

Редакционная коллегия: канд. юрид. наук А.Н. Дудина, канд. юрид.
наук А.В. Бычков, канд. юрид. наук Л.П. Плеснева, канд. юрид. наук, канд.
экон. наук Ю. Н. Румянцева, доктор юрид. наук И.М. Середа, канд. юрид. наук
В.Н. Шутова.

П 28 Проблемы современного законодательства России и зарубежных
стран: матер. X Межд. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 1 октября 2021 г.) / отв.
ред. А. М. Бычкова, Н.В. Кешикова. — Т. 1. — Иркутск: Иркутский институт
(филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. — 229 с. — 80 экз. — ISBN 978-
5-00094-951-1; 978-5-00094-952-8 (Т.1)

Материалы конференции представляют собой сборник тезисов докладов
участников X Международной научно-практической конференции «Проблемы
современного законодательства России и зарубежных стран», проходившей в
Иркутском институте (филиале) Всероссийского государственного университе-
та юстиции (РПА Минюста России) 1 октября 2021 г.

Для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, ма-
гистрантов, студентов юридических вузов.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-00094-951-1; 978-5-00094-952-8 (Т.1) © ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»

<i>Володина Е.С.</i> Цифровой профиль: подходы к пониманию и некоторые проблемы правового обеспечения	6
<i>Гайнов И.Д.</i> Противодействие коррупции в истории зарубежного государства и права	10
<i>Исакова Л.В.</i> Концепт государственного суверенитета в условиях глобализации: историко-правовой анализ	15
<i>Курас Т.Л.</i> Реализация принципа независимости судей в судебных палатах Российской империи	20
<i>Петрик А.С.</i> Теоретические характеристики правового саморегулирования как вида правового регулирования	25
<i>Самсонов В.А.</i> Национальное государство и право под воздействием глобализации	29
<i>Сафонов М.А.</i> К вопросу о плате за участие в выборах в эпоху античности	33

СЕКЦИЯ «ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ» СЕКЦИЯ «АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ»

<i>Антонова О.А.</i> О реформировании принципа коллегиального и единоличного рассмотрения дел судами: сравнительно-правовые аспекты	39
<i>Антропов Р.В., Антропова Н.А.</i> Правовые и организационные основы обеспечения информационной безопасности: немецкий опыт	44
<i>Бельков В.А.</i> Об основных итогах выборов 2021 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на территории Иркутской области	49
<i>Кешикова Н.В.</i> Цифровизация избирательной системы в зеркале поправок к Конституции РФ	55
<i>Кузнецов Е.В.</i> Обоснованность использования института личного поручительства как обязательного условия приема на службу в органы внутренних дел	60
<i>Самусевич А.Г.</i> Административное наказание в механизме формирования правосознания	65
<i>Чимаров С.Ю., Чимаров Н.С.</i> Правовое регулирование вопросов сетевой безопасности сотрудников органов внутренних дел в контексте ведомственных нормативных правовых актов	70
<i>Шутова В.Н.</i> Конституционные ценности в Российской Федерации в контексте конституционных поправок 2020 года	74
<i>Яковлева Е.В.</i> Проблемы разработки основных профессиональных образовательных программ высшего юридического образования в соответствии с требованиями актуализированных федеральных государственных образовательных стандартов	79

СЕКЦИЯ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (К 20-ЛЕТИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ)»

<i>Гавриленко А.А., Шишкина Н.Э.</i> Правовые основы организации транспортной прокуратуры в Республике Казахстан	86

<i>Горбачева Е.В.</i> Применение процессуального принуждения к несовершеннолетним обвиняемым	91	<i>Румянцева Ю.Н.</i> Криминологическое прогнозирование индивидуального преступного поведения серийных убийц	199
<i>Горшкова В.С.</i> К вопросу о возможности назначения судебных экспертиз сотрудником оперативного подразделения полиции	95	<i>Серета И.М., Ступина С.А.</i> Преступления экстремистской направленности: цифры, реалии и правовое регулирование	204
<i>Дубынин Е.А., Космодемьянская Е.Е.</i> К вопросу о криминалистических, организационных и уголовно-процессуальных проблемах борьбы с преступностью в современных условиях	101	<i>Суверов С.Е.</i> Изменение практики применения института освобождения от уголовной ответственности	209
<i>Корицнов А.В.</i> Некоторые вопросы возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением	106	<i>Татарников В.Г.</i> Отражение характера и степени общественной опасности коррупционных преступлений в санкции	214
<i>Костенко Д.С.</i> Выявление качественных преобразований института мер пресечения через рассмотрение проблем применения отдельных мер	109	<i>Храмов С.М.</i> Необходимая оборона и ее регламентация в уголовном праве	218
<i>Курбатова С.М.</i> О тенденциях развития института участников уголовного судопроизводства. Компенсаторный подход	114	<i>Шиханов В.Н.</i> Регрессивный сдвиг и утрата этических оснований в уголовном праве как глобальная проблема	222
<i>Митюкова М.А.</i> Проблемы правового регулирования механизма признания доказательств недопустимыми по уголовным делам	117		
<i>Плеснёва Л.П., Торбин Ю.Г., Усачев А.А.</i> Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты взаимодействия следователя с органами дознания при производстве предварительного следствия в современных условиях	121		
<i>Плошкина Я.М.</i> Перспективы развития альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта в российском уголовном процессе с учетом германского опыта	126		
<i>Попова Е.И.</i> Некоторые типичные ситуации, связанные с противодействием стороны защиты по уголовным делам, по которым применяются компромиссные формы уголовного судопроизводства	131		
<i>Романович Е.И.</i> Противодействие незаконному перемещению товаров через таможенную границу: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации	136		
<i>Савчук Т.А.</i> Основные приоритеты и тенденции развития уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь	142		
<i>Ступницкий А.Е.</i> Правовые аспекты проведения гласного обследования помещений сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел	147		
<i>Харченко Д.А., Трубкина О.В.</i> К вопросу об устранении противодействия расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними	152		

**СЕКЦИЯ «РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО ПРАВА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ»**

<i>Аверинская С.А., Загайнов В.В.</i> Юридические критерии экстремизма	157
<i>Анисимов А.Г.</i> Молодежные суициды как объект научного исследования	162
<i>Антонова Е.Ю.</i> Комплаенс-программы как средство противодействия коррупции	167
<i>Бычкова А.М.</i> Легализация каннабиса: опасная тенденция к изменению норм международного права	172
<i>Качурова Е.С.</i> Обзор изменений правового регулирования обеспечения криминологической безопасности России на современном этапе	177
<i>Лазук Д.С.</i> Малозначительность деяния в Российской Федерации и в Республике Беларусь: проблемы унификации законодательства	181
<i>Москалев Г.Л.</i> Перспективы уголовно-правовой охраны исторической правды	185
<i>Питецкий В.В.</i> Точность уголовного законодательства как условие соблюдения принципа законности	190
<i>Романова Н.Л.</i> О некоторых новеллах УК РФ в сфере общественной безопасности	195

УДК 342.4
ББК 67.4

Е.С. Вологодина,
Забайкальский государственный университет

ЦИФРОВОЙ ПРОФИЛЬ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Представлены подходы к пониманию сущности понятия «цифровой профиль». Акцентируется внимание на проблемах правового обеспечения исследуемого института. С помощью формально-юридического подхода обосновано, что создание цифрового профиля актуализирует необходимость обеспечения безопасности в сфере обработки данных физических и юридических лиц.

Ключевые слова: цифровой профиль; идентификация; большие данные; безопасность.

В настоящее время глобальные изменения в общественных и государственных процессах, повсеместная информатизация и массовое внедрение цифровых технологий во все сферы деятельности государства, экономики, общества ознаменованы переходом к решению стратегической задачи правового государства – защиты прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации. Исходя из последних тенденций и цифровых инноваций, одним из актуальных направлений правовой политики государства стала идея формирования новой правовой концепции «цифрового профиля», воспринимаемая российским обществом весьма неоднозначно.

О необходимости правового регулирования феномена «цифровой профиль» в Российской Федерации свидетельствует законопроект №747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)», который предлагает ввести в правовое поле соответствующую дефиницию. В данном законопроекте цифровой профиль представляет собой совокупность находящихся в различных государственных информационных системах сведений о гражданах и юридических

лицах [1]. Нормативное закрепление определения понятия «цифровой профиль» позволит сформулировать стратегические цели формирования этого нового правового института. Во-первых, для обеспечения возможности граждан управлять своими персональными данными, содержащимися в цифровом профиле; во-вторых, для обеспечения возможности использования организациями данных гражданина (с его согласия); в-третьих, для обеспечения эффективного, прозрачного и безопасного информационного обмена данными; в-четвертых, с целью повышения доверительных отношений (цифрового доверия), а также быстрого, оперативного, безопасного доступа к данным из соответствующих государственных информационных систем.

В научной литературе встречаются разные подходы к правовой обусловленности и теоретико-правовому значению цифрового профиля. С философско-правовой точки зрения сущность понятия «цифровой профиль» раскрывает философ Е.Н. Матюхина, полагая, что «сбор у законопослушных граждан в принудительном порядке данных, которые собирают у преступников (отпечатки пальцев, слепки голоса, цифровой профиль клиента), предусмотренная законом передача информации о человеке в силовые структуры лишает гражданина приватности, унижает его, ущемляет права личности и нарушает Конституцию РФ...» [2]. Автор полагает, что в результате внедрения цифрового профиля легитимно будет создан новый товар – цифровая копия человека и появится новый рынок – торговля цифровыми копиями. Как следствие, капитализация данных о человеке приводит к капитализации самого человека – специалисты называют это явление «цифровым феодализмом».

Вызывают особый интерес вопросы, затрагивающие проблематику внедрения цифрового профиля, поднимаемые в работах А.М. Кондакова и А.А. Костылевой. Исследователи утверждают, что «...для гражданина проблемы при предоставлении информации о себе той или иной организации лежат в разных плоскостях: как я могу быть уверен, что это та организация, за которую себя выдает? Что именно организация должна знать обо мне? Как я могу знать, что

организация не использует информацию обо мне для иных целей? Могу ли управлять своим цифровым профилем?» [3, с. 213].

Сущность и содержание понятия «цифровой профиль» носят весьма дискуссионный характер, поскольку связаны с большим объемом информации, затрагивающей наиболее значимые сферы жизнедеятельности человека. В этой связи справедливо относить формирующуюся инфраструктуру «цифрового профиля» к критической информационной инфраструктуре, при этом она, безусловно, должна отвечать концептуальным, организационным и правовым требованиям обеспечения информационной безопасности. Последнее обстоятельство обусловлено тем, что проблемы правового обеспечения информационной безопасности личности и возрастающая незащищенность личного пространства и частной жизни, выступающие в качестве основных угроз для России, следуя прогностическому взгляду профессора Т.А. Поляковой [4] на концепцию платформы цифрового профиля, при всей передовой и необходимой составляющей не способствуют скорой ее реализации.

Исследование концепции цифрового профиля с позиции формально-юридического подхода позволяет утверждать, что институт «цифрового профиля» в Российской Федерации сегодня не урегулирован нормативными правовыми актами, отсутствуют системные решения государственных органов по организационно-правовому обеспечению безопасности обработки данных участников правовых отношений.

Сложившиеся в настоящее время концепции формирования цифрового профиля не учитывают проблемные вопросы, которые напрямую связаны с пониманием его правовой сущности, определения его места, роли и правовой неурегулированности в смежной сфере – больших данных. Кроме этого, отсутствие механизма достаточного правового обеспечения отношений, связанных с использованием цифрового профиля, порождает проблему реализации прав и законных интересов граждан Российской Федерации. В этой связи институт цифрового профиля остро актуализирует необходимость обеспечения безопасности в сфере обработки данных физических и юридических лиц. Подобного

рода данные нуждаются в особой правовой защите. Так, существующее определение системы защиты персональных данных, которое предусмотрено стратегическим документом – Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, имеет достаточно пространное значение, предусматривающее состояние защищенности правовой триады личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз. Данный феномен позволяет утверждать, что специализированная защита личных данных (персональных данных), направленная на защиту данных цифрового профиля, к настоящему времени не создана.

С учетом важности для цифровой трансформации категории цифрового профиля проведенный анализ свидетельствует о том, что опыт Российской Федерации в случае принятия законопроекта о цифровом профиле может стать уникальным. При этом значимость института защиты прав и интересов граждан должна оставаться ведущей, поскольку созданная база данных будет состоять из совокупности общедоступных сведений, отражающих различные аспекты жизни человека.

Поэтому важно, чтобы развитие правового регулирования института цифрового профиля осуществлялось последовательно. Представляется, что в сфере использования цифрового профиля человека юридическая ответственность должна быть дисциплинарной, административной и гражданско-правовой. Следует согласиться с позицией В.Б. Наумова, который полагает, что «требуется ввести специальные составы административной и, возможно, уголовной ответственности за неправомерный доступ, модификацию и использование сведений, входящих в цифровой профиль физического лица, а также за использование конфиденциальных идентификаторов, служащих для доступа к цифровому профилю, лицами, не имеющими на то законного права» [5, с. 139]. Вопрос об установлении уголовной ответственности в рассматриваемой сфере, по мнению автора, не является первоочередным.

Список использованной литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации) : законопроект №747513-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 12.09.2021).

2. Матюхина Е.Н. Российское и германское законодательство о персональных данных: сравнительный анализ подходов и практики применения // Lex russica. 2019. № 6. С.49–57.

3. Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия : Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218.

4. Полякова Т.А., Чеботарева А.А. О новом «регуляторном ландшафте» в условиях цифровой трансформации системы права и экономики // Информационное право. 2020. № 2. С. 4–8.

5. Наумов В.Б. Информационно-правовые вопросы идентификации при использовании цифрового профиля // Аграрное и земельное право. 2020. № 6. С.137–141.

Информация об авторе

Вологодина Екатерина Сергеевна – старший преподаватель кафедры административного права и таможенного дела юридического факультета. Забайкальский государственный университет (672039, г. Чита, ул. Александровская, д. 30, e-mail: ek.antsiferowa@yandex.ru).

УДК 341.1/8
ББК 67.3

И.Д. Гайнов,
кандидат юридических наук
Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Описывается история противодействия коррупции в некоторых зарубежных государствах. Исследуются модели противодействия коррупции и соответствующие им тенденции развития законодательства, нашедшие отражение в древних источниках права. Автор приходит к выводу о том, что только комплексный подход к вопросам устранения причин коррупции способствует снижению ее уровня.

Ключевые слова: противодействие коррупции; причины коррупции; история антикоррупционного законодательства.

Появление коррупции связано с формированием государственных образований с присущими им функциями управления. Поскольку первые государства возникли на Востоке, то и о коррупции стало известно из памятников права древних государств Месопотамии, Египта, Индии и Китая.

Одно из древнейших упоминаний о коррупции относят к XXIV в. до н. э. – времени царствования царя Урунимгина, правившего городом-государством Лагаш в древней Месопотамии (сегодня это территории Ирака, Сирии, Турции и Ирана). Царем были изданы законы, направленные на недопущение злоупотреблений со стороны чиновников [1, с. 4–5]. Очевидно, что уже древние правители четко осознавали вред, который наносит коррупция государственному управлению, в данном случае – через существенное ухудшение положения простых людей.

Впоследствии крупнейшим в этом регионе становится Древневавилонское царство, которое достигает своего расцвета при царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.). В это время были приняты Законы Хаммурапи, в которых указано, что в случае изменения судьей ранее принятого им решения, судью следует наказать уплатой штрафа, в 12 раз превышающей исковую сумму и пожизненно лишить его должности [2, с. 12–25]. Таким образом, в рассматриваемый период времени в Древневавилонском царстве особую озабоченность вызывала продажность судей – вероятно потому, что незаконные судебные решения способствовали незаконному перераспределению собственности и желанию решить спор вне правового поля.

О проявлениях коррупции свидетельствуют и памятники права Древней Индии. Так в конце IV в. до н. э. был принят политико-правовой трактат «Архашастра» [3, с. 74–79]. В нем указывается, что у чиновников имеется 40 способов хищений государственного имущества и фактически признается невозможность полного искоренения коррупции. Указанный правовой акт не только свидетельствует о глубине понимания причин и условий коррупции, но и дает классификацию коррупционных нарушений, способов хищений.

Еще один памятник древнеиндийского права, позволяющий оценить масштабы проблем, вызываемых проявлениями коррупции, – это Законы Ману [4, с. 247]. Статья 123 главы 7 Законов гласит: «...слуги царя, назначенные для охраны народа, бывают большей частью порочными, стремящимися к захвату чужой собственности; от них нужно защищать этот народ». В следующей, 124 статье, названы меры, которые следовало применять к судебским чиновникам, вымогающим взятки. Глава 10 содержит сведения о том, что судьи, которые брали взятки, лишались царем собственности, а лица, составляющие ложные приказы, подлежали смертной казни. При этом особо указывалось, что «взяточников следовало обнаруживать с помощью верных людей, а также с помощью подстрекательства к преступлению шпионами различного рода», то есть в процессе противодействия коррупции определенная роль отводилась обществу.

На Древнем Востоке боролись с взяточничеством весьма оригинальным способом. Персидский царь Камбис II приказывал казнить взяточников, сдирать с них кожу, а затем обивать ею кресло, на котором должен был сидеть премник казенного чиновника [5]. Несмотря на столь жесткие меры борьбы с последствиями коррупции, вполне очевидно, что они носили ярко выраженный профилактический характер.

В памятниках государств Античности также находят отражение попытки осмысления истоков коррупции и мер по борьбе с ней. В Законах XII таблиц (Таблица IX, п. 3) содержится указание на то, что судью или посредника, которые были уличены в том, что приняли денежную мзду, необходимо казнить [6, с. 241]. В Таблице IX приводится пример того, что судебное решение, вынесенное судьей, который уличен во взяточничестве, не принимается как справедливое: «Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертной казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении и были уличены в том, что приняли денежную мзду по делу?» [7, с. 93].

В Древнем Риме также, как и в Древней Индии, к борьбе с коррупцией привлекали представителей общественности. Например, в Кодексе Феодосия

(438 г.) способы борьбы с коррупцией формулировались следующим образом: контроль деятельности чиновника посредством специально установленной отчетности, постоянная слежка за чиновниками на всей территории Римской империи (Книга IX ст. 27: «Если кто-нибудь подвергнется вымогательству судьи или будет знать о свершившемся нарушении права, пусть донесет в государственное учреждение, изложит состав преступления, донос докажет и добудет победу и славу»).

В Европе массовое распространение коррупции начинается со Средневековья, где понятие «коррупция» приобретает церковное значение. Прежде всего, речь идет о симонии (Simonie) – торговле духовными должностями. Радикальные меры в борьбе с симонией предпринял Папа Григорий I Великий, который рассматривал проявление симонии как ересь и выделил три ее формы: купля-продажа церковного сана за деньги, предоставление должности за любезности и услуги, а также получение должности лестью и ходатайством [8, с. 93–94].

Помимо указанных проблем, в католической церкви существовало еще и такое проявление коррупции как nepotism (от лат. nepos – род, nepotism – внук, племянник), означавший раздачу римскими папами своим родственникам доходных должностей, высших церковных званий и земель. В русском языке существует сходное по значению понятие «кумовство».

Примеры злоупотреблений королевских чиновников имеются и в истории других стран. Например, известно, что в 1170 г. английский король Генрих II поручал разъездным судьям произвести расследование по многочисленным жалобам на злоупотребления своих представителей на местах, именуемых шерифами. Ряд шерифов были смещены с должностей и подверглись преследованиям. В статье 26 Первого Вестминстерского Статута 1275 г. запрещалось шерифам и другим королевским чиновникам брать взятки за выполнение своих обязанностей и устанавливался штраф в двойном размере от полученного, подлежавшего возврату. Данная правовая норма представляется весьма прогрессивной, поскольку устанавливает взаимосвязь между коррупционным правонару-

шением и наказанием за него по признаку стоимости незаконно полученного имущества.

Определенными особенностями, отличными от европейских, характеризовалась борьба с коррупцией в Средневековом Китае. Это было обусловлено географическими и климатическими условиями. Необходимость искусственного орошения и борьбы с периодическими разливами и наводнениями требовали организации совместного труда, потому неизбежно возникал государственный сектор экономики со сложной системой управления, а следовательно – и мощный бюрократический аппарат, подверженный коррупции.

Помимо уголовных мер против злоупотреблений чиновников, в феодальном Китае использовались и идеологические меры, в частности, конфуцианские представления о служении чиновников общему благу.

Таким образом, коррупция присуща государству изначально, поскольку исторически возникла тогда, когда в обществе появились люди, занимающиеся государственным управлением. Исторический опыт борьбы с коррупцией наглядно показывает, что эффективной она может быть только в том случае, когда проявляется государственная воля, когда борьба ведется профессионально, в рамках закона и при широкой поддержке населения. Оптимальной моделью противодействия коррупции является модель, нацеленная на устранение условий коррупции, на ликвидацию стимулов к совершению коррупционных правонарушений. Наконец, противодействие коррупции должно носить комплексный характер, включать не только организационные, но и правовые механизмы.

Список использованной литературы

1. *Гойман В. И.* Правовой нигилизм: пути его преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 4–5.
2. Хрестоматия по истории государства и права: история государства и права зарубежных стран. Т. 1 : Древний восток. Античный мир. Средние века / сост. Ю.А. Иванов, А.В. Киринос, В.А. Колесников, В.Н. Чернышов. Воронеж, 1999. С. 12–25.
3. *Жетписбаева Б.А.* Коррупция как социальное явление: историче-

ская ретроспектива // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2009. № 1. С. 74–79.

4. Законы Ману. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 496 с.
5. Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972. 600 с.
6. Авл Геллий. Аттические ночи. Книги IX–XX. СПб : Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2008. 448 с.
7. *Кондратьева А.Н.* К вопросу о запрете симонии и нарушении правил celibата в средневековом каноническом праве западной Европы // Евразийский юридический журнал. 2015. № 4. С. 93–94.
8. *Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения. М.: Юридическая литература, 1989. 448 с.

Информация об авторе

Гайнов Ильяс Дамирович – кандидат юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов и участия прокурора в административном, арбитражном и гражданском процессе. Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (420103, г. Казань, ул. Московская, 41, email: gainov@yandex.ru).

УДК 321.011.3

ББК 67.400.51

Л.В. Исакова,
кандидат исторических наук
Арзамасский филиал
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского

КОНЦЕПТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Историко-правовой анализ эволюции государственного суверенитета проведен на основе ключевых тенденций современного развития, одной из которых выступает глобализация. Акцентируется внимание на категориях правовой стандартизации и системы национального права.

Ключевые слова: государственный суверенитет; система права; глобализация.

Государственный суверенитет как характеристика независимости государственной власти во внутренней политике и внешнеполитических акциях имеет длительный период историко-правового развития, связанный с утверждением идеи «самодостаточности» государственного образования и его способности к

самостоятельному осуществлению взятых на себя обязательств по поддержанию мира и стабильности внутри страны, а также определенного их уровня на международной арене. Концепт суверенитета сегодня выходит на новый этап своего развития: если ранее он рассматривался в качестве признака государства, обособленного от других, то теперь приобрел иное звучание. Уже в XX в. массовое нарастание интеграционных процессов в экономике, политике и иных сферах общественного развития сделали невозможным замкнутое и изолированное существование отдельно взятого государства. Весь исторический период прошлого столетия свидетельствует о том, что многократно усложнившаяся структура миропорядка в условиях как биполярности во время «холодной войны», так и многополярности, утвердившейся после крушения Советского Союза, ведет государства в фарватере общей направленности развития ведущих государственно-политических и государственно-экономических тенденций эпохи. Даже государственные образования, долгое время бытовавшие, как принято говорить, «на задворках истории» (страны Африки, Латинской Америки и др.) были включены в общий исторический процесс.

На рубеже XIX – XX вв. основной тенденцией развития международной системы отношений становится глобализация. По мнению исследователей, именно она выступает в качестве «инструмента управления» и служит основой «переформатирования» сложившего миропорядка [1, с. 10]. Однако не следует забывать, что анализ глобализации как законченного процесса невозможен в связи с перманентным нарастанием «глобальности», определяющими категориями которой выступают такие ее терминологические особенности, как «развитие», «прогресс», «изменение», «переход» и др., а ключевыми тенденциями – либерализация в экономике и демократизация в политике и праве.

Остановимся подробно на интерпретации правовой составляющей данного процесса. В последнее время актуальным становится возвращение к идее «естественного права» и утверждения «международных стандартов» в различных областях правового регулирования. Последняя тенденция находит развитие в деятельности многочисленных международных организаций, которые «предпи-

сывают», «рекомендуют», «прогнозируют» и так далее, оказывая влияние на принятие решений, в том числе и на государственном уровне. Довлеющая «забота» ООН, ВОЗ, МОТ и других международных организаций о соблюдении естественных прав и законных интересов человека в конкретно взятой стране также оказывает непосредственное влияние на сферу правовой регламентации – нередко путем признания «несостоятельности» государственной системы правосудия, что может перерасти в серьезный конфликт с интересами государства.

Антиподом данного направления является другая сторона «глобализирующегося пространства», к которой относится гипертрофированное внимание к региональным и национальным особенностям системы правоотношений, правовой культуры, к роли и значению правосознания ее субъектов. Как полагают Б. Андерсон и Р. Робертсон, эта тенденция является ничем иным, как отражением «динамики формирования глобального права» [1, с. 9], выдвигая на первый план способность государства к «политической адаптации», которая сегодня может быть охарактеризована как «приспособленчество» к условиям современной мировой ситуации.

Произошедшие в 1990-е гг. изменения социально-экономического и политико-правового характера на территории бывшего Советского Союза привели к образованию новых участников мирового сообщества, так или иначе включенных в орбиту международных отношений. Россия в сложившихся условиях должна была сформировать принципиально новые правовые средства регулирования системы общественных отношений, четко определив роль и место права в числе социальных регуляторов. Здесь на первый план вышли две группы отношений, нуждающихся в первостепенном внимании со стороны государства: во-первых, отношения, строго находящиеся в сфере национальной юрисдикции; во-вторых, отношения, относящиеся к юрисдикции международного права. В то же время, как абсолютно верно подчеркнула Н.В. Архипова, «целесообразно выделение отношений... между частными лицами в вопросах, которые не регулируются ни внутренним, ни международным правом, а также отношений в сферах наднациональной юрисдикции, ...которой государства вы-

нуждены подчиняться в силу складывающихся реальных межгосударственных отношений» [1, с. 7].

Все названные выше группы отношений (4), по своей природе нуждаются в различной правовой регламентации, со своими специфическими источниками, содержанием и механизмом их действия. Глобализация, начавшаяся с внедрения рыночной модели экономических отношений, постепенно распространяет свое действие на отдельные элементы государства и права, в том числе, как отмечено выше, и на государственный суверенитет, базирующиеся на национальной основе, и приводит их к общей идее транснациональных интересов. Неизбежное в данных условиях взаимовлияние различных правовых систем непосредственно отражается на категории «государственного суверенитета». Однако М.Н. Марченко полагает, что «в формально-юридическом смысле суверенитет государства не подвергается сомнению даже в случае его материализованного деления или отчуждения до тех пор, пока существует само государство» [2, с. 61, 89]. В этой связи В.В. Кожевников справедливо обращает внимание на функциональную сторону современного государства, говоря о возможных «изменениях функций государства» в условиях глобализации, и на интенсификацию процесса создания постнациональных государств [3, с. 64].

С этих позиций становится понятной роль мирового сообщества в отношении России (в частности, в связи с актами введения и продления санкций), пытающейся отстаивать свои национальные интересы и независимость внутри- и внешнеполитического курса. Именно в данном контексте следует рассматривать и негативное отношение того же мирового сообщества, а по существу, – его критику поправок к Конституции РФ 2020 г. [4]. Однако сами поправки, внесенные в текст Конституции РФ связаны:

– *С историей страны и политической системы.* Россия признала себя «правопреемником Союза ССР на своей территории» (ст. 67¹, ч. 1); «исторически сложившееся государственное единство» (ст. 67¹, ч. 2); закрепление за русским народом статуса «государствообразующего» по признаку использования русского языка (ст. 68, ч. 1); обеспечивает проведение в пределах своей терри-

тории «единой социально ориентированной государственной политики в области сохранения традиционных семейных ценностей» (ст. 114, ч. 1, пункт «в»).

– *Или с уже сложившейся практикой государственного управления.* Укрепление вертикали власти, начавшееся с 2000-х гг., и в связи с этим расширение полномочий Президента РФ; усиление взаимодействия между государственными и муниципальными органами власти, а также декларируемое единство государственной и местной власти (ст. 132, ч. 3). В этом же ключе следует рассматривать и предоставленное Конституционному Суду РФ право по запросу Президента РФ проверять конституционность законопроектов до их подписания.

Приведенные выше особенности свидетельствуют об укреплении «национального элемента» в правовой системе и влекут за собой не частичные изменения Основного закона, но комплексную переработку многих отраслей системы российского права. Акцент на приоритете «национального законодательства» ни в коей мере не стесняет государство в сфере международных отношений, а лишь в формально-юридическом плане закрепляет отход от приоритета международных правовых норм по отношению к правовым предписаниям российского права, совершившийся в середине прошлого десятилетия.

В заключение следует подчеркнуть, что усиление «национального элемента» правовой системы непосредственно связано с вызовами и тенденциями современного миропорядка и может быть охарактеризовано в общей направленности трансформации глобализации на данном этапе. В этих условиях ставка на обоснование «историчности», «традиционности», «национальности» и др. позволяет государству поддерживать особый статус как внутри государства (идея национального единства), так и подчеркнуто независимо выражать свое отношение к происходящим событиям глобального масштаба.

Список использованной литературы

1. *Архимова Н.В.* Современное российское право в условиях глобализации: теоретико-методологические проблемы : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 19 с.

2. *Кожевников В.В.* Рецензия. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации: монография. М.: Проспект, 2008. 400 с. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 1. С. 62–66.

3. *Марченко М.Н.* Государство и право в условиях глобализации: монография. М.: Проспект, 2008. 400 с.

4. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.

Сведения об авторе

Исакова Любовь Владимировна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории общественности и права. Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (607220, г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36; e-mail: gorkova.l.v@yandex.ru).

УДК 347.99 (470) (091)
ББК Х2(2)51

Т.Л. Курас,
кандидат исторических наук, доцент
Иркутский государственный университет

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В СУДЕБНЫХ ПАЛАТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Демонстрируется, что после провозглашения в Судебных уставах принципа независимости судей, власть весь период действия пореформенных судов стремилась ее ограничить. Использовались институты перемещений и назначений судей, привлечения их к различным видам ответственности. В результате принцип независимости фактически перестал действовать, судьи зачастую решали дела по указанию председателей судов. В противоречии с принципом независимости существовала и зависимость судей от прокуратуры.

Ключевые слова: судебная реформа; независимость судей; судебные палаты; суды.

Судебные уставы 1864 г. впервые в российской истории провозгласили принцип независимости судей и закрепили гарантии его реализации [1, с. 65]. К ним относились установленный законом порядок назначения на должности судей, их несменяемость, особые условия привлечения к ответственности, специальное материальное обеспечение и другие. Представляется, что учет опыта ре-

ализации Судебных уставов 1864 г. по данному вопросу позволит усовершенствовать современное законодательство и практику его применения.

Порядок и условия назначения судей, установленные Уставами, стали важными гарантиями их независимости. Ранее министерство юстиции не могло влиять на состав судов, назначение судей зависело от начальства губерний [2, с. 32]. По Уставам 1864 г. министр юстиции приобрел полномочия назначать членов судов, что стало положительной новеллой закона. В начале реформы министерство юстиции в результате интенсивной работы подобрало в новые суды достойных судей, которых в обществе помнят как честных и просвещенных служителей правосудия. Учитывалась предшествующая служба, усердие, честность, высокие моральные принципы [3, с. 129–131]. При создании судов в новых судебных округах туда также назначались достойнейшие люди, они внесли весомый вклад в развитие судов, служили идеалам Судебных уставов, работали на основе демократических принципов правосудия [4, с. 31–33].

Со временем стало понятно, что создание самостоятельного и независимого суда вошло в противоречие с самодержавным строем. Вопрос об ограничении независимости судей стал подниматься все чаще. Так, уже в 1867 г. итоги некоторых процессов вызвали негативную реакцию правительства [3, с. 243]. В результате к подсудности судебных палат перешли наиболее значимые для власти категории дел. В 1885 г. был принят закон, изменивший правила привлечения судей к ответственности, усиливший влияние на них Сената и министра юстиции [5, с. 41–48]. В 1894 г. министр юстиции в докладе императору обобщал необходимость ограничить самостоятельность и несменяемость судей. Высочайше учрежденная комиссия по пересмотру законоположений по судебной части также считала необходимым ограничить независимость и несменяемость судей [3, с. 243–246].

В самом законе уже были заложены противоречия между независимостью суда и существовавшим строем, они проявлялись постоянно. Так, в докладе старшего председателя Омской судебной палаты Н.К. Безе на открытии Омских судебных учреждений 14 мая 1899 г. дается портрет-идеал нового судьи. Его

чертами должны были стать близость к населению, одновременно независимость и самостоятельность. С другой стороны, отмечалось, что судья есть государственный служащий, который, выполняя свою роль в поддержании деятельности государственного аппарата, нуждается в помощи администрации и полиции и должен без замедления исполнять любое их законное требование. Здесь чувствуется основанная на официальном непризнании разделения трех ветвей власти декларативность отделения нового суда от администрации [6, с. 54–55].

Перемещение судей на другие должности являлось одним из способов влияния на них. Власть могла повысить судью либо назначить на более низкую должность, изменить судебный округ с окраины в европейскую часть страны или наоборот [7, с. 14–19]. При открытии новых судов они укомплектовывались проверенными судьями, служившими ранее в других регионах. Так власть могла поощрять или наказывать судей, используя институт переводов и назначений как механизм воздействия на них.

К 80-м годам XIX в. изменилось отношение судей к службе, стало более формальным. Повышение по службе стало нередко производиться не по служебным заслугам, а по представлению председателей судов. При переводах «непослушные» судьи могли назначаться в другие регионы, независимо от личных обстоятельств, другим же власть благоволила, они переводились на высшие должности, в центральные города [7, с. 14–19]. Судейская самостоятельность стала уступать место административным отношениям с председателями судов, через которых можно было получить перевод, повышение и другие блага. Многие судьи стали работать «по указке» правительства, доводимую до них председателями судов [8, с. 12–13].

Еще одним негативным фактором, препятствовавшим реализации принципа независимости судей, стала их фактическая зависимость от прокуратуры, через которую министерство юстиции негласно собирало информацию о судьях [9, с. 4–5]. Это негативно влияло на рассмотрение уголовных дел, снижало авторитет судебной власти, вызывало разочарование в обществе.

Так, в Санкт-Петербурге 20 ноября 1883 г. в здании судебных установлений состоялось открытие статуи императора Александра II, даровавшего России «суд скорый, правый и милостивый». Этот памятник стал данью уважения и благодарности со стороны судебного сословия России. Однако, как отмечалось в печати, торжество прошло незаметно, 10-летие судебной реформы праздновалось с гораздо большим энтузиазмом и имело больший общественный характер. Эту разницу можно объяснить охлаждением русского общества к идеалам судебной реформы. Равнодушное отношение к событию проявилось и в обществе, и в участниках торжества. Это объясняется тем, что все осознавали, что на деле нет суда, изображенного в уставах. Авторы пожелали судебным деятелям вспоминать о высоких идеалах судебной реформы не только в торжественных случаях, но и в обычное время [10, с. 3–4].

Ради справедливости отметим, что оставались и судьи, работавшие в духе судебных уставов, объективно и независимо рассматривавшие уголовные дела, но таких судей с годами становилось все меньше [4, с. 32–35]. Интересно, что в российских судах служили и «идейные» судьи, давшие присягу служить российскому обществу и государству в лице императора и не пожелавшие работать при Временном правительстве, несмотря на высокие должности. Так, в марте-апреле 1917 г. большое число членов судебных палат уволились из судебного ведомства, среди них и старшие председатели палат. Так, сложили полномочия старшие председатели Варшавской, Саратовской, Омской палат [11, с. 19–22].

Таким образом, судебные уставы впервые закрепили принцип независимости судей, создав комплекс его гарантий. К ним относились порядок назначения на должности, несменяемость судей, особый порядок привлечения к ответственности и другие. Было немало судей, служивших идеалам правосудия на основе демократических принципов. Однако власть стремилась ограничить их независимость, используя институт переводов и назначений, а также другие механизмы. В результате зачастую судьи решали дела по указанию председателей судов. В противоречии с принципом независимости судей существовала их

фактическая зависимость от прокуратуры, что негативно сказывалось на авторитете судов.

Список использованной литературы

1. Щедрина Ю.В. Становление и развитие гарантий обеспечения независимости судей в России во второй половине XIX-начале XX вв. : дисс. ... докт. истор. наук. Курск, 2014. 536 с.
2. Курас С.Л. О некоторых аспектах реформирования суда на страницах «Журнала Министерства юстиции» // Правовая политика современной России: реалии и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию земской и судебной реформ в России. Иркутск, 8 нояб. 2014 г. / ФГБОУ ВПО «ИГУ», Юрид. ин-т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 32–34.
3. Министерство юстиции за сто лет. 1802-1902 / Вступ. статья П.В. Крашенинникова. М.: Спарк, 2001. 351 с.
4. Курас Т. Л. Вопросы реализации принципа независимости судей в пореформенной России второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 4. С. 31–37.
5. Калинин Ю.А. Производство по уголовным делам в окружных судах Российской империи. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009. 208 с.
6. Астахов А.В. Судебные институты Омского судебного округа в конце 19 – начале 20 вв.: структура, состав и функционирование : дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 168 с.
7. Курас Т.Л. Служба в судебных палатах, действовавших на центральных, западных и восточных территориях Российской империи // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3. С. 15–21.
8. Русская печать по законодательным и судебным вопросам // Судебная газета. 1883. № 10. С. 12–13.
9. Градовский Г. Еще о прокуратуре // Судебная газета. 1883. № 19. С. 4–5.
10. Судебная газета. 1883. № 48 (27 ноября). С. 3–4.
11. Указы и приказы Временного Правительства // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 19–22.

Информация об авторе

Курас Татьяна Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры судебного права. Юридический институт Иркутского государственного университета (664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, e-mail: tanya_kuras@mail.ru).

УДК 34.01
ББК 67.022.1

А.С. Петрик,
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАВОВОГО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ВИДА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена вопросам определения правовой природы правового саморегулирования. Исследованы соотношение признаков правового регулирования и правового саморегулирования, а также соотношение элементов их механизмов. Сформулирован тезис, что правовое саморегулирование является видом правового регулирования.

Ключевые слова: правовое регулирование; саморегулирование; правовое саморегулирование; механизм правового регулирования; механизм правового саморегулирования; предмет правового саморегулирования; метод правового саморегулирования; пределы правового саморегулирования; признаки правового саморегулирования.

Термин «регулирование» происходит от латинского «regulo» («правило»). Регулирование, согласно словарному определению, в первом значении представляет собой процесс упорядочения, налаживания чего-либо, а во втором – «направление развития, движения чего-нибудь с целью привести в порядок, в систему» [1, с. 77].

Под правовым регулированием следует понимать специфическое, осуществляемое через юридические права и обязанности субъектов права, действие права с целью упорядочения общественных отношений [2, с. 312]. Правовое регулирование в отличие от иного воздействия права всегда осуществляется посредством особого, свойственного только праву, механизма, призванного юридически гарантировать достижение целей, которые ставил законодатель, издавая или санкционируя юридические нормы [3, с. 210].

Являясь формой индивидуального правового регулирования правовое саморегулирование в узком смысле представляет собой самостоятельную и ини-

циативную деятельность субъектов для достижения своих целей в рамках законодательства, направленную на упорядочение конкретных общественных отношений посредством создания индивидуально-правового предписания [4, с. 48].

Комплексное рассмотрение института правового саморегулирования его сущность и место в системе правового регулирования, позволяют прийти к выводу, что правовое саморегулирование является особым видом правового регулирования.

Механизм правового регулирования включает в себя все характеристики и правовые средства, которыми осуществляется правовое регулирование общественных отношений.

Относительно правового саморегулирования понятие механизма можно определить по аналогии как совокупность всех теоретических характеристик правового саморегулирования, а также правовых средств, за счет которых оно осуществляется. Указанная совокупность теоретических характеристик позволяет правовому саморегулированию оказывать воздействие на общественные отношения, а также формирует его как самостоятельный социальный регулятор.

Поскольку саморегулирование является относительно новым явлением, ряд его характеристик плохо изучен, в связи с чем для их определения такие характеристики необходимо рассматривать по аналогии с правовым регулированием.

К элементам механизма правового саморегулирования относятся предмет, методы, типы, пределы правового саморегулирования. Также в качестве характеристик правового саморегулирования можно назвать стадии создания и действия норм правового саморегулирования и цели правового саморегулирования.

Первая характеристика – цель правового саморегулирования. Правовое регулирование призвано упорядочивать общественные отношения в различных их сферах. Целью правового саморегулирования, в свою очередь, является регули-

рование общественных отношений в определенной сфере, где субъекты вправе самостоятельно определять линию своего поведения, не ограничиваясь нормами, установленными правом.

Кроме того, называют дополнительные и/или сопутствующие цели правового саморегулирования – представление интересов определенной категории лиц – субъектов саморегулирования, совершенствование нормативно-правовых актов в указанной сфере общественной жизни, а также обеспечение связи органов государственной власти и общественности.

Предмет правового регулирования и правового саморегулирования совпадает, включая в себя общественные отношения, урегулированные соответствующими нормами.

Под методами правового регулирования понимается система приемов, способов, средств воздействия на предмет правового регулирования путем придания общественным отношениям юридической формы. Также следует трактовать и методы правового саморегулирования, с тем отличием, что в данном случае воздействие оказывается на общественные отношения, составляющие предмет правового саморегулирования.

Правовое регулирование использует методы субординации и автономии воли сторон (метод координации). Для правового саморегулирования, безусловно, наиболее актуальным методом является метод координации, что обусловлено правовой природой саморегулирования. В отношениях саморегулирования отсутствует отношение вертикали, субъекты находятся в равном положении и посредством правового саморегулирования находят подходящий им вариант взаимодействия. Таким образом, методы, используемые правовым саморегулированием, входят в систему методов правового регулирования.

Следующим критерием для сравнения правового саморегулирования и правового регулирования выступают типы регулирования. Правовое регулирование включает в себя типы правового дозволения, обязывания и запрета. По сути, нормы правового саморегулирования могут использовать все те же типы

регулирования, но с тем ограничением, что действие таких дозволений, обязанностей и запретов будет актуально лишь для субъектов саморегулирования.

Следует отметить, что ключевым отличием будут выступать методы обеспечения исполнения обязанностей и соблюдения запретов. В случае с правовым регулированием – это методы государственного принуждения. Правовое саморегулирование не использует такие методы, и располагает лишь собственными мерами воздействия и ответственности.

Сравнение пределов правового регулирования и правового саморегулирования показывает, что границы правового саморегулирования значительно уже, чем границы правового регулирования в целом, поскольку разграничение данного института с иными социальными регуляторами более строго определено.

Система пределов правового саморегулирования включает в себя: внешние пределы (связанные с иными социальными регуляторами) и внутренние, которые, в свою очередь, делятся на пределы, установленные в зависимости от уровня организации правового саморегулирования, а также в зависимости от сферы их действия.

Таким образом, отличия характеристик правового регулирования и правового саморегулирования отсутствуют в отношении предмета, способов внешнего выражения норм правового регулирования и саморегулирования. В иных критериях для сравнения присутствует ряд отличий.

Список использованной литературы

1. *Щербакова Е.К.* О проблеме соотношения правового воздействия и правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 74–82.
2. *Радько Т.Н.* Теория государства и права: учебное пособие. М. : Росийская академия адвокатуры, 2001. 412 с.
3. *Алексеев С.С.* Теория права. М. : Бек, 1995. 311 с.
4. *Лескова Ю.Г.* Саморегулирование как экономическое и правовое явление // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 48–56.

Информация об авторе

Петрик Анжелика Сергеевна – младший научный сотрудник отдела научных исследований. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664005, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, e-mail: petrik.yurist.irk@mail.ru).

УДК 342.22
ББК 67.021

В.А. Самсонов,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Предположения о закате существования национального государства и права на современном этапе являются преждевременными и желаемое при этом выдается за свершившийся факт. Рынок не в состоянии оперативно реагировать на постоянно меняющиеся условия в сфере научно-технического прогресса и реализовывать планы по решению долгосрочных стратегических задач. Рынок не может решить проблему бедности и нищеты. Подчеркивается, что существуют две параллельные тенденции – утрата глобализацией своей былой значимости и выход на первый план задач развития национального государства и права.

Ключевые слова: национальное государство; рынок; процесс глобализации; жизненный уровень; факторы глобального характера.

В последнее время всё чаще некоторая часть сообщества учёных-юристов высказывается по поводу того, что существование национального государства в нынешнем виде подходит к своему завершению. Современное государство не в состоянии обеспечивать своё функционирование на должном уровне вследствие набирающей темпы мировой глобализации.

Ряд учёных, проводящих исследования в этом же направлении, категорически не согласны с подобными утверждениями, выражая прямо противоположные суждения по рассматриваемому вопросу. Предположения о закате существования национального государства и права на современном этапе являются преждевременными и желаемое при этом выдается за действительное. Кроме того, утверждается, что сами заключения, с опорой на которые делаются выво-

ды о кризисе национальных государственно-правовых институтов в условиях развития глобализма, как правило, далеки от сложившейся в мире ситуации.

Необходимо принять во внимание, что существующее положение дел, связанное с решением вышеупомянутого научного спора, обусловлено состоянием социальной, политической и экономической сфер жизнедеятельности национального государства и направлениями развития национального права. Полагаем, не соответствуют действительности идеи теории социального либерализма в части утверждения, что роль регулятора глобального экономического и социального развития мировой системы играет стихийный рыночный механизм.

Изучая поэтапно ход развития истории современной России после прекращения существования советского государства, новые вдохновители теории в современных условиях связывают безбедное, благополучное существование с капитализмом. Они отнесли наличие рыночной экономики и буржуазной демократии к признакам правового государства, возвели приоритет отдельной личности перед коллективом в разряд высших человеческих ценностей. При этом замалчивается рыночный опыт ряда отдельных государств, приведший к резкому падению жизненного уровня населения и разрушению национальной экономики. Это отчётливо продемонстрировало не только нежизнеспособность, но и бесперспективность дальнейшего развития «чисто рыночных» отношений для государственного, общественного и правового прогресса ввиду того, что рынок не в состоянии оперативно реагировать на постоянно меняющиеся условия в сфере научно-технического прогресса и реализовывать планы по решению долгосрочных стратегических задач. Ему «безразличны» национальные и общесоциальные интересы, моральные, нравственные, общечеловеческие, комплементарные и иные ценности. Рыночные отношения «равнодушны» к проблемам экологии, не предназначены решать проблему бедности и нищеты.

Для России, обладающей огромными материальными, социальными и духовными ценностями, имеющей свои многообразные национальные интересы, не всегда совпадающие с ценностями и интересами других стран, национальная безопасность и задачи ее обеспечения в самых различных сферах и проявлении

ях – это далеко не абстрактные или второстепенные вопросы, а такие, которые должны решаться по-настоящему и в целях самосохранения и дальнейшего развития российского государства и общества.

И.Я. Фроянов предрекал, что «перед нами новый более утонченный и коварный вариант агрессивного экспансионизма, при осуществлении которого нет прямого насильственного захвата, присоединения или подчинения чужих земель, а есть втягивание других государств в сферу влияния своей экономической мощи» [1, с. 13]. При этом он отмечал: «...исторический опыт показывает, что глобализация есть формирование нового мирового порядка, характеризуемого слиянием, как правило, принудительно и насильственно национальных экономик в одну единую экономическую систему, уничтожением национальных государственных правительств, а значит, и государственных границ» [2, с.1].

Прав был известный ученый-экономист С.Ю. Глазьев, писавший еще в 1997 г. о том, что уже шесть лет, как Россия не имеет национального правительства, проводит радикальные преобразования под руководством международных финансовых организаций и под опекой руководителей стран «семерки», и что «роль официального правительства страны сведена к функциям исполнения составляемых МВФ планов по либерализации экономики» [3, с.1].

В мировой практике нет единого мнения по вопросу, каким образом глобализация влияет на национальное государство и право. Мнения расходятся: от идей о полном исчезновении национального государства и права при достижении пика глобализации и постепенном формировании на их основе некой планетарной управляющей системы и мирового права [4, с. 34] до предположений о сохранении в некоем видоизмененном формате национального государства и права при любых условиях.

Не затрагивая высказанные точки зрения и суждения относительно характера изменений национального государства и права под воздействием глобализации по существу, обратим внимание на факторы глобального характера, влияющие на этот процесс, в числе которых:

– возникновение международного рынка и появление транснациональных корпораций;

– глобализация финансовых рынков, создавших влиятельные экономические институты, интересы которых зачастую идут вразрез с интересами национальных государств;

– интенсивное слияние средств массовой информации и коммуникаций, воздействующих на общественное сознание;

– разделение труда на межгосударственном уровне;

– возросшее влияние достигших высокого уровня развития Соединенных Штатов Америки и других государств на слаборазвитые страны;

– обозначившаяся для большинства стран опасность изоляции на фоне ускоренного развития передовых технологий в мире, вследствие чего их ждёт технологическое, техническое и иное отставание.

Перечисленные факторы, несомненно, оказывают влияние на национальное государство и право. Национальные государства, не учитывающие в своей деятельности их нарастающего воздействия на окружающий мир, рискуют со временем остаться на обочине цивилизации.

Между тем события мировой политики последних лет дают серьезную почву для мыслей о сомнительности жизнеспособности институтов глобализации. С одной стороны, на фоне обостряющегося экономического кризиса отдельные государства и даже целые регионы все чаще встречаются с практикой сворачивания экономических связей, нарушения нормального политико-дипломатического контакта. Как видится, мировой экономической кризис во многом расставил точки над «i» в споре о том, обернется ли дальнейшее развитие глобализации размыванием национального суверенитета современных государств. С другой стороны, постепенный откат американско-европейской модели глобализации связан и с заметным укреплением позиций Китайской Народной Республики. Как бы то ни было, в настоящее время в политико-правовой действительности представлены обе взаимоисключающие тенденции: глобализа-

ция и усиление политики современных государств, направленной на защиту суверенитета и национальной безопасности.

Напрашивается вывод о том, что возросшее неконтролируемое влияние глобальных факторов на развитие, самодостаточные государства определяется, в основном, их интересами, а для остальных государств (помимо их собственных интересов) – степенью вовлеченности последних в орбиту интересов высокоразвитых стран и, соответственно, степенью и характером их зависимости от этих стран.

Список использованной литературы

1. *Фроянов И.Я.* Погружение в бездну: (Россия на исходе XX века). СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 800 с.
2. *Фроянов И.Я.* Глобализация и судьбы России // Советская Россия. 2011. 23 июня.
3. *Глазьев С.Ю.* Мы и новый мировой порядок // Независимая газета. 1997. 9 окт.
4. *Цыганков П.А.* Глобальные политические перемены и язык теории // Глобальные и политические перемены в мире / Отв. ред. Мельвиль. М., 1997. С. 34–38.

Информация об авторе

Самсонов Виктор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права и теории права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: vikt1@rambler.ru).

УДК 340.152
ББК 67.3(4)

М.А. Сафонов,
кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

К ВОПРОСУ О ПЛАТЕ ЗА УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

Рассмотрены государственные мероприятия Афинской и Римской республик в области материального стимулирования граждан к участию в публично-

политической деятельности. Проведен сравнительный анализ мероприятий по проведению выплат гражданам за участие в выборах. Выявлены сходства и различия практики выплат в Афинах и Риме, на основании разных критериев дана оценка эффективности материального стимулирования избирателей.

Ключевые слова: античность; выборы; демократия; история государства и права; республика.

Тенденции развития современных государств вполне очевидно свидетельствуют о непростых временах для демократических институтов власти во всем мире. В связи с этим интерес представляет оценка исторического опыта материального стимулирования граждан к участию в избирательном процессе в античную эпоху в таких государствах, как Афинская и Римская республики.

Оба этих государства на определенных этапах своего развития столкнулись с упадком деятельности народных собраний и падением политической активности значительной части граждан. Сравнительный анализ характера стимулирующих выплат, порядка их осуществления, а также результативности в преодолении абсентеизма, способен дать ценные выводы как для понимания генезиса исторических форм избирательного процесса, так и для более глубокого осмысления современных тенденций в развитии демократии.

На рубеже V и IV веков до н.э. социально-экономическая дифференциация афинского общества привела к фактическому распаду единства полисной общины, к установлению экономической и политической гегемонии олигархических кругов. Граждане Афин стремительно теряли как возможность, так и желание участвовать в традиционных демократических процедурах: выборах, законотворчестве, осуществлении правосудия.

Аристотель указывал, что для того, чтобы собрать необходимое в соответствии с законом количество граждан на собраниях, должностные лица государства были вынуждены придумывать всяческие ухищрения [1, с. 100].

Плата в размере 1 обола (серебряная монета весом в 0,7-0,75 граммов) за посещение народного собрания была введена членами совета пятисот около 395 г. до н.э. по предложению демагога Агиррия. Размер платы регулярно повышался и спустя несколько десятилетий – ко временам Аристотеля – достиг

уже 6-9 оболов [2, с. 389–390]. Такую сумму крестьянин или ремесленник мог заработать за полный рабочий день [1, с. 100].

Аристократы негативно отзывались о практике платы простолюдинам за участие в деятельности народных собраний. Вместе с тем плату гражданам за исполнение их политических обязанностей они считали «неизбежным злом», признавая, что иначе народное собрание в Афинах не созвать [2, с. 390].

В древнем Риме плата гражданам за участие в деятельности народных собраний была учреждена императором Октавианом Августом и производилась за счет личной казны правителя [3, с. 50].

Октавиан в глазах современников лишь продолжил имевшуюся традицию раздачи денег народу, однако император не являлся частным лицом, что придавало проводимым им выплатам и раздачах характер государственного мероприятия. Светоний Транквилл свидетельствует, что выплачиваемые Августом в день выборов деньги давались якобы для того, чтобы избиратели не смели ничего требовать от кандидатов [3, с. 49–50]. Проведение игр, представлений, шествий, состязаний и показательных боёв также косвенно влияло на поднятие политической активности римлян, поскольку все это неизменно апеллировало к республиканским порядкам [3, с. 51].

В качестве базового признака, выражающего схожесть и однопорядковость рассмотренных явлений в Афинах и Риме, можно обозначить стремление правящих кругов материально поддержать функционирование старых форм политической организации общества в условиях, когда их фактически заменили новые, лишь внешне связанные с демократическим устройством.

Правящие круги хотя и были вынуждены утверждать свою власть в условиях окончательного отмирания прямой демократии и очевидного упадка выборного представительства, тем не менее были связаны традиционными институтами легитимации власти – в первую очередь с выборами на народных собраниях.

Следует отметить, что плата рядовым гражданам за участие в выборах и других формах деятельности народных собраний была введена по инициативе «сверху», а не под давлением масс.

При всей схожести мер материального поощрения активности избирателей в Афинах и Риме, а также условий, в которых действовали эти меры, можно отметить и ряд существенных различий между ними.

Во-первых, определенным своеобразием отличались исторические обстоятельства, ставшие причиной упадка деятельности народных собраний на традиционных началах. Для Афин, развитие которых окончательно так и не вышло за рамки полисного государства, упадок демократии выражал закономерную тенденцию разложения замкнутой городской общины.

Рим, в свою очередь, ко временам Августа давно перерос замкнуто-полисный строй и превратился в огромную мировую державу. К.В. Вержбицкий утверждает, что замкнутость гражданского коллектива, столь характерная для античного города-государства, в Риме была утрачена уже в III в. до н.э. Ко временам Цезаря Августа число римских граждан по цензовой переписи 13-14 гг. до н.э. приблизилось к 5 000 000 человек [4, с. 271]. Таким образом, для Рима введение платы за участие в выборах выражало не трудности преодоления полисного этапа развития, а объективную потребность в укреплении механизма государства на началах централизации.

Во-вторых, заметно отличались и масштабы выплат, что напрямую происходило из количества полноправных граждан в сравниваемых государствах. Афинская городская община насчитывала несколько десятков тысяч граждан, тогда как в одном только Риме во времена Августа проживало несколько сотен тысяч граждан. С учетом приведенных выше данных о количестве граждан и суммах выплат в обоих государствах можно прийти к выводу, что правящим кругам Рима политическая активность населения обходилась заметно дороже, нежели афинским олигархам.

В-третьих, значение имеет и та форма правления, для легитимации которой применялся механизм материального стимулирования избирателей. В

Афинах IV в. до н.э. реальная власть находилась в руках коллективных аристократических органов: совета пятисот, коллегии десяти стратегов и коллегии архонтов. Плата за участие в выборах в Афинах служила целям консервации старых государственных форм, сохранению аристократической республики. В Риме введение платы за участие в деятельности народных собраний происходило во времена заката республиканского строя и становления принципата. Таким образом, в Риме подобная мера служила средством утверждения новых форм организации публичной власти, способствовала изменению формы правления в государстве.

В-четвертых, отличалось и восприятие современниками вводимых мер материального стимулирования граждан к политической деятельности: если в Афинах введение платы расценивалось как свидетельство упадка нравов и гражданской доблести, то в Риме раздача населению денег и подарков в дни выборов не вызывала серьезных нареканий в обществе.

Таким образом, между практикой платы гражданам за участие в выборах и других видах деятельности народных собраний в Афинах и Риме имелись как сходства, так и различия. При этом в обоих случаях мы видим использование правящими кругами материальных стимулов для поддержания угасающих форм политической организации общества с целью легитимации власти.

С точки зрения поддержания политической активности граждан и обеспечения сохранности республиканского строя подобная мера не может быть признана действенной. Ни в Афинах, ни в Риме данная мера не способствовала не только возрождению, но и устойчивому длительному существованию демократических институтов [5, с. 288].

С позиции другого критерия – возможности обеспечения стабильности существующего государственно-политического строя – опыт древних Афин и Рима указывает, что рассмотренная мера материального поощрения могла иметь положительный эффект лишь на протяжении определенного времени.

Список использованной литературы

1. *Строгецкий В.М.* Народное собрание в древнегреческом полисе: ширма, символ или фундамент полисной структуры? // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2008. № 7. С. 97–104.
2. *Бузескул В.П.* История афинской демократии. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1909. 476 с.
3. *Светоний Транквилл, Гай.* Жизнь двенадцати цезарей. [пер. с латин. и примеч. М. Л. Гаспарова]. М. : Наука, 1993. 364 с.
4. *Вержбицкий К.В.* Республиканские традиции и имперские новации в системе принципата Августа // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2011. № 10. С. 259–272.
5. *Зотов Д.В., Иванов Ю.А.* Некоторые аспекты формирования принципата в древнем Риме // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2016. № 1–1. С. 286–292.

Информация об авторе

Сафонов Михаил Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: safonovmikhail1990@gmail.com).

СЕКЦИЯ «ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ» СЕКЦИЯ «АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ»

УДК 342.7
ББК 67.400

О.А. Антонова,
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет

О РЕФОРМИРОВАНИИ ПРИНЦИПА КОЛЛЕГИАЛЬНОГО И ЕДИНОЛИЧНОГО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ СУДАМИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Автором проведено исследование законодательного закрепления одного из конституционных принципов отправления правосудия в Республике Беларусь в историческом развитии. Выделены проблемы правового регулирования и правоприменительной практики рассмотрения дел коллегиальным составом суда в первой инстанции. На основе сравнительного анализа сформулированы предложения по совершенствованию нормативного обеспечения коллегиального судебного рассмотрения в контексте проводимой конституционной реформы в Республике Беларусь.

Ключевые слова: правосудие; коллегия судей; народный заседатель; присяжный заседатель.

В соответствии с действующей Конституцией Республики Беларусь в качестве одного из принципов отправления правосудия закреплено коллегиальное и единоличное рассмотрение дел судами по существу. При этом конституционное положение ограничено только указанием на две возможные формы производства в суде первой инстанции, а право определить и детализировать вид (способ) такой судебной коллегиальности передано законодателю и осуществляется им на отраслевом уровне. В настоящее время судебная коллегия в первой инстанции представлена профессиональным судьей и двумя народными заседателями.

Если обратиться к истории вопроса, то можно отметить определенную периодичность возвращения к дискуссии о необходимости (возможности) введения в белорусских судах института присяжных заседателей, что позволяет говорить о незавершенности судебно-правовой реформы в нашей стране.

После объявления независимости 23 апреля 1992 года Верховным Советом Республики Беларусь была утверждена Концепция судебно-правовой реформы. В этом нормативном акте впервые была закреплена идея о необходимости восстановления института присяжных заседателей, при этом предусматривалось несколько видов коллегиального рассмотрения дел в зависимости от уровня суда и категории дела. В частности, планировалось введение коллегии из профессионального судьи и присяжных заседателей; коллегии из трех профессиональных судей; коллегии из трех профессиональных судей и присяжных заседателей. Например, в межрайонных (окружных) судах коллегия из одного профессионального судьи и коллегии присяжных заседателей должны были рассматривать уголовные дела о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет, если обвиняемый не признает себя виновным в совершении преступления [1]. В областных, Минском городском судах коллегии из трех профессиональных судей и коллегии присяжных заседателей должны были рассматривать уголовные дела о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет или смертная казнь, а также, уголовные дела, где обвиняемый не признает себя виновным [1]. В соответствующем постановлении указывалось: «Введение суда присяжных как наиболее демократичной формы отправления правосудия, выработанной цивилизацией и обеспечивающей независимость и самостоятельность суда, определяется необходимостью расширения реального участия населения в судебной деятельности, привнесения в нее житейского здравого смысла и народного опыта, милосердия и справедливости» [1].

В соответствии с утвержденной концепцией 13 января 1995 года был принят закон Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей», в статье 8

которого закреплялся коллегиальный состав суда первой инстанции по уголовным делам о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде смертной казни, если обвиняемый не признает себя виновным и требует назначения суда присяжных, – в виде одного судьи и коллегии из семи присяжных заседателей [2]. Однако указанная статья в этой части не вступила в законную силу, а в 2002 году вся статья была исключена из закона. Следует отметить, что в 1999 году в нашей стране был принят Уголовно-процессуальный кодекс, нормы которого уже не восприняли положения Концепции судебно-правовой реформы и вернули в судебную практику институт народных заседателей. Принятый в 2006 году, действующий в настоящее время Кодекс о судоустройстве и статусе судей также в рассматриваемом вопросе ограничился нормами о народных заседателях. После этого наступило «затишье» в реформировании судебной системы в части совершенствования деятельности коллегиальных составов суда. Нельзя отметить и активную научную дискуссии в защиту суда присяжных.

Тем не менее, в 2011 году на совещании с участием председателей судов всех звеньев глава государства озвучил мысль о необходимости вернуться к обсуждению возможности образования суда присяжных. Эта инициатива была закреплена в качестве одного из направлений совершенствования деятельности судебных органов. В частности, Указом Президента от 10 октября 2011 года было утверждено Послание о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, в котором в числе необходимых мер по оптимизации судебной нагрузки и совершенствованию процедуры судопроизводства назывался и вопрос о возможности введения института присяжных заседателей [3]. Многие из Послания были реализованы путем внесения изменений и дополнений в законодательство, однако нормы о суде присяжных так и не были разработаны и внесены в Палату представителей Национального Собрания. Более того, если в 2011 году Председатель Верховного Суда В.О. Сукало, ответственный за реализацию судебной реформы, в интервью высказывался за воз-

возможность замены института народных заседателей на присяжных заседателей¹, то уже в 2020 году он отмечал, что «...сам суд присяжных – не самая удачная и качественная форма правосудия»².

По мнению Е.А. Купряшиной, Е.А. Черкасовой, «в мире существуют две основные формы участия граждан в отправлении правосудия: “чистая” система жюри (суда присяжных), где граждане составляют специальную коллегию в суде, которая определяет факты и решает все вопросы в заседании суда на основе факта и, главным образом, отвечает на вопрос, виновно ли лицо в совершении преступления или нет; смешанная система жюри, где граждане и судьи составляют совместную коллегию в суде, в которой они имеют равные права в назначении наказания» [5, с. 26]. Если уточнить предложенную классификацию в отношении смешанной системы в части равных полномочий всех членов коллегии не только в назначении наказания, но и в решении всех вопросов как процессуального, так и материального законодательства в ходе разрешения уголовного дела, то такая система используется в Республике Беларусь. По нашему мнению, основной проблемой применения института народных заседателей является заведомая невозможность значимого участия граждан в такой судебной коллегии в связи с отсутствием у заседателей специальных знаний по юриспруденции, что, безусловно, лишает лицо возможности сформировать собственное мнение, например, о правильности квалификации содеянного, и тем более аргументировать его. Такое незнание тонкостей законодательства может быть безразличным только для решения вопросов о наказании.

Кроме того, возникает вопрос об уровне нормативного закрепления состава коллегиального рассмотрения дел судами. Например, в Российской Федерации в Конституции (статья 123) предусматривается суд присяжных. В статье 75 Конституции Республики Казахстан также установлено, что уголовное дело

¹ Сукало не исключает поэтапного реформирования института народных заседателей в институт присяжных // Бел-ТА. 21 июля 2011 г. URL: <https://www.belta.by/society/view/sukalo-ne-iskljuchaet-poetapnogo-reformirovanija-institut-a-narodnyh-zasedatelej-v-institut-prisjazhnyh-115789-2011> (дата обращения: 22.09.2021).

² Валентин Сукало – о новой системе правосудия // Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. 11 июня 2020 г. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/june/51455> (дата обращения: 22.09.2021).

может рассматриваться с участием присяжных заседателей. Такой подход следует считать наиболее оптимальным и для Республики Беларусь. Наличие конституционной нормы о суде присяжных позволит исключить как затягивание процесса замены народных заседателей на институт присяжных, так и субъективное нежелание принимать меры к реализации этого института.

Список использованной литературы

1. Концепция судебно-правовой реформы: постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2021. URL : <https://ncpi.gov.by/>.

2. О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь: закон Республики Беларусь от 13 января 1995 г. №3514-ХП // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2021. URL : <https://ncpi.gov.by/>.

3. Послание о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь: указ Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2021. URL : <https://ncpi.gov.by/>.

4. Купряшина Е.А., Черкасова Е.А. Участие граждан в отправлении правосудия в России и зарубежных государствах // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 25–28.

Информация об авторе

Антонова Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин. Белорусский государственный экономический университет (220064, г. Минск, пр. Рокоссовского, 65, e-mail: volha2002@yandex.ru).

Р.В. Антропов,
кандидат юридических наук, доцент
Забайкальский государственный университет,
Забайкальский институт предпринимательства СибУПК
Н.А. Антропова,
доктор филологических наук, профессор
Забайкальский государственный университет,
Забайкальский институт предпринимательства СибУПК

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НЕМЕЦКИЙ ОПЫТ

В статье описывается опыт Германии по обеспечению информационной безопасности страны, который может быть взят на вооружение в других странах, в том числе в России. Рассматриваются правовые и организационные основы обеспечения информационной безопасности, исследуется деятельность немецкого федерального ведомства по безопасности в сфере информационной техники – BSI. Представлен комплекс превентивных мер BSI в борьбе с кибератаками и утечками данных.

Ключевые слова: Германия; информационная безопасность; правовые и организационные основы; BSI.

В России и во всем мире резко выросло число преступлений, совершаемых посредством IT-технологий. Так, по данным МВД России, в январе-декабре 2019 г. в стране было совершено 294,4 тыс. так называемых IT-преступлений, то есть преступлений с использованием различных информационно-телекоммуникационных технологий. Причём этот показатель продемонстрировал негативную динамику – прирост на 68,5% по сравнению с 2018 г. В общем объеме правонарушений на долю преступлений с использованием IT-технологий приходится 14,5%. При этом почти половина всех зафиксированных киберпреступлений (48,5%) относится к категориям тяжких и особо тяжких³. В связи со сложившейся ситуацией на уровне МВД РФ было принято решение о создании специальных структур для борьбы с киберпреступлениями и

³ Мошенники ушли в Сеть // Российская газета. 2020. 28 янв.

существенном расширении штата уже имеющихся подразделений подобного типа.

Учитывая данные обстоятельства, целесообразно было бы обратиться к опыту борьбы с киберпреступностью в Германии, имеющей схожие с Россией проблемы. Так, по сообщению Федерального ведомства по безопасности в сфере информационной техники от 4 июля 2020 г., жертвой хакерского взлома программного обеспечения стала немецкая IT-компания Kaseya, чей софт использовала крупная шведская сеть супермаркетов CoopSweden, а также множество предприятий в сфере малого и среднего бизнеса по всему миру, в том числе 200 фирм в США⁴. Ещё ранее сообщалось о проникновении хакеров во внутреннюю компьютерную сеть Бундестага с помощью вредоносной программы («трояня»), об атаках на штаб-квартиру партии «Христианско-демократический союз», возглавляемой канцлером ФРГ Ангелой Меркель, об утечке в Twitter личных данных, в том числе паспортных и кредитных карт, 994 немецких политиков, актеров, журналистов и музыкантов. И такие примеры по всему миру можно перечислять до бесконечности.

Неслучайно сегодня придаётся особое значение созданию системы информационной безопасности, способной защитить страну от возникающих угроз, предотвратить экономический ущерб и минимизировать риски, связанные с хранением и обработкой информации.

В ФРГ управление IT-безопасностью осуществляется на основе международной серии стандартов ISO/IEC 27000. Кроме того, с успехом используется разработанная специально для немецкоязычных стран методика создания системы менеджмента информационной безопасности «IT-Grundschutz» (IT-Основная защита). При оценке и сертификации продуктов и систем IT применяется международный стандарт ISO/IEC 15408, содержащий общие критерии оценки безопасности информационных технологий. Здесь следует назвать так-

⁴ Кибератака, в которой подозревают россиян, затронула тысячи компьютеров в ФРГ // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/kiberataka-revil-mogla-zatronut-tysjachi-kompijuterov-v-frg/> a-58156094 (дата обращения: 21.08.2021).

же целую серию международных стандартов по промышленной кибербезопасности IEC 62443 [1].

Самым значимым немецким федеральным органом по кибербезопасности и разработчиком безопасной оцифровки документов является Федеральное ведомство по безопасности в сфере информационной техники (нем. das Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik, сокр. BSI). Штаб-квартира BSI в Бонне является подразделением Федерального министерства внутренних дел, строительства и родины (нем. Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat). Техническая работа BSI ведётся в восьми отделах, которые делятся на подотделы. Подотделы, в свою очередь, разделены на разные секции. В настоящее время в BSI работает около 1200 человек [2].

BSI работает с 1 января 1991 года согласно «Закону об учреждении Федерального управления по информационной безопасности» (далее – Закон). В основе Закона лежит новое понимание превентивной и информационной политики, впервые сформулированной в рамках «Концепции будущего информационных технологий», представленной федеральным правительством в июле 1989 г. Согласно Закону все затронутые и заинтересованные стороны должны быть проинформированы о рисках информационных технологий и возможных защитных мерах. С началом широкого использования Интернета стало ясно, насколько грамотно был сориентирован этот подход на будущее.

Сегодняшняя работа BSI основывается на «Законе о Федеральном ведомстве по безопасности в сфере информационной техники», который первоначально вступил в силу 20 августа 2009 года в виде «Закона об усилении безопасности в сфере информационных технологий ФРГ» и с тех пор неоднократно обновлялся [3]. Кроме того, существует ряд специальных правовых положений, в которых определены задачи BSI в связи с определенными темами, например, в контексте перехода федерации к зелёной энергетике или в области телекоммуникаций.

С самого начала основными задачами BSI были защита правительственных сетей и обеспечение безопасности центральных сетевых шлюзов. Благодаря по-

правке к Закону о BSI от 2009 г. BSI смогло разработать обязательные стандарты безопасности для закупок и использования информационных технологий для федеральных властей. BSI стало центром отчетности по ИТ-безопасности федеральной администрации с тем, чтобы гарантировать способность федерального правительства действовать в случае ИТ-кризисов национального значения. BSI изначально выступало в качестве компетентного консультанта по всем вопросам информационной безопасности для бизнеса, науки и общества.

Задачи и полномочия BSI были значительно расширены «Законом по повышению безопасности информационно-технических систем» (далее – Закон), который вступил в силу в июле 2015 года. Формулируя обязательные минимальные требования к ИТ-безопасности, Закон в первую очередь улучшает защиту «критически важных инфраструктур» (далее – KRITIS) и увеличивает сетевую безопасность в тех областях, информационные сбои в которых могут иметь драматические последствия для экономики, государства и общества Германии. Кроме того, операторы KRITIS обязаны сообщать BSI обо всех серьезных инцидентах в области ИТ-безопасности.

Проектом Закона об ИТ-безопасности 2.0 полномочия BSI в 2021 г. вновь были расширены для решения задач, связанных с продвижением цифровых технологий. Данный законопроект предназначен обеспечить цифровую защиту прав потребителей при поддержке BSI. Как разработчик безопасной дигитализации в Германии, BSI поддерживает потребителей в оценке рисков, связанных с технологиями, продуктами, услугами и медиа-предложениями, например, путем введения «ярлыка безопасности ИТ».

Проект также предусматривает дополнительные полномочия BSI в отношении федеральной администрации. Здесь расширяются контрольные и инспекционные полномочия по защите государственных сетей. Федерации предписывается задействовать BSI на ранней стадии в крупных федеральных проектах по дигитализации.

Сегодня всё больше бизнес-процессов переводятся на информационные технологии или взаимосвязаны с ними. В результате защита информации и за-

щита от киберпреступлений приобретают всё большее значение. Власти на уровне федерации и земель, а также компании Германии обязуются внедрить базовую ИТ-защиту от злоумышленников, чтобы создать соответствующий уровень безопасности. В феврале 2021 г. BSI в очередной раз опубликовало многочисленные изменения, касающиеся компендиума основных мер по ИТ-защите. Уже в четвёртом издании были прописаны новые детальные требования к информационным процессам и системам [4]. Обновлённое руководство позволит выявить степень выполнения необходимых требований по построению системы управления и обеспечению информационной безопасности – от ведения документации до применения средств защиты информации.

Обеспечение информационной безопасности является одной из острейших проблем современного мира. Изучение правовых и организационных основ обеспечения информационной безопасности в разных странах позволит усовершенствовать национальную систему информационной безопасности, а знакомство с опытом работы зарубежных ведомств по кибербезопасности может внести определенный вклад в оптимизацию деятельности специальных органов защиты информации в Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. *Loubichi S.* IEC 62443: IT-Sicherheit für industrielle Automatisierungssysteme – eine Einführung in die Systematik. VGB PowerTech Journal, Ausgabe 6/2019, S. 71–76.
2. Das BSI // Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik: [сайт]. URL : https://www.bsi.bund.de/DE/Das-BSI/Organisation-und-Aufbau/organisation-und-aufbau_node.html (дата обращения: 10.08.21).
3. Gesetz über das Bundesamt für Sicherheit in der Informationstechnik (BSI-Gesetz – BSIG). Frankfurt a. Main: Outlook Verlag GmbH, 2013. 12 S.
4. Checklisten Handbuch IT-Grundschutz: Prüfaspekte des IT-Grundschutz-Kompodiums. Das-BSI: ReguvisFachmedien, 2021. 520 S.

Информация об авторах

Антропов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса. Забайкальский государственный университет (672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30); зав. лабораторией контрастивных исследований немецкой и российской систем права. Забайкальский институт предпринимательства – филиал АНОО ВО Цен-

тросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации» (672086, г. Чита, ул. Ленинградская, 16, e-mail: goman-anthropov23@rambler.ru).

Антропова Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры европейских языков и лингводидактики. Забайкальский государственный университет (672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30); профессор кафедры гуманитарных дисциплин. Забайкальский институт предпринимательства – филиал АНОО ВО Центросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации» (672086, г. Чита, ул. Ленинградская, 16, e-mail: naanropova@rambler.ru).

ББК 67.400.8

УДК 342.8

В.А. Бельков,
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

ОБ ОСНОВНЫХ ИТОГАХ ВЫБОРОВ 2021 ГОДА В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Описываются результаты выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Определяются особенности итогов данных выборов на территории Иркутской области.

Ключевые слова: выборы; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации; Иркутская область.

На территории Российской Федерации осенью 2021 года состоялись выборы в разные уровни органов власти, которые оказались весьма насыщенными по количеству избирательных кампаний. В Иркутской области прошедшее голосование характеризовалось проведением избирательных кампаний в муниципальные органы, дополнительными выборами депутатов Законодательного Собрания Иркутской области по округам – №2 (победу одержал А. Качин – КПРФ) и № 3 (победу одержал А. Красноштанов – партия «Единая Россия»). Однако наибольший интерес на территории Иркутской области представляли выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – ГД ФС РФ), которые характеризовались рядом интересных особенностей.

Первая особенность связана с периодом голосования. Указанные выборы проходили в несколько этапов и стартовали 5 сентября 2021 г. досрочным голосованием в отдаленных и труднодоступных местностях Иркутской области. В частности, в этот день проголосовали отдельные жители Ольхонского района и поселка Большие Коты Иркутского района. Остальные жители Иркутской области имели возможность проголосовать в течение трех дней подряд, то есть 17, 18 и 19 сентября, что является непривычным для граждан и обусловлено соответствующей санитарно-эпидемиологической ситуацией, вызванной пандемией COVID-19. В условиях пандемии COVID-19 эту меру можно назвать одним из рациональных путей снижения рисков заражения при посещении избирательного участка. Данная мера стала более понятной избирателям и прозрачной по оценке наблюдателей, нежели, например, практикуемая в других регионах система электронного голосования, хотя за ним, безусловно, будущее избирательного процесса.

Вторая особенность обусловлена явкой избирателей. Если изучить данные по явке на протяжении трех дней, то можно установить, что они существенно отличаются и характеризуются «волнообразностью». Например, в Участковой избирательной комиссии избирательного участка № 757 Иркутской области (далее – УИК 757)⁵ в первый день проголосовало 56 человек, во второй – 88 избирателей и в третий день голосования свое право выбора реализовали 180 граждан РФ. Таким образом, в первый день в УИК 757 проголосовало 17,2 % людей от общего числа проголосовавших на данном избирательном участке, во второй день – 27,16 %, а вот в третий – уже более половины, то есть 55,55%. Можно подчеркнуть, что цель не допустить очередей в избирательных участках, в принципе, была достигнута, хотя большинство людей по-прежнему предпочитают голосовать в последний день по причине удобства, привычки или же незнания о возможности проголосовать в предыдущие дни.

⁵ Здесь и далее относительно УИК 757 описывается опыт участия автора в качестве наблюдателя на выборах 17, 18 и 19 сентября 2021 г. на данном избирательном участке.

Кроме того, если в целом изучать данные по явке, то можно отметить, что на территории Иркутской области она ниже общефедеральных показателей. В Российской Федерации на избирательные участки пришло порядка 51,72%⁶ избирателей, в то время как в Иркутской области по федеральному округу проголосовало всего 36,99%⁷, а, например, в УИК 757 всего 27,5 % (324 человека из 1178 избирателей). Относительно областных показателей хорошая явка была продемонстрирована при досрочном голосовании в поселке Большие Коты, где участие в выборах приняли 25 человек (54,3% избирателей)⁸.

Безусловно, подобные сведения могут указывать на необходимость корректировки работы для привлечения большего числа граждан на избирательные участки. В частности, одним из аргументов непришедших на голосование избирателей может стать пандемия COVID-19 и, как следствие, – страх заражения. Однако на избирательных участках были предприняты все необходимые меры для существенного снижения вероятности заражения новой коронавирусной инфекцией. Для этого работники избирательных комиссий использовали одноразовые халаты, одноразовые нитриловые перчатки, одноразовые маски, специальные защитные экраны и обрабатывали поверхности и руки антисептиком. Безопасность избирателей обеспечивалась путем выдачи пришедшим на избирательный участок одноразовых масок, одноразовых перчаток и шариковых ручек, используемых индивидуально каждым гражданином. К тому же, в соответствии с установленной периодичностью, осуществлялось мытье полов на избирательном участке с использованием моющих и дезинфицирующих средств, дезинфицировались кабинки для голосования, а также применялись другие меры. Иными словами, фактически проводилась большая работа на избирательных участках по части борьбы с распространением COVID-19. Информацию об этом необходимо умело доносить до сведения избирателей, энергичнее агити-

⁶ О результатах выборов, состоявшихся в единый день голосования 19 сентября 2021 года. Часть V // Сайт избирательной комиссии Российской Федерации. URL : <https://telegra.ph/O-rezultatah-vyborov-sostoyavshihsiya-v-edinij-den-golosovaniya-19-sentyabrya-2021-goda-CHast-V-09-24>.

⁷ Официальные итоги выборов подведены // Сайт избирательной комиссии Иркутской области. URL: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru/docs/7622/>.

⁸ Досрочное голосование началось в Иркутской области // Сайт газеты «Областная». URL: <https://www.ogirk.ru/2021/09/06/dosrochnoe-golosovanie-nachalos-v-irkutskoj-oblasti/>.

ровать людей пользоваться своим активным избирательным правом и проводить комплексную просветительскую деятельность, поскольку среди причин отсутствия на избирательных участках доминируют следующие ответы: «не считаю, что мой голос на что-то повлияет»; «всё уже заранее решено»; «трудовая занятость, учеба, болезнь», нахождение за городом»; «нет доверия» [1, с. 35]. Возможно на подобную позицию граждан также влияют сведения из непроверенных источников о подкупах избирателей. Подобные сведения должны незамедлительно проверяться и в случае подтверждения информации на основе закона привлекать к ответственности подкупающую сторону. При этом наказание для лица, продающего свой голос, не предусмотрено [2, с. 45] и с этим законодательным пробелом стоит бороться, как и с самим явлением в целом.

Третья особенность нашла свое отражение в результатах выборов по федеральному избирательному округу. Согласно официальным результатам выборов по сведениям Центральной избирательной комиссии РФ по федеральному избирательному округу, партия «Единая Россия» получила 126 мандатов (около 56% голосов избирателей, принявших участие в выборах), КПРФ – 48 мест (21,33%), партия «Справедливая Россия – За правду» – 19 мандатов (8,4%), ЛДПР – 19 мест (8,4%), партия «Новые люди» – 13 мест (5,77%)⁹. В целом здесь стоит отметить большой отрыв партии «Единая Россия» от оппонентов при наличии неплохой (более половины голосов) поддержки избирателей. В Иркутской области ситуация вновь отличается от общероссийских данных: первое место также занимает партия «Единая Россия», но с показателями в 36,99% (почти на 20% меньше федеральных, что можно назвать не очень успешным итогом), второе место также у КПРФ – 27,81% (показатели выше общероссийских почти на 6,5%), а вот третье место – у партии «Новые люди» – 9,81%, что можно назвать огромным успехом данной политической силы, которая впервые участвовала в выборах на территории области. Также 5%-ный барьер в области

⁹ О результатах выборов, состоявшихся в единый день голосования 19 сентября 2021 года. Часть V // Сайт избирательной комиссии Российской Федерации. URL : <https://telegra.ph/O-rezultatah-vyborov-sostoyavshihsiya-v-edinyj-den-golosovaniya-19-sentyabrya-2021-goda-CHast-V-09-24>.

преодолели ЛДПР – 8,58% и партия «Справедливая Россия – За правду» – 6,67%.

А четвертая особенность проявила себя в результатах выборов по одномандатным избирательным округам. Если учесть, что на долю партии «Единая Россия» на федеральном уровне приходится 198 мандатов, КПРФ – 9 и «Справедливая Россия – За правду» – 8, а на долю всех остальных – 10 мандатов [5], то результаты в Иркутской области выглядят, на первый взгляд, схожим образом (победу одержали три представителя партии «Единая Россия» и один от КПРФ). Однако при детальном изучении картина представляется несколько иной и весьма любопытной. Напоминаю, что при выборах по одномандатным избирательным округам используется мажоритарная система относительного большинства, согласно которой для победы требуется большее количество голосов избирателей по отношению к другим кандидатам (то есть с условным перевесом всего в 1 голос), что позволяет избегать второго тура выборов. Важно подчеркнуть, что самая уверенная победа принадлежит представителю КПРФ Михаилу Щапову по округу № 93, за которого проголосовало 93 083 избирателя (50,77%). Иные же победившие кандидаты (все от партии «Единая Россия») не получили абсолютного большинства голосов (более 50%) и характеризуются более скромной поддержкой избирателей в своих округах. По округу № 94 победил Антон Красноштанов, которого поддержали 69 413 человек (41,35%), по округу № 95 выиграл Сергей Тен при 70 071 голосе (40,56%), а в округе № 96 в Госдуму ФС РФ избран Александр Якубовский, который набрал 45 515 голосов (31,29%)¹⁰. В этой связи следует говорить о том, что позиции данных кандидатов являются менее прочными, и вновь избранным депутатам следует активизировать свою работу в округах, поскольку на следующих выборах конкуренты могут оказаться сильнее.

Подводя итоги прошедших выборов на территории области, можно констатировать низкую явку, которая негативно сказывается на развитии полити-

¹⁰ Официальные итоги выборов подведены // Сайт избирательной комиссии Иркутской области. URL: <http://www.irkutsk избирком.ru/docs/7622/>.

ческой системы. Однако сами выборы продемонстрировали настоящую борьбу, в которой всё решает каждый голос. Например, по результатам выборов в УИК 757 по одномандатному избирательному округу № 95 за Виктора Кондрашова проголосовало 111 человек, а за Сергея Тена – 100 (другие кандидаты отстали очень сильно). На том же УИК 757 по федеральному избирательному округу за партию «Единая Россия» проголосовало 104 человека, КПРФ поддержали 98 избирателей (отставание всего на 6 голосов), а третье место заняла партия «Новые люди», с показателями 43 голоса (другие партии отстали весьма существенно). В целом стоит отметить, что Иркутская область в очередной раз проявила себя не самым простым регионом в ходе выборов и, в первую очередь, для партии «Единая Россия», что выразилось в высокой популярности и повышении роли оппозиционных партий. А статистические данные свидетельствуют в пользу явной активизации деятельности политических сил региона в борьбе за электорат.

Список использованной литературы

1. *Безвербная М.Ю.* Как повысить явку на выборах: устами избирателей // Пролог: журнал о праве. 2016. № 1. С. 43–47.
2. *Грогуленко Л.В.* Юридическая ответственность за подкуп избирателей на выборах // Пролог: журнал о праве. 2019. № 2. С. 43–47.

Информация об авторе

Бельков Владислав Александрович – старший преподаватель кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: Vladislav-cherem78@mail.ru).

УДК 342.84
ББК Х67.4

Н.В. Кешикова,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ЗЕРКАЛЕ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РФ

Поднимается проблема необходимости цифровизации избирательной системы России в свете поправок к Конституции РФ. Акцентируется внимание на адаптации избирательной системы как института конституционного права к условиям цифровизации общества путем претерпевания изменений избирательного законодательства и порядка организации и проведения выборов. В результате становится насущным выработка соответствующего понятийного аппарата, дополнение принципиальных начал и разработка соответствующих механизмов их обеспечения.

Ключевые слова: избирательная система; цифровизация; цифровые избирательные технологии; принципы.

В современном правовом государстве основа легитимности обычно ассоциируется с национальной конституцией, с ее фундаментальными ценностями, принципами и нормами, равно как и с согласием общества по поводу их применения государственными институтами и должностными лицами [1]. С принятием поправок к Конституции РФ начался новый этап административной реформы в нашей стране [2]. О современных направлениях нового этапа административной реформы можно судить исходя из анализа содержания поправок к Конституции РФ, закрепленных в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Среди важнейших из них по праву обозначены: научно-техническое развитие РФ; дальнейшее развитие информационных технологий; обеспечение национальной безопасности страны, в том числе обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. Тем самым информатизация современного общества,

внедрение новых информационных технологий неизбежно влияют не только на организацию и деятельность органов публичной власти, но и на претворение в жизнь предписаний конституционно-правовых норм. Происходят процессы центростремительной адаптации конституционных институтов к новым реалиям общественной жизни [3], не является здесь исключением и институт избирательной системы. В этой связи следует отметить, что проблемы порядка формирования государственных органов в целом, избирательной системы, а также деятельности в сфере организации и проведения выборов постоянно становятся предметом научных исследований [4; 5; 6]. В практике же избирательное изменение цифровизации выражается не только в изменении формата избирательных отношений, но и в формировании иного качества политических связей, возникающих в результате изменения соотношения между классическими формами избирательных коммуникаций и новыми виртуальными и цифровыми технологиями [7]. Одновременно актуализируется вопрос о необходимости реформирования избирательной системы в направлении ее цифровизации, что находит отражение прежде всего в избирательном законодательстве. В первую очередь претерпевает изменение Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Кроме того, цифровизация коснулась порядка организации и проведения выборов. В 2019 г. Центральная избирательная комиссия РФ (далее – ЦИК РФ) стала участником национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», были приняты «Основные направления развития ГАС «Выборы» до 2022 года». ЦИК России определила четыре основных направления развития ГАС «Выборы» на период до 2022 г.: «Цифровые сервисы», «Цифровая платформа», «Цифровые данные об участниках избирательного процесса», «Голосование вне зависимости от места нахождения». 2 декабря 2020 г. на заседании ЦИК России была принята за основу концепция создания новой цифровой платформы¹¹. В 2020 г. было успешно реализовано 15 цифро-

¹¹ ЦИК анонсировал отказ от системы ГАС «Выборы» // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/735910/> (дата обращения 01.09.2021).

вых сервисов для участников избирательного процесса с использованием портала «Госуслуги» и единого портала ЦИК России при проведении Общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации 1 июля 2020 г. и в Единый день голосования 13 сентября 2020 г.¹² Новая цифровая система нашла свое применение на выборах 2021 года, а полный переход на нее обозначен в планах уже в 2022 году. Как мы видим, реализация направления административной реформы в формате цифровизации избирательной системы на уровне организации и проведения выборов идет полным ходом. Однако в процессе цифровизации избирательной системы Российской Федерации никто не отменял недостатки использования электронных (цифровых) технологических внедрений в дистанционное голосование, как-то: 1) подверженность сетевым атакам; 2) необходимость изготовления специальных бюллетеней для отдельных электронных устройств и др.[8].

Как обстоят дела с исследованием цифровизации избирательной системы в научном сообществе? В целом специалисты прогнозируют в ближайшем будущем выстраивание избирательной системы нового уровня с условным названием «открытая» [9]. В частности, представляет научный интерес мнение Е.А. Ежова и Р.А. Алексеева по проблеме понятия электронных избирательных технологий [10]. Так, они предлагают рассматривать электронные избирательные технологии в трех аспектах: 1) с точки зрения инструментально-прикладной в качестве способов, средств и приемов, через которые осуществляется воздействие на электоральные предпочтения избирателей; 2) с позиций процессного подхода, соответственно, как процесс коммуникации между участвующим в выборах кандидатом (партией) и избирателями; 3) в чисто доктринальном – в качестве междисциплинарной категории, объединяющей в себе базовые основы различных гуманитарных знаний. Плюс данной позиции заключается в попытке выработать единый понятийный аппарат избирательной системы в условиях ее цифровизации, а также в комплексной оценке понима-

¹² На заседании ЦИК России представлена Концепция создания Цифровой платформы реализации основных гарантий избирательных прав граждан Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/48465/> (дата обращения: 01.09.2021).

ния исследуемого ими явления. Однако в последнем аспекте авторы не раскрывают сути понятия цифровых избирательных технологий как научной категории. Одновременно в юридической науке предпринимаются усилия, направленные на обобщение и систематизацию избирательных цифровых технологий [11].

В качестве выводов из вышесказанного сформулируем следующее. Формирование понятийного аппарата следует начинать с определения понятий «цифровизация избирательной системы» и «цифровизация порядка организации и проведения выборов». В частности, цифровизация порядка организации и проведения выборов может рассматриваться в качестве результата коренного преобразования концепции и формата организации и проведения выборов в условиях трансформации функционирования социально-общественных систем всех уровней под воздействием информационно-коммуникационных технологий, в ходе создания сетевых сервисных платформ интеграции и взаимодействия субъектов и участников данного порядка как пользователей цифровых избирательных технологий в современных условиях. Зарубежный опыт, а также научные теории отечественных ученых позволяют в порядке дискуссии признать «принцип защиты волеизъявления избирателей в условиях применения информационно-коммуникационных технологий в процессе организации и проведения выборов», а также «принцип защиты персональных данных избирателей в условиях применения информационно-коммуникационных технологий в процессе организации и проведения выборов» основополагающими принципами данного порядка в условиях цифровизации избирательной системы, которые требуют своей легализации в конституционном праве. По достижении последней следующим шагом в алгоритме развития цифровизации избирательной системы станет насущной разработка надлежащего правового и информационно-организационного механизмов обеспечения указанных принципов, в первую очередь в рамках дистанционного электронного голосования в ходе организации и проведения выборов.

Список использованной литературы

1. *Медушевский А.Н.* Конституционная реформа – 2020 с позиций теории легитимности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С.15–30.
2. *Редкоус В.М.* Основные направления нового этапа административной реформы в Российской Федерации // Закон и право. 2020. №8. С. 15–18.
3. *Киричкёв Е. В.* Цифровизация в конституционно-правовом измерении // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4. С. 29–40.
4. *Кешикова Н.В.* Система порядка формирования государственных органов: алгоритм дефинирования, структура, значимость // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. IX Межд. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 16 октября 2020 г.) / отв. ред. А.М. Бычкова, С. И. Сулова. Т. 2. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. С. 73–77.
5. *Кешикова Н.В.* Типология порядка формирования государственных органов: к вопросу постановки проблемы // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы VIII Межд. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 27 сентября 2019 г.) / отв. ред. Э.И. Девицкий, С.И. Сулова. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. С. 58–62.
6. *Кешикова Н.В.* Проблемы идентификации концептуальной модели порядка формирования государственных органов в теории конституционного права. Иркутск, 2018. 231 с.
7. *Петрова С. В.* Трансформация политического и избирательного процесса в условиях цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. №. 6. С. 209–212.
8. *Кондращенко Д.А.* Конституционно-правовое регулирование использования информационных технологий в избирательном процессе Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 215–222.
9. *Булаев Н. И.* Современный избиратель – мобильный избиратель // Вестник ЦИК России. 2021. Специальный выпуск. С. 34–39.
10. *Ежов Е. А.* Избирательное право и избирательный процесс в актуальном прочтении (рецензия на учебное пособие Р.А. Алексеева «Избирательная система, избирательный процесс и технологии») // Власть. 2021. № 2. С. 107–110.
11. *Степанова Т. Д.* Перспективы развития цифровизации избирательного процесса в Российской Федерации // Скиф. 2021. №5. С. 320–325.

Информация об авторе

Кешикова Наталья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права и теории права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: nvkeshikova2011@mail.ru).

УДК 343.85
ББК 67.515

Е.В. Кузнецов,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

ОБОСНОВАННОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЛИЧНОГО ПОРУЧИТЕЛЬСТВА КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОГО УСЛОВИЯ ПРИЕМА НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Отсутствие личного поручительства является одним из оснований для отказа в приеме гражданина на службу в органы внутренних дел. В этой связи акцентируется внимание на проблемах, с которыми сталкиваются кандидаты на работу, не имеющие родственных связей и знакомых в данном ведомстве. Делаются выводы о том, что институт личного поручительства препятствует решению отдельных кадровых задач в органах внутренних дел, в том числе создает коррупционные риски. Последнее ставит под сомнение обоснованность обязательного использования института личного поручительства в деятельности указанных правоохранительных органов.

Ключевые слова: личное поручительство; поручитель; коррупция; конфликт интересов; органы внутренних дел; кадры; прием на службу.

Согласно ч. 7 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ о службе в ОВД) на гражданина, поступающего на службу в органы внутренних дел (далее – ОВД), оформляется личное поручительство. Порядок и категории должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство, определяются федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел. С учетом десятилетнего опыта использования указанными правоохранительными органами института личного поручительства практиче-

ский интерес приставляет вопрос о его эффективности при решении задач в сфере кадрового обеспечения ОВД и противодействия коррупции.

Приказом МВД России от 1 февр. 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» [2] (далее – Приказ МВД России № 50) в приложении №7 определен перечень категорий должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство. В этот перечень включены, например, водители, механики, контролеры КПП, помощники участкового уполномоченного полиции, оперативные дежурные, инструкторы, методисты, психологи, фельдшеры и др.

Анализируя существующую практику приема на службу сотрудников ОВД, следует отметить, что руководители территориальных органов МВД России различного уровня при решении задачи кадрового обеспечения деятельности структурных подразделений своих органов систематически сталкиваются со следующей проблемой: многие потенциальные кандидаты на различные должности ОВД, отвечающие необходимым для прохождения службы требованиям, не имеют родственников и знакомых среди сотрудников ОВД, имеющих стаж службы не менее трех лет, которые могли бы оформить на них личное поручительство.

В Приложении № 8 к Приказу МВД России от № 50 приведен рекомендуемый образец поручительства, согласно которому поручитель должен указать следующие сведения о кандидате (поручаемом): длительность знакомства с ним (в том числе прохождения совместной службы), его моральные и профессиональные качества, умения и навыки, степень ответственности соблюдения законности и дисциплины, данные об отсутствии личной корыстной заинтересованности, включая наличие служебных коррупционных связей или противоправных отношений с преступной средой. Исходя из приведенных требований, поручителем должен выступать сотрудник, который долгое время и весьма близко знал кандидата, однако, как показывает практика, многие кандидаты не имеют близких знакомых среди сотрудников ОВД.

По причине отсутствия личных связей в ОВД потенциальные кандидаты сегодня вынуждены через «третьих лиц», в том числе и через руководителей территориальных ОВД, заинтересованных в приеме их на работу, искать для себя «мнимых» поручителей. Лиц, которые укажут на то, что они якобы знают кандидата и поэтому ручаются за соблюдение им ограничений и запретов, установленных для сотрудников ОВД российским законодательством.

При возникновении подобных ситуаций институт поручительства не достигает поставленной законодателем цели – укрепления служебной дисциплины и законности среди сотрудников, предупреждения происшествий и правонарушений с их участием, предотвращения возможности формирования коррупционных связей, устранения коррупционных рисков и улучшения качества отбора кандидатов (см. п. 43 Приказа МВД России № 50). Так как поручительство осуществляется «фиктивно», между кандидатом (будущим сотрудником ОВД), лицом, оказавшим помощь в поиске «фиктивного» поручителя, и самим поручителем возникает порочная, основанная на участии в заведомо незаконном оформлении поручительства связь, которая может перерасти в коррупционные отношения, включая конфликт интересов.

Следует заметить, что приказом МВД России от 18 мая 2012 года № 522 «Об утверждении Порядка оформления личного поручительства при поступлении на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и Категории должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство» [3] (утратил силу в связи с принятием Приказа МВД России №50) предусматривалась дисциплинарная ответственность поручителей в тех случаях, когда сотрудник, за которого они поручились, увольнялся по отрицательным основаниям из ОВД в течение 2-х лет после поступления на службу. Несмотря на то, что в настоящее время в ОВД ведомственными нормативными правовыми актами не предусмотрена ответственность поручителей за поручаемых, тем не менее, как показал опрос сотрудников ОВД, положения вышеуказанного приказа до сих пор являются одной из причин нежелания сотрудников выступать в качестве поручителя в ОВД.

Акцентируя внимание на противодействии коррупции, следует обратить внимание, что нормами Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [4] в качестве конфликта интересов рассматриваются прямые служебные отношения между лицами, состоящими как в близком родстве, так и свойстве, обусловленном имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями (см. ст. 10). В этой связи лицо, поручившееся за кандидата, с которым в будущем предполагается совместное прохождение службы, становится его собственником, так как они оказались связаны друг с другом, как минимум, корпоративными интересами, при условии, что они не находились в родственных отношениях.

В тех же случаях, когда кандидат на службу не предпринимает мер по поиску «фиктивного» поручителя, а руководитель ОВД не оказывает ему в этом помощи, прием его на службу в ОВД не осуществляется, тем самым ОВД теряют будущего специалиста (возможно, высококлассного), который мог бы внести определенный вклад в решение задач, стоящих перед ОВД.

Следует отметить, что институт поручительства при приеме на работу в ОВД в современной форме был внедрен в период преобразования милиции в полицию. При этом он был фактически заимствован из практики формирования рабочих и партийных кадров СССР, где поручительство рассматривалось долгое время в качестве одного из ключевых механизмов классовой борьбы, исключающего возможность поступления на работу в органы государственной власти и служебные коллективы «неблагонадежных – буржуазных элементов». С учетом того, что масштабный эксперимент по строительству коммунизма в России провалился, вряд ли следует считать указанный опыт повсеместного внедрения поручительства в ходе трудовых отношений успешным.

В контексте затронутой проблемы был проведен опрос практических сотрудников ОВД¹³, в ходе которого было установлено, что 99 % респондентов на вопросы: 1. «Считаете ли вы существующий институт поручительства в ОВД

¹³ Всего было опрошено 132 сотрудника из числа старшего начальствующего состава ГУ МВД России по Иркутской области.

эффективным механизмом по формированию кадров?» ответили «Нет»; 2. «Следует ли упразднить институт поручительства в ОВД?» ответили «Да». При этом отдельными опрашиваемыми было отмечено, что внедрение института поручительства выгодно в первую очередь руководителям кадровых подразделений ОВД, так как в определённой степени поручительство снимает с них ответственность за качество подбора и воспитания «молодых» сотрудников. Также участники опроса указали, что отбор «достойных» кандидатов вполне обеспечивается другими нормативно закреплёнными механизмами, например, наведением справок с использованием учётов, непосредственным сбором информации по месту жительства, работы или учебы, тестированием на психологическую и профессиональную пригодность, в том числе с использованием полиграфа, собеседованием, конкурсными процедурами.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, поручительство в ОВД по объективным причинам не может применяться в отношении всех кандидатов, впервые принимаемых на службу в ОВД, по причине того, что отдельные из них не имеют личных знакомств в данном ведомстве. Последнее ставит их в заведомо проигрышное положение по отношению к кандидатам «с династическими и иными связями в ОВД», что противоречит принципу равенства, закреплённому в ст. 4 ФЗ о службе в ОВД.

Во-вторых, поручительство в ОВД вынуждает отдельных руководителей в целях своевременного и качественного укомплектования кадров идти на служебные нарушения, выраженные в подборе «фиктивных поручителей».

В-третьих, личное поручительство при определенных обстоятельствах создает условия для возникновения конфликтов интересов в ОВД, выраженных в появлении среди личного состава сотрудников «свойственников», то есть тех, кто находится с отдельными сотрудниками в отношениях моральной, корпоративной и иной зависимости.

Приведенные негативные факторы обуславливают следующую позицию. Требование об обязательности оформления личного поручительства на гражданина, поступающего на службу в органы внутренних дел, должно быть упразд-

нено, для чего необходимо внести соответствующие изменения в ст. 17 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации...» и в ведомственные нормативные правовые акты ОВД, в частности, в приказ МВД России № 50.

Список использованной литературы

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (часть I). Ст. 7020.
2. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 (ред. от 24 ноября 2020 г.). URL : <https://docs.cntd.ru/document/542618303>.
3. Об утверждении Порядка оформления личного поручительства при поступлении на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и Категории должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство : приказ МВД России от 18 мая 2012 г. № 522 (утратил силу 1 февраля 2018 г.). URL : <https://docs.cntd.ru/document/902352346>.
4. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. №52 (часть I). Ст. 622.

Информация об авторе

Кузнецов Евгений Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: kev300579@gmail.com).

УДК 342.922
ББК 67.401.041

А.Г. Самусевич,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ НАКАЗАНИЕ В МЕХАНИЗМЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ**

Анализируется роль и место административного наказания в механизме формирования правосознания. Предполагается, что административное наказание как мера государственного принуждения формирует у индивида установки на дальнейшее правомерное поведение. В связи с чем необходимо, наряду с существующими целями частной и общей превенции, расширить состав целевых установок административного наказания.

Ключевые слова: административное наказание; правосознание; правомерное поведение; превенция; предупреждение правонарушений.

В настоящее время актуальным является вопрос о достижении целей административного наказания. С уверенностью можно констатировать, что желаемых результатов в сфере формирования правомерного поведения среди населения административное наказание не приносит. Нередки случаи, когда граждане совершают более ста административных правонарушений за недолгий период и не оплачивают большие суммы штрафов. Все это говорит о том, что административными наказаниями не достигается основная цель – предупреждение совершения новых правонарушений, так как правонарушители не боятся привлечения к административной ответственности впервые и при последующих фактах противоправного поведения.

Справедливо отмечает профессор С.М. Зырянов: «Субъекты управления, правоприменитель и законодатель пребывают в заблуждении о том, что с помощью административной ответственности можно решить практически любую управленческую задачу. Массовость административных правонарушений (поддерживаемая, в том числе усилиями самого законодателя, увеличивающего количество административных запретов) обеспечивает довольно существенный непрерывный поток штрафных сумм в бюджетную систему страны» [1, с. 44].

Таким образом, можно заключить, что сегодня меры административной ответственности не решают задачу по повышению уровня правосознания правонарушителя. Тем не менее законодатель постоянно вводит в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [2] новые запреты.

Можно задать вполне обоснованные вопросы, которые станут объектом последующих научных теоретико-правовых исследований: формирует ли административное наказание у индивида необходимый уровень правосознания, а также принуждает ли его к дальнейшему правомерному поведению? Каковы причины массового несоблюдения административно-правовых норм среди населения?

Как показывает правоприменительная практика, в указанной сфере имеется множество проблемных аспектов. Начнем с того, что правосознание субъекта можно представить, как сформированное у него внутреннее устойчиво-положительное отношение к правовым предписаниям, которые действуют на современном этапе, а также сознание в виде правовых знаний, ценностей и оценок, уяснения смысла и духа права с целью правильной практической реализации в повседневной жизни. Определяющим фактором формирования правосознания является правовая подготовленность субъекта, отвечающая требованиям современной юридической науки и правоприменительной практики.

Как видится, сформированное правосознание стимулирует субъекта и его правомерное поведение, то есть такое поведение, которое соответствует правовым предписаниям.

В действующем КоАП РФ говорится о том, что административное наказание «...применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами» (ст. 3.1). Так законодатель выделяет две основные цели административного наказания: частная и общая превенция.

В юридической литературе имеется множество подходов относительно сущности частной превенции. Вызывает интерес позиция А.Г. Репьева и К. А. Василькова, согласно которой «превенция – это деятельность всех участников общественных отношений (государственных и частных, юридических и физических лиц, властных и невластных) не только по недопущению, предотвращению противоправного поведения субъектов права, но и воспитательная, идеологическая работа среди населения» [3, с. 41].

Ценность приведенной точки зрения в том, что авторы включают в цель превенции воспитательный аспект, который как раз и формирует у правонарушителя правовые установки, не позволяющие совершать новые правонарушения. То есть речь идет о том, что через административное наказание реализуется и исправление правонарушителя в направлении формирования у него установок на правомерное поведение.

В этой связи согласимся с мнением профессора Б.Б. Бидовой, справедливо отмечающей, что «традиционным средством стимулирования правомерного поведения личности, на сегодняшний день, выступает мощный комплекс мер государственного принуждения, связанный с установлением ответственности за отклонение от предписаний норм права и поощрением активного их соблюдения. Страх перед наказанием является, для подавляющей части общества, одним из наиболее существенных факторов, влияющих на воздержание от совершения правонарушений, но малоэффективным средством воздействия в отношении лиц, отбывающих уголовные наказания, связанные с лишением свободы, т.к. их правовое положение существенно ухудшится уже не может» [4, с. 49]. Как видится, такая позиция не противоречит тому, что наказание играет важную роль в механизме формирования правосознания индивида.

Кроме того, можно согласиться и с мнением ученых о том, что «подбор конкретного вида и меры административного наказания, соответствующих поставленной цели, является самой сложной и в то же время самой важной задачей в административно-юрисдикционном процессе. Повлиять на поведение правонарушителя не устрашением, а путем признания собственных ошибок, осознанием своей вины, означает позитивно изменить будущее поведение правонарушителя, основанное на переоценке его внутренних убеждений» [5, с. 8].

Данную проблему необходимо рассматривать и с точки зрения эффективности реализации наказания. Можно отметить, что многие исследователи предпринимая удачные попытки определить эффективность административного наказания. Так, в юридической литературе по административному праву имеется научный подход, согласно которому понятие эффективности администра-

тивных наказаний включает в себя два элемента: 1) фактически достигнутый (реальный) результат применения административных наказаний и 2) цель, для достижения которой были приняты соответствующие правовые санкции [6]. Авторы справедливо говорят о том, что об эффективности административного наказания можно судить только при наличии фактически достигнутой цели – исправления правонарушителя. Однако такой цели сегодня в административном законодательстве нет.

Действительно, санкции административно-правовых норм должны удерживать от совершения правонарушения неустойчивых лиц из-за боязни быть подвергнутыми административному наказанию. Важным средством достижения общепревентивной цели является применение административных наказаний к правонарушителям, их реальное исполнение последними [6].

Итак, причины совершения большого количества административных правонарушений обусловлены многими факторами: отсутствием страха перед наказанием, отрицанием и игнорированием норм права, деформацией правосознания и т.д. Противоправное поведение становится привычным, нормальным для человека, административное наказание воспринимается как неизбежное, что оказывает мощное воздействие на правосознание индивида и формирует соответствующее коллективное правосознание, правовую культуру российского общества [1, с. 46]. Все это определенно говорит о необходимости формирования у населения целевых установок на правомерное поведение в этой сфере.

Сегодня необходимо ставить вопрос не только о применении методов принуждения, но и о формировании правосознания у населения, ориентируя его на правомерное поведение и уважение к закону. Это означает, что следует в полной мере использовать превентивное предназначение применяемых к правонарушителям мер административной ответственности, памятуя о том, что их профилактические особенности выражаются не только в наказании, но и, прежде всего, в предупреждении и предотвращении совершения теми же лицами новых и повторных нарушений административно-правовых норм.

Список использованной литературы

1. Зырянов С.М. Еще раз об общественной опасности административного правонарушения // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 43–46.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Репьев А.Г., Васильков К.А. «Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2. С. 35–42.
4. Бидова Б.Б. К вопросу об эффективном применении инструментов стимулирования правомерного поведения в обществе // Евразийский научный журнал. 2017. № 3. С. 49–50.
5. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Цель административного наказания // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 1. С. 5–13.
6. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации : учебник. М.: РГ-Пресс, 2019. 544 с.

Информация об авторе

Самусевич Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: samusevich79@mail.ru).

УДК 342.7
ББК 67.7

С.Ю. Чимаров,
доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский университет МВД России
Н.С. Чимаров,
кандидат юридических наук
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ СЕТЕВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В КОНТЕКСТЕ ВЕДОМСТВЕННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Описывается ряд проблем, связанных с обращением сотрудников органов внутренних дел к потенциалу социальных сетей. Выявляя направления правового регулирования отдельных аспектов сетевой коммуникации с участием личного состава системы МВД России и уточняя понятие сетевой безопасности,

авторы акцентируют внимание на необходимости оперативного реагирования на вызовы и угрозы современного информационного общества.

Ключевые слова: социальная сеть; органы внутренних дел; сетевая безопасность; цифровая бдительность.

Современный ареал социальных сетей обеспечивает реализацию обширного спектра правоохранительных задач и достижение совокупности полицейских целей, включая вопросы оповещения, предупреждения преступности, расследования преступных деяний (в том числе с участием представителей заинтересованных сообществ и отдельных граждан), а также достижение некоторых имиджевых показателей деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) [1]. Наряду с отмеченным не следует игнорировать роль инструментария социальных сетей в личной жизни сотрудников ОВД и их обращение к следующей его обояме: блоги (микроблоги) и их сайты, а также сайты обмена фотографиями и видео, RSS-каналы, подкастинг и другие способы продвижения цифрового контента посредством задействования социальных сетей.

Указанное обстоятельство предопределяет новый уровень требований к сотрудникам ОВД в отношении их участия в сетевом обмене, и, как следствие, новые подходы к решению проблемы правового регулирования вопросов, сопряженных с коммуникацией сотрудников посредством сети «Интернет», а также к соблюдению сотрудниками заповедей сетевой безопасности и цифровой бдительности. Под сетевой безопасностью сотрудника ОВД мы предлагаем понимать состояние защищенности принципиально значимых интересов его личности в условиях участия сотрудника в сетевом обмене как в процессе исполнения своих служебных обязанностей, так и в частном порядке. Предметом нашего исследования выступает проблема правового регулирования эвентуальных и реально действующих ограничений и запретов, сопряженных с использованием сотрудником потенциала социальных сетей и имеющих ограничительный, запретительный и предупредительный характер. Данные ограничения и запреты находят свое правовое закрепление в соответствующих ведомственных нормативных правовых актах. Примером может служить Приказ ГУ МВД России по г. Москве от 29 декабря 2018 г. №530, в соответствии с которым сотруд-

никам запрещено обмениваться и передавать служебную информацию через негосударственные электронные сервисы [2]. Правомерность действия закрепленных в этом Приказе нормативных положений подтверждена рядом судебных решений. К примеру, рассмотрев исковое заявление бывшего инспектора [ф.и.о.] к УВД на ММ ГУ МВД России по городу Москве, Мещанский районный суд города Москвы установил нарушение истцом действующей нормы указанного Приказа, согласно которой сотруднику ОВД запрещено обмениваться и передавать служебную информацию через негосударственные сервисы, включая «WhatsApp». На основании изложенного указанная судебная инстанция подтвердила правомерность увольнения [ф.и.о.] за нарушение служебной дисциплины из рядов ОВД. В данном случае суд апеллировал к факту нарушения бывшим сотрудником ОВД требований Приказа ГУ МВД России по г. Москве от 29 декабря 2018 г. № 530, корреспондирующих положениям ч. 4 ст. 7 Федерального закона «О полиции» № 3-ФЗ, п. 1 ч. 1 ст. 12, п. 2 ч. 1 ст. 13 Федерального закона 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», а также подпунктов «ж» и «м» пункта 11 «Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», одобренного решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) [3].

В целях уточнения порядка действий сотрудников в сетевом пространстве, направления их поведения в «правовое русло» и, исходя из особенностей профессиональной деятельности личного состава ОВД, в системе МВД России подготовлены «Методические рекомендации о правилах поведения и организационной защите персональных данных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и их близких в сети «Интернет» [4]. Разработка «Методических указаний» и их внедрение в практику повседневной деятельности связаны с необходимостью формирования у сотрудников правосознания относительно понимания важности осуществления контроля и защиты своих персональных данных в информационном пространстве и основных правил поведе-

ния в сети «Интернет». В структурном плане указанные «Методические указания» включают в себя: а) актуальные угрозы безопасности персональным данным сотрудников ОВД и их близких; б) способы противодействия угрозам безопасности данных субъектов информационного обмена. Следует отметить, что в названном документе зафиксированы в минимальном объеме требования обеспечения цифровой безопасности сведений о сотруднике и его близких, а также отражена идея необходимости осознания самим лицом того факта, какие данные, для каких целей и в каком объеме в перспективе повлекут оставление цифровой тени и цифрового следа. Важное значение для эффективного решения существенных вопросов сетевой безопасности сотрудников ОВД имеют положения «Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» (2020 г.), раздел V которого содержит свод отдельных этических требований обращения со служебной и личной информацией, включая ее публичное размещение в сети «Интернет» [5].

Резюмируя изложенное, представляется необходимым сформулировать следующие выводы: во-первых, интегрирование в практику административной деятельности нормативных положений ведомственных актов по линии МВД России в части правового регулирования вопросов сетевой безопасности и цифровой бдительности со стороны сотрудников ОВД свидетельствует об определяющей роли фактора оперативного реагирования соответствующих руководящих инстанций на вызовы и угрозы современного информационного общества; во-вторых, анализ правового регулирования рассмотренной сферы подтверждает необходимость правового воспитания сотрудников ОВД в духе соблюдения критерия безупречности своего поведения, предотвращающего нанесение урона авторитету как самого лица, призванного стоять на страже правопорядка, так и всей системы МВД РФ. Это одновременно поспособствует укреплению деловой репутации и авторитета не только самих сотрудников ОВД, но и всей системы МВД России.

Список использованной литературы

1. *Ситковский А. Л., Латов Ю. В., Червонных Е. В., Баянова И. Ю., Звягинцев С. А.* Практика использования возможностей социальных медиа в работе по информированию граждан о деятельности органов государственной власти: науч.-аналитический обзор. М. : Академия управления МВД России, 2020. 48 с.

2. О некоторых мерах по обеспечению информационной безопасности в подразделениях системы ГУ МВД России по г. Москве : приказ ГУ МВД России по г. Москве от 29 декабря 2018 г. № 530 (документ опубликован не был). URL : <https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/documents>.

3. Решение Мещанского районного суда города Москвы от 8 февр. 2021 г. «По гражданскому делу № 2-749/2021 по исковому заявлению Спиженковой Веры Сергеевны к УВД на ММ ГУ МВД России по городу Москве». URL : <https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/cases/docs/content/6763e5f0-7b37-11eb-a1cb-fd3b1490a7cb> (дата обращения: 19.09.2021).

4. Методические рекомендации о правилах поведения и организационной защите персональных данных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации и их близких в сети «Интернет». М. : ГУСБ МВД России, 2020. 17 с.

5. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. URL : <https://57.xn--b1aew.xn--p1ai/document/23693281>.

Информация об авторах

Чмаров Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы. Санкт-Петербургский университет МВД России (198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1, e-mail: serg120756@gmail.com).

Чмаров Николай Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права. Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (199178, г. Санкт-Петербург, 10 линия В/О, д. 19, e-mail: kolyomyagi4@gmail.com).

УДК 342.4
ББК 67.400.11

В.Н. Шутова,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК 2020 ГОДА

В статье с позиций конституционной аксиологии рассматриваются конституционные ценности в свете поправок к Конституции Российской Федерации

2020 года. Автор подразделяет конституционные ценности на две группы, отмечая при этом, что во вторую группу включаются новые ценности культурно-мировоззренческого характера. Подчеркивается, что в настоящее время важно реальное претворение в жизнь конституционных ценностей.

Ключевые слова: конституционные ценности; конституционная аксиология; конституционные поправки; реализация конституционных ценностей; конфликт ценностей.

Конституционной аксиологии как самостоятельному направлению исследований в конституционном праве в настоящее время уделяется пристальное внимание. Ученых давно интересуют проблемы иерархии конституционных ценностей, поиска их баланса и гармоничного сочетания, реальности воплощения ценностей в текущем законодательстве и в сознании людей. Именно ценности влияют на формирование представлений об идеальных моделях взаимодействия в обществе и государстве [1, с. 1385].

Принятие и вступление в силу поправок к Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в 2020 году обусловило повышение интереса к вопросам конституционных ценностей. Конституционная реформа коснулась не только отдельных вопросов организации публичной власти, как планировалось первоначально. Когда к работе над поправками подключились представители общественности, стало понятно, что настало время для более масштабных изменений.

Как верно отметила Е.И. Козлова, «ценностные свойства Конституции зависят и от того, насколько заложенные в ней концепции отвечают вызовам времени...» [2, с. 26]. Ценности, изначально закрепленные в Конституции РФ, были сформулированы в условиях глубокого политического и социально-экономического кризиса. Более двадцати пяти лет эти ценности оставались неизменными в силу их универсальности и соответствия общим национально-культурным и иным традициям многонационального народа России. В целом такая стабильность и неизменность конституционных ценностей обусловлена юридическими свойствами Конституции РФ, которая по справедливому утверждению Н.С. Бондаря, сама по себе выступает ценностью [3, с. 2].

Действительно, большинство ценностей зафиксировано в первой и второй главах Конституции РФ, в которые нельзя внести поправки. В связи с этим новые ценности получили отражение в третьей главе Конституции РФ, посвященной федеративному устройству. Безусловно, такое расположение нельзя назвать удачным, тем более, что новые конституционные ценности в основном мало связаны с федеративным устройством. Таким образом, в действующей редакции Конституции РФ содержание третьей главы не в полной мере соответствует ее наименованию. Между тем нельзя не признать, что закрепленные в таком виде новые ценности в целом отражают тенденции развития современного российского общества и государства, представляются значимыми и своевременными. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением В.В. Комаровой о том, что «конституция ... обеспечивает идентичность государства и его правовой системы национально-культурным традициям народа и идеалам права, которые приняты обществом» [4, с. 64].

С появлением в тексте Конституции РФ новых ценностей прослеживается закономерность, в соответствии с которой все конституционные ценности можно условно разделить на две группы.

Так, ценности, закрепленные в Конституции РФ в момент ее разработки и принятия, представляют собой универсальные ценности, сформировавшиеся в процессе становления России как самостоятельного государства и интеграции страны в мировое сообщество. Назовём эти ценности «ценностями первого порядка». К ним можно отнести те положения Конституции РФ, которые закрепляют идеалы демократии, принципы функционирования органов государственной власти, положение индивида в государстве (человек, его права и свободы – высшая ценность; правовое, демократическое, социальное государство; принцип разделения властей и другие).

«Ценностями второго порядка», появившимися в тексте Конституции РФ в результате поправок 2020 года, можно назвать ценности, отражающие культурные особенности многонационального народа России, его конституционную самоидентификацию. Это исторически сложившееся государственное единство

и память предков (часть 2 статьи 67¹); защита исторической правды (часть 3 статьи 67¹); дети как приоритет государственной политики России, воспитание в них патриотизма, гражданственности, уважения к старшим (часть 4 статьи 67¹); культура Российской Федерации как уникальное наследие ее многонационального народа (часть 4 статьи 68); культурная самобытность народов и этнических общностей России (часть 2 статьи 69); традиционные семейные ценности (пункт «в» части 1 статьи 114) и другие.

При этом следует отметить, что часть названных выше новых ценностей «переместилась» в текст третьей главы Конституции РФ из преамбулы, укрепив тем самым свои позиции.

Соглашаясь с мнением Н.С. Бондаря, который называет конституцию «своего рода юридическим зеркалом, призванным отражать социокультурный портрет общества и государства» [5, с. 25], и на основе анализа «ценностей второго порядка» можно прийти к выводу о своевременности закрепления в Конституции Российской Федерации новых положений культурно-мировоззренческого характера.

Между тем следует подчеркнуть, что конституционные ценности важны не сами по себе. Время «вербальных» ценностей [4, с. 65] прошло. В настоящее время важно реальное претворение в жизнь конституционных ценностей. Такая реализация в первую очередь осуществляется посредством развития конституционных норм в текущем законодательстве, их конкретизации и детализации. В этой связи необходимо обеспечить такое качество законодательства, которое позволит исключить так называемую нереализацию или нейтрализацию конституционных предписаний [6].

По экспертным оценкам, необходимо принять около 100 федеральных и федеральных конституционных законов во исполнение Конституции [7]. В настоящее время этот процесс уже запущен. В Государственную Думу Федерального Собрания РФ внесены основные законопроекты, развивающие конституционные поправки 2020 года. Некоторые законы, в числе которых есть и законы, гарантирующие новые конституционные ценности, приняты и вступи-

ли в силу. Например, такая конституционная ценность, как территориальная целостность, нашла отражение в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 299-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», который скорректировал понятие экстремистской деятельности с учетом новых положений Конституции РФ [8].

Другим важным аспектом реальности конституционных ценностей выступает недопущение подмены одной ценности другой или ее умаления за счет другой. То есть следует избегать так называемой «конкуренции ценностей», о которой говорит А.А. Кондрашев. Конкуренция конституционных ценностей – это столкновение в рамках конкретного правоотношения ценностей, регулирующих различные сферы общественных отношений [9, с. 24]. В данном вопросе важны взвешенные и справедливые правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который компетентен не только правильно разрешить конфликт ценностей, но и сформировать новые конституционные ценности как результат конституционно-судебной аксиологии.

Таким образом, конституционные ценности – явление не сиюминутное, они, как правило, проходят проверку временем и представляются достаточно стабильными. Между тем можно утверждать, что процесс закрепления, развития и реализации конституционных ценностей в законодательстве России продолжается.

Список использованной литературы

1. *Комарова В.В.* Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // *Успехи современного естествознания.* 2015. № 1. С. 1385–1387.
2. *Козлова Е.И.* Утраченная ценность (должна ли Государственная Дума конституироваться) // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы Международной научно-теоретической конференции 4-6 декабря 2008 г. : в 2-х т. М. : РАП, 2010, Т. 1. С. 25–31.
3. *Бондарь Н.С.* Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // *Журнал конституционного правосудия.* 2009. № 6. С. 1–11.

4. *Комарова В.В.* Конституция страны – ценность государства и общества // *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* 2019. № 1. С. 62–66.

5. *Бондарь Н.С.* Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // *Журнал конституционного правосудия.* 2016. № 1. С. 23–30.

6. *Шутова В.Н.* Проблемы построения правового государства в условиях односторонней реализации конституционных норм в российском законодательстве // *Пролог: журнал о праве / Prologue: LawJournal.* 2016. № 1. С. 1–4.

7. Поправки в Конституцию приняты. Что дальше? // *Российская газета.* 2020. 4 июля.

8. О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 299-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2020. № 31 (часть I). Ст. 5058.

9. *Кондрашев А.А.* Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* 2018. № 4. С. 21–29.

Информация об авторе

Шутова Валентина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного права и теории права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, улица Некрасова, 4, e-mail: tinav@bk.ru).

УДК 378
ББК 67.401.121

Е.В. Яковлева,
кандидат исторических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ ОСНОВНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ВЫСШЕГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ АКТУАЛИЗИРОВАННЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Обозначены проблемные вопросы, возникающие у образовательных организаций в ходе разработки основных профессиональных образовательных программ высшего образования с учетом требований актуализированных федеральных государственных образовательных стандартов на примере группы направлений 40.00.00 Юриспруденция.

Ключевые слова: образовательная программа высшего образования; профессиональные стандарты; универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции; индикаторы достижения компетенций.

С 1 сентября 2021 года по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция по всем уровням высшего образования началась реализация актуализированных федеральных государственных образовательных стандартов, получивших название «ФГОС 3++» [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Основанием для изменения стандартов стало стремление адаптировать высшее юридическое образование к потребностям работодателей. Нормативной базой данной реформы является Федеральный закон от 2 мая 2015 г. № 122-ФЗ, который установил, что требования стандартов профессионального образования к результатам освоения образовательных программ в части профессиональной компетенции должны формироваться на основе соответствующих профессиональных стандартов [7]. Разработка профессиональных стандартов началась в России еще с 2013 года по поручению Президента РФ [8].

Актуализированные федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (далее – ФГОС ВО) являются рамочными. В обновленных ФГОС ВО представлены только универсальные и общепрофессиональные компетенции. Министерство науки и высшего образования РФ отказалось формулировать профессиональные компетенции, переложив всю ответственность по их разработке на образовательные организации. Изначально планировалось, что образовательные организации будут разрабатывать образовательные программы с учетом требований стандарта и соответствующей примерной основной образовательной программой (далее – ПООП), включенной в единый реестр. ПООП должны были установить обязательные и рекомендуемые профессиональные компетенции, а также индикаторы достижения универсальных, общепрофессиональных и установленных ПООП профессиональных компетенций. Разрабатывать ПООП должны были эксперты федеральных учебно-методических объединений в системе высшего образования по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки (далее – ФУМО). В

сфере высшего юридического образования этим занималось ФУМО по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция.

ПООП рассматривались как ориентиры для образовательных организаций в вопросе разработки образовательных программ и были призваны обеспечить единство образовательного пространства по определённому направлению подготовки (специальности). Задача оказалась сложной и невыполнимой, поэтому Министерство науки и высшего образования РФ отказалось от разработки ПООП. Федеральный закон от 26 мая 2021 г. № 144-ФЗ [9] исключил из Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» понятие «примерные основные образовательные программы высшего образования». Данный факт был констатирован в Письме Министерства науки и высшего образования РФ руководителям образовательных организаций высшего образования № МН-5/1091 от 28.05.2021: «ПООП ВО разрабатываться и применяться не будут» [10]. С этого момента образовательные организации должны разрабатывать образовательные программы высшего образования только в соответствии с ФГОС ВО.

Одной из серьезных проблем в разработке образовательной программы является формулирование профессиональных компетенций. Профессиональные компетенции должны формироваться на основе профессиональных стандартов, перечень которых приводится в приложении ФГОС ВО. При отсутствии профессиональных стандартов, которые соответствуют профессиональной деятельности выпускника, профессиональные компетенции разрабатываются на основе анализа требований, предъявляемых выпускникам на рынке труда.

Для определения содержания профессиональной компетенции на основе анализа требований профессиональных стандартов образовательные организации могут использовать обобщенные трудовые функции из профессионального стандарта, выделяя их полностью или частично. В настоящее время отсутствует единый алгоритм по применению профессиональных стандартов при формировании профессиональных компетенций. Образовательные организации по

разному подходят к данному вопросу и для формулировки профессиональных компетенций могут использовать не только обобщенные трудовые функции, но и трудовые функции и даже трудовые действия. Практика показала, что адаптировать образовательные программы в части содержания профессиональных компетенций под требования профессиональных стандартов сложно. В большинстве случаев происходит формальная подгонка содержания профессиональных компетенций под формулировки обобщенных трудовых функций, установленных профессиональными стандартами, что не решает проблему подготовки выпускников, востребованных на рынке труда.

Сформировать профессиональные компетенции для образовательных программ по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция, используя только существующие на данный момент профессиональные стандарты, невозможно. Проблема в том, что сегодня в сфере юриспруденции принято всего лишь три профессиональных стандарта: «Следователь-криминалист» [11], «Специалист по конкурентному праву» [12] и «Специалист по операциям с недвижимостью» [13]. Данные стандарты рассчитаны на узкоспециализированные компетенции юристов. В то же время сфера юриспруденции весьма широкая, юристы работают в различных областях общественных отношений. Поэтому образовательные программы не могут быть ограничены лишь содержанием приведенных профессиональных стандартов.

Еще одной важной задачей, которая стоит перед образовательными организациями в процессе работы над образовательными программами, является разработка индикаторов достижения компетенций. Единый набор индикаторов достижения универсальных и общепрофессиональных компетенций должны были предложить разработчики ПООП. Планировалось, что индикаторы достижения универсальных компетенций будут сформулированы единообразно по уровню образования, а индикаторы достижения общепрофессиональных компетенций – единообразно на уровне укрупнённых групп специальностей и направлений или направления подготовки. В связи с отказом от разработки и

применения ПООП образовательные организации самостоятельно устанавливают все индикаторы.

Анализ образовательных программ высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция, реализация которых началась 1 сентября 2021 года, показал, что образовательные организации по-разному понимают смысл самого понятия «индикатор достижения компетенции». Некоторые образовательные организации формулируют индикаторы через систему «знать-уметь-владеть навыками», другие их формулируют в виде действий выпускника, освоившего определенную компетенцию. Таким образом, вместо единого набора индикаторов достижения универсальных и общепрофессиональных компетенций система высшего юридического образования получила огромное количество совершенно разных индикаторов по одинаковым компетенциям. Еще сложнее обстоит дело с формулировками индикаторов достижения профессиональных компетенций, так как сами профессиональные компетенции разрабатываются образовательными организациями самостоятельно. Такое разнообразие в содержании образовательных программ по одинаковым направлениям подготовки (специальностям) нарушает принцип единства требований к юридическому образованию и не дает возможности реализовать принципы мобильности обучающихся и академического обмена обучающимися.

Наличие свободы и самостоятельности образовательных организаций в разработке образовательных программ, к сожалению, не упрощает, а, наоборот, усложняет данный процесс. В настоящее время отсутствуют нормативный документ, определяющий алгоритм действий образовательной организации по формированию образовательной программы, а также методики формулирования профессиональных компетенций и индикаторов достижения компетенций. Наличие такого документа облегчит и унифицирует работу образовательных организаций над реализуемыми образовательными программами.

Список использованной литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция : приказ Минобрнауки России от 13 августа 2020 г. №1011 (в ред. от 26 ноября 2020 г.) // СПС «Гарант».

2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность : приказ Минобрнауки России от 18 августа 2020 г. №1058 (в ред. от 26 ноября 2020 г.) // СПС «Гарант».

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность : приказ Минобрнауки России от 28 августа 2020 г. №1131 (в ред. от 26 ноября 2020 г.) // СПС «Гарант».

4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза : приказ Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. №1136 (в ред. от 26 ноября 2020 г.) // СПС «Гарант».

5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности : приказ Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. №1138 (в ред. от 26 ноября 2020 г.) // СПС «Консультант-Плюс».

6. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция : приказ Минобрнауки России от 25 ноября 2020 г. №1451 // СПС «Гарант».

7. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : федер. закон РФ от 2 мая 2015 г. №122-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 18. Ст. 2625.

8. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики : указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №597 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. №19. Ст. 2334.

9. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» : федер. закон РФ от 26 мая 2021 г. №144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 22. Ст. 3679.

10. О направлении информации : письмо Минобрнауки России от 28 мая 2021 г. № МН-5/1091 // Официальные документы в образовании. 2021. № 20.

11. Об утверждении профессионального стандарта «Следователь-криминалист» : приказ Минтруда России от 23 марта 2015 г. №183н (в ред. от 12 декабря 2016 г.) // СПС «Гарант».

12. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по конкурентному праву» : приказ Минтруда России от 9 октября 2018 г. № 625н // СПС «Гарант».

13. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по операциям с недвижимостью» : приказ Минтруда России от 16 сентября 2019 г. № 611н // СПС «Гарант».

Информация об авторе

Яковлева Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных дисциплин, заместитель директора по учебной и воспитательной работе. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: elena.v.yakovleva@mail.ru).

**СЕКЦИЯ «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(К 20-ЛЕТИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ)»**

УДК 347.963
ББК 67.72

**А.А. Гавриленко,
Иркутский государственный университет
Н.Э. Шишкина,
доктор юридических наук, профессор
Иркутский государственный университет**

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНОЙ
ПРОКУРАТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**

Рассматриваются вопросы нормативных основ построения системы органов транспортной прокуратуры в Республике Казахстан. Проводится сравнение организационных основ построения транспортных прокуратур в Российской Федерации и Республике Казахстан. Выявлены отличительные особенности организации деятельности транспортных прокуратур в Республике Казахстан.

Ключевые слова: прокуратура; специализированные прокуратуры; транспортные прокуратуры; прокуратура Республики Казахстан.

Становление и развитие прокуратуры в Республике Казахстан тесно связано с развитием этого государственно-правового института прежде всего в России [1, с. 14].

Казахстанские исследователи отмечают, что в настоящее время в Республике Казахстан сформирован усредненный вариант прокуратуры, для которого характерно сочетание сохранения традиций советской прокуратуры и инкорпорации западного опыта функционирования прокурорских органов, что привело к уменьшению надзорных полномочий прокуратуры по сравнению с советским периодом ее развития [2, с. 7–24].

Все вышесказанное применимо и к составному элементу единой системы органов прокуратур Республики Казахстан – действующей модели построения транспортных прокуратур.

Проведенный анализ законодательства советского периода позволяет сделать однозначный вывод, что развитие транспортных прокуратур на территории Казахской ССР происходило идентично иным республикам в составе СССР.

Современная история прокуратуры Республики Казахстан берет свое начало с принятия Верховным Советом двенадцатого созыва 25 октября 1990 года Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР [3].

Органы транспортной прокуратуры Республики Казахстан с момента образования независимого государства были закреплены как составная часть единой системы органов прокуратуры нового государства.

Исходные положения построения системы органов и основные полномочия прокуратуры Республики Казахстан закреплены в ст. ст. 83-84 Конституции Республики Казахстан [4].

Развитие общественных отношений, поиск оптимальной модели места прокуратуры в системе органов государственной власти, укрепление ее статуса обусловили динамичные изменения нормативных актов, устанавливающих основы деятельности прокуратуры Республики Казахстан. Так, был принят новый Закон Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. № 81-6 «О прокуратуре» (далее – Закон «О Прокуратуре» 2017 г.) [5].

Организационные основы транспортных прокуратур в Законе «О Прокуратуре» 2017 г. закреплены с большим уровнем конкретизации. Как следует из содержания ст. 35 Закона «О Прокуратуре» 2017 г., система органов прокуратуры Республики Казахстан возглавляется Генеральной прокуратурой, а Главная транспортная прокуратура действует на правах приравненной к прокуратуре области, ей подчиняются приравненные к районным нижестоящие специализированные транспортные прокуратуры. Помимо этого, в абз. 2 ч.1 ст. 43 Закона «О Прокуратуре» 2017 г. в перечень прокуроров включен главный транспортный прокурор, что также не было свойственно нормам Закона О прокуратуре 1995 г. [6].

Положение о Главной транспортной прокуратуре утверждено приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 3 ноября 2017 года № 126

[7]. Данным актом установлено, что Главная транспортная прокуратура является специализированным органом Генеральной прокуратуры Республики Казахстан в сфере транспорта, от имени государства осуществляет в установленных законом пределах и формах высший надзор за соблюдением законности, представляет интересы государства в суде и от имени государства осуществляет уголовное преследование.

Наличие Главной транспортной прокуратуры является отличительной чертой организационного построения транспортных прокуратур Республики Казахстан по сравнению с Российской Федерацией.

Еще одной специфичной чертой транспортных прокуратур Республики Казахстан в сравнении с транспортными прокуратурами в Российской Федерации является более широкая компетенция в транспортной сфере. Последние не обладают компетенцией в отношении трубопроводного, автомобильного, городского рельсового и космического транспорта. Как и в России, полномочия транспортных прокуратур Республики Казахстан определены по сплошному принципу (ст. 5 Закона Республики Казахстан «О прокуратуре»), без изъятий, а ограничены лишь спецификой сфер специализированного прокурорского надзора.

Главной транспортной прокуратуре подчиняются 24 транспортные прокуратуры, приравненные к районным, городским прокуратурам. Из числа этих транспортных прокуратур как узкоспециализированные можно выделить авиационные транспортные прокуратуры г. Нур-Султана и г. Алматы¹⁴.

Следовательно, как и в России, система транспортных прокуратур в Республике Казахстан является двухзвенной, но – в отличие от российского опыта – вышестоящее звено представлено только одной прокуратурой, фактически окружного типа, находящейся в непосредственном подчинении (как и в России) Генеральной прокуратуре государства. Еще одной объединяющей чертой системы транспортных прокуратур является сочетание наличия как транспортных

прокуратур универсального типа (в отношении всех видов транспорта), так и узкой компетенции (в отношении отдельных видов транспорта). В отличие от России в системе прокуратуры Республики Казахстан нет транспортных прокуратур, не входящих в единую подсистему транспортных прокуратур Республики, тогда как в России территориальным прокуратурам подчинены прокуратуры метрополитена.

Вопросы взаимодействия транспортных прокуратур с иными органами прокуратуры раскрываются в актах Генерального Прокурора Республики Казахстан, определяющих порядок осуществления полномочий прокуратуры по соответствующим направлениям деятельности [см., например: 8].

Порядок назначения на должность главного транспортного прокурора определен Указом Президента Республики Казахстан от 29 марта 2002 года №828 «О некоторых вопросах кадровой политики в системе органов государственной власти» [9]. Из анализа данного акта следует, что Генеральный прокурор Республики Казахстан обладает большими полномочиями по участию в назначении Главного транспортного прокурора Республики Казахстан, даже в сравнении с тем, какая процедура назначения транспортных прокуроров окружного звена предусмотрена в Российской Федерации.

Для назначения на должность прокурора транспортной прокуратуры (приравненной к районной, городской) необходимо пройти конкурсный отбор, проводимый Генеральной прокуратурой Республики Казахстан, а на должность начальника управления Главной транспортной прокуратуры Республики Казахстан, конкурс проводится Главной транспортной прокуратурой Республики Казахстан [10].

Подводя итоги, отметим, что подсистемы транспортных прокуратур России и Республики Казахстан помимо значительного числа общих черт, связанных с единой исходной моделью, имеют существенные различия, обусловленные национальными особенностями нормативной регламентации места прокуратуры в системе органов государственной власти.

¹⁴ Официальный сайт Главной транспортной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/gtp/about/structure/238/1?lang=ru> (дата обращения: 25.08.2021)

Список использованной литературы

1. Туякбаев Ж.А. Развитие прокуратуры Казахстана в период государственно-правовой реформы : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 218 с.
2. Абдрахманова С.Ж. Некоторые вопросы определения места и роли органов прокуратуры // Научное обеспечение законопроектной деятельности в Республике Казахстан : научно-аналитический отчет по теме фундаментального и прикладного научного исследования; под общ. ред. к.ю.н. В.Т. Конусовой, м.ю.н. К.К. Сабирова. Астана : ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2018. 103 с.
3. О Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической республики : постановление Верховного Совета от 25 октября 1990 года // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1991. № 44. Ст. 408.
4. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.). URL : <http://zan.gov.kz/client/#!/doc/1/rus> (дата обращения: 04.09.2021).
5. О прокуратуре : закон Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. №81-6 // Казахстанская правда. 2017. 3 июля. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081> (дата обращения 04.09.2021).
6. О Прокуратуре : закон Республики Казахстан от 21 декабря 1995 г. № 2709 с изм. и доп. от 29 октября 2015 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1995. № 24. Ст. 156.
7. Об утверждении положений о прокуратурах областей и приравненных к ним прокуратурах : прил. № 18 к приказу Генерального Прокурора Республики Казахстан от 3 ноября 2017 года № 126. URL : <http://adilet.zan.kz/rus/docs/G17W0000126#z1344> (дата обращения: 04.09.2021).
8. О внесении изменений в приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 2 мая 2018 года № 60 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора» : приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 12 июля 2021 г. № 102. URL : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023523#z6> (дата обращения: 04.09.2021).
9. О некоторых вопросах кадровой политики в системе органов государственной власти : указ Президента Республики Казахстан от 29 марта 2002 года № 828. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U020000828_#z25 (дата обращения: 04.09.2021).
10. Об утверждении Перечня руководящих должностей, замещаемых на конкурсной основе, и Правил проведения конкурса на высшестоящие руководящие должности системы органов прокуратуры Республики Казахстан : приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 25 сентября 2018 года № 118. URL : <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800017447#z19> (дата обращения: 04.09.2021).

Информация об авторах

Гавриленко Артем Александрович – старший преподаватель кафедры судебного права Юридического института. Иркутский государственный университет (664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: 616661@mail.ru).

Шишкина Наталья Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института. Иркутский государственный университет (664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: constkaf@lawinstitut.ru).

УДК 343.13
ББК 67.410.207

Е.В. Горбачева,
кандидат юридических наук
Иркутский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ОБВИНЯЕМЫМ

Описывается ряд проблем, связанных с применением мер пресечения к несовершеннолетним обвиняемым. Автор приходит к выводу о несоответствии отдельных положений уголовно-процессуального законодательства международным стандартам применения процессуального принуждения к несовершеннолетним. Вносятся ряд предложений по изменению норм уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: заключение под стражу; принудительные меры воспитательного воздействия; отдача несовершеннолетнего обвиняемого под присмотр.

Несмотря на то, что прошло более тридцати лет с момента ратификации Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (далее – Пекинские правила) [1], отдельные положения уголовно-процессуального законодательства не приведены в соответствие с ними, в частности, по вопросу применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних.

Международные правовые акты, касающиеся отправления правосудия по делам несовершеннолетних, выдвигают достаточно конкретизированные требования к применению процессуального принуждения к несовершеннолетним к задержанию и аресту, в частности, исключительность, что подразумевает необходимость в первую очередь рассмотрения вопроса об освобождении (п. «b» ст.

37 Конвенции о правах ребенка, ст. 10.1 Пекинских правил). [2] В Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ни в ст. 108, ни в ч. 2 ст. 423) вообще не говорится о рассмотрении вопроса об освобождении несовершеннолетнего, а рассматривается только процедура решения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Вместе с тем, с позиции обеспечения защиты и охраны прав несовершеннолетних очень важно, в первую очередь, рассмотреть вопрос о возможности освобождения несовершеннолетнего, а уже затем, ввиду невозможности освобождения – об избрании меры пресечения. Российское уголовно-процессуальное законодательство также не предусматривает правила о том, что содержание несовершеннолетнего под стражей возможно только в течение кратчайшего периода времени (ст. 13.1 Пекинских правил). По мнению Е. Мизулиной, одного из основных разработчиков действующего УПК РФ, исключительность заключения под стражу вытекает из общей трактовки ч. 1 ст. 108 УПК РФ [3, с. 32], видимо поэтому в уголовно-процессуальном законодательстве не указывается на исключительность применения ареста к несовершеннолетним.

По нашему мнению, при рассмотрении ходатайства о применении заключения под стражу к несовершеннолетнему обвиняемому (подозреваемому) судья, прежде всего, должен проанализировать вопрос о возможности освобождения от применения процессуального принуждения в виде заключения под стражу, а в случае положительного решения о возможности применения ареста, мотивировать отказ в освобождении несовершеннолетнего из-под стражи в постановлении о применении меры пресечения.

Заключение под стражу должно стать действительно исключением, применяемым на незначительные сроки, поскольку одним из ключевых требований Пекинских правил являются кратчайшие сроки задержания и содержания под стражей (ст. 10.1, 13.1 Пекинских правил). Содержание несовершеннолетних в следственных изоляторах разрушает механизмы социализации и становится препятствием к полноценной жизни в обществе. Концентрация подростков примерно одной возрастной группы с несформированной личностной структу-

рой в условиях закрытости системы исправительных учреждений, в среде, где единственным реальным авторитетом является сила ложно понимаемого чувства товарищества, ведет к чрезвычайной жестокости, формирует асоциальную направленность личности. В настоящее время заключение под стражу несовершеннолетних как исключительная мера пресечения стала мерой обычной. Более 80% ходатайств об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу удовлетворяются.

Несмотря на утверждение разработчиков УПК РФ о том, что «присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым)» должен применяться в качестве основной, а не дополнительной меры пресечения [4, с. 187], в ст. 105 УПК РФ не говорится о том, что иные, кроме отдачи под присмотр, меры пресечения могут применяться к несовершеннолетнему лишь в случае невозможности применения к последнему иных мер пресечения.

Практика показывает низкую эффективность применения данной меры пресечения. Фактически вместо отдачи несовершеннолетнего под присмотр применяется подписка о невыезде и надлежащем поведении. В настоящий момент отличие понятия надлежащего поведения в присмотре за несовершеннолетним от надлежащего поведения в подписке о невыезде состоит лишь в том, что при наличии одних и тех же требований к несовершеннолетнему обвиняемому (подозреваемому) в первом случае обязательства по надлежащему поведению за несовершеннолетнего берет поручитель, а во втором случае обвиняемый сам обязуется соблюдать требования, предусмотренные ст. 102 УПК РФ, но при этом применение подписки о невыезде и надлежащем поведении гораздо проще.

Отказ от применения отдачи под присмотр вызван не только нежеланием следователей осуществлять более громоздкую процедуру избрания меры пресечения, но и низкой эффективностью самого присмотра родителей (попечителей), которая выражается в том, что подросток попал на скамью подсудимых. Зарубежный опыт показывает разнообразие мер процессуального принуждения к несовершеннолетним, которые носят воспитательный характер (постановле-

ние об опеке, руководстве и надзоре; передача на воспитание в приемную семью и др.). Назрела необходимость расширить содержание мер процессуального принуждения в отношении несовершеннолетних, носящих не столько карательный, сколько воспитательный характер.

Более чем за полувековое существование в уголовно-процессуальном законодательстве присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) так и остался практически неприменимой мерой пресечения. Можно только теоретически обосновать, что присмотр за несовершеннолетним – более эффективное воздействие на поведение несовершеннолетнего в силу того, что родители и другие, указанные в законе лица, выступают гарантами надлежащего поведения несовершеннолетнего, поскольку сам несовершеннолетний может до конца не осознавать последствий нарушений требований, предъявляемых к его обязательствам являться по вызовам дознавателя, следователя и суда, не менять место жительства, являться по вызовам и не препятствовать производству по уголовному делу.

Список использованной литературы

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. // Советская юстиция. 1991. №№12–14.
2. Конвенция ООН о правах ребенка. М. : ИНФРА-М, 2001. 24 с.
3. Мизулина Е. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции РФ и международным правовым стандартам // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 14–15.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Д.Н. Козака и Е.Б. Мизулиной. М. : Юристъ, 2004. 823 с.

Информация об авторе

Горбачева Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебного права Юридического института. Иркутский государственный университет (г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: 682284@gmail.com).

УДК 343.14: 343.98
ББК 67.410.204+67.52

В.С. Горшкова,
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ СОТРУДНИКОМ ОПЕРАТИВНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПОЛИЦИИ

Описывается ряд проблем, возникающих при проведении проверки сообщений о преступлении оперативным сотрудником полиции по фактам незаконного оборота наркотических средств. Автор приходит к выводу о недостаточной научной обоснованности и правовой регламентации порядка назначения комплексных судебных экспертиз (дактилоскопической, химической, генотипической) при обнаружении «закладок». Вносятся ряд предложений по внесению изменений в отечественное уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: борьба с преступностью; оперативный сотрудник; судебная экспертиза; уголовно-процессуальное законодательство.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) – основной нормативно-правовой акт, регламентирующий процессуальную деятельность следователя, дознавателя, органа дознания, порядок осуществления судопроизводства по уголовным делам в нашем государстве. Российский законодатель, учитывая стремительные изменения общественных отношений, внес в редакцию действующего вышеуказанного федерального закона с момента его принятия в 2001 году более 200 изменений и дополнений, среди которых особого внимания заслуживают преобразования статьи 144 УПК РФ [1]. С учетом данных нововведений следователь, дознаватель, орган дознания получили право при проверке сообщений о преступлении назначать судебную экспертизу и получать заключение эксперта. Однако в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов, несмотря на принимаемые законодателем изменения и дополнения, до сих пор возникают проблемные ситуации.

Согласно положениям статьи 195 УПК РФ, постановление о назначении судебной экспертизы может выносить только следователь, причем согласно части 4 данной статьи назначение и производство судебной экспертизы возможно

до возбуждения уголовного дела. Таким образом, мы приходим к выводу о наличии противоречия статей УПК РФ, что требует его устранения. Имеются факты своевременного невнесения изменений в другие нормативные правовые акты с учетом изменений уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с п. 2 Инструкции по организации судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ЭКП) экспертизы проводятся по уголовным делам [2]. Соответственно, эксперт ЭКП МВД России не имеет права приступить к производству судебной экспертизы при проведении проверки сообщения о преступлении.

Согласно нормам уголовно-процессуального законодательства орган дознания, к которому относятся оперативные подразделения, вправе назначать судебные экспертизы до возбуждения уголовного дела. Федеральный закон от 12 августа 1995 года №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержит прямой правовой нормы, позволяющей оперативному сотруднику назначать судебные экспертизы, а имеется только общее правило использования специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). 4 июля 2018 года при рассмотрении во втором чтении в Государственной Думе Федерального Собрания РФ принятый в первом чтении проект Федерального закона №306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» отклонен и отправлен на доработку, дополнительные сроки рассмотрения этого документа не установлены [3]. Следует отметить, что в п. 4 ст. 1 вышеуказанного проекта среди лиц и органов, имеющих право назначить судебную экспертизу, указан орган дознания, но только воспользоваться этим правом возможно при проверке сообщения о преступлении. Таким образом, законодатель акцентирует внимание на использовании института судебной экспертизы только в рамках осуществления процессуальной деятельности («действий процессуального характера») [4, с. 15]. Однако правом назначения судебной экспертизы сотрудник оперативного подразделения может воспользоваться в строго обозначенном случае – при проверке сообщения о преступлении.

Не только внутригосударственной, но и международной практике известны правовые акты, регламентирующие судебно-экспертную деятельность, основу которой составляет назначение и производство судебной экспертизы. Отдельного внимания заслуживает модельный закон «О судебно-экспертной деятельности» [5]. В указанном нормативно-правовом акте в статье 1 закреплено положение, согласно которому судебно-экспертная деятельность может осуществляться по материалам доследственной проверки на основании поручения органа (лица). Стоит уточнить, что такое «доследственная проверка» согласно действующему российскому уголовно-процессуальному законодательству и доктрине уголовного процесса. УПК РФ не содержит этого понятия, но в данном правовом акте имеются нормы, регламентирующие поводы и основания возбуждения уголовного дела, порядок рассмотрения сообщения о преступлении (глава 19). В науке уголовного процесса проблеме определения понятия «доследственной проверки» уделялось немало внимания, однако до сих пор авторы исследований не пришли к единому решению указанного вопроса. К примеру, А.С. Лизунов считает, что «доследственная проверка – это регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность, в ходе которой компетентными должностными лицами подвергаются проверке сведения, содержащиеся в поводе к возбуждению уголовного дела, устанавливается первоначальная квалификация совершенного деяния, а также предпринимаются неотложные меры к быстрому раскрытию преступления» [6, с. 81]. С декабря 2019 года в связи с принятием изменений в статью 307 Уголовного кодекса РФ стало использоваться понятие «досудебное производство» [7]. Таким образом, стадия досудебного производства стала охватывать момент получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения по существу. Следовательно, доследственную проверку материалов, поступивших в орган внутренних дел, помимо следователей, дознавателей, участковых уполномоченных полиции, проводит и сотрудник оперативного подразделения как орган дознания в силу п. 1 ч. 1 ст. 40² УПК РФ. Лишать данное должностное лицо при этом права назначать судебные экспертизы является не-

целесообразным, даже противоречащим нормам внутреннего права и решениям международных органов.

В свою очередь, вызывают неподдельный интерес позиции Г.П. Афонькина, В.Ф. Габзалилова, Е.В.Кузнецова об освобождении сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел от обязанности проводить проверку сообщений о преступлениях в порядке статей 144-145 УПК РФ [8]. Данные авторы утверждают, что такая деятельность оказывает отрицательное влияние на осуществление ОРД при противодействии преступности, снижает темпы и объемы негласной оперативно-розыскной работы. Стоит отметить, что Е.А.Тарасенко и Е.Л.Никитин говорят о внесении дополнений в ст. 144 УПК РФ, согласно которым необходимо запретить проведение проверки сообщения о преступлении лицом, которое проводит по нему оперативно-розыскные мероприятия. В конечном итоге, по мнению Г.П. Афонькина, В.Ф. Габзалилова, Е. В. Кузнецова, проверку сообщений о преступлениях целесообразно проводить дознавателю и следователю.

Однако оперуполномоченный полиции как «субъект уголовного процесса» [9], осуществляет доследственную проверку сообщений о преступлении и, соответственно, может использовать институт «судебной экспертизы» при этом. Например, по делам о незаконном обороте наркотических средств целесообразно производить судебную химическую экспертизу изъятых объектов (вещества, смывов с кистей рук, носогубного треугольника, посуды, шприцов и прочее). В ходе ее проведения используются разрушающие методики, поэтому часть вещества или объекта израсходуется или полностью уничтожается, что в конечном итоге влияет на квалификацию деяния лица. Примечательно, что в ГУ МВД России по Алтайскому краю сложилась практика назначения и производства судебных экспертиз (химической, дактилоскопической, генотипической) по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств на основании постановления, вынесенного оперативным сотрудником полиции. Так, 6 июня 2020 г. около 2 часов 30 минут сотрудниками полиции был задержан гр. К., у которого при личном досмотре был обнаружен и изъят пакет с ве-

ществом, содержащим в своем составе МДМА массой 0,89 грамма, что является значительным размером. Оперативным сотрудником уголовного розыска вынесены три постановления о назначении химической (установление природы и массы изъятого вещества); дактилоскопической (установление следов рук на пакете, в котором имеется задание на проведение проверки по базам данных АДИС «Папилон»); генотипической (установление ДНК-профиля лица, оставившего биологический материал на пакете с веществом) судебных экспертиз в ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю, результаты которых сформировали доказательственную базу¹⁵.

До внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, согласно которым возможно назначение судебной экспертизы и получение заключения эксперта в разумный срок, существовала практика назначения исследования предметов и документов, а далее на их основании производилась судебная химическая экспертиза. Выводы специалиста (относительно массы вещества) в справке об исследовании и эксперта в заключении эксперта, которые, как правило, выполнялись одним лицом, были идентичны. Мы считаем, что подобная практика вовсе не допустима. Кроме того, по этому поводу негативно высказывались некоторые авторы [10].

Данный вопрос требует более детальной регламентации как в УПК РФ, Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности», Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», так и в ряде ведомственных нормативных правовых актов (особенно, МВД России). При этом возможно два варианта разрешения проблемной ситуации: во-первых, дальнейшее нормативное закрепление права сотрудника оперативного сотрудника на назначение судебных экспертиз как при проверке сообщений о преступлении, так и в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности в строго указанных случаях, во-вторых, проверку сообщений о преступлении проводит следователь и дознаватель, используя при этом институт «судебной

¹⁵ Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Уголовное дело №1-381/20 (12001010038000888). URL: <http://zheleznodorozhny.alt.sudrf.ru/>.

экспертизы». Однако стоит отметить, что проводимое оперативным сотрудником оперативно-розыскное мероприятие «исследование предметов и документов» не теряет своей актуальности, не подлежит полной замене производством судебной экспертизы.

Список использованной литературы

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. №23-ФЗ // Российская газета. 2013. 6 марта.
2. Вопросы организации и производства экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/ (дата обращения: 23.09.2021).
3. О судебной экспертной деятельности в Российской Федерации : законопроект №306504-6 (внесен в ГД ФС РФ 29 июня 2013 г.) / Официальный сайт Системы обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 23.09.2021).
4. *Кривошецов Н.В.* «Непроцессуальные» процессуальные способы проверки заявлений, сообщений о преступлениях // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 29. С. 1–5.
5. О судебной экспертной деятельности : модельный закон (принят на 49-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ постановлением от 19 апреля 2019 года №49-8 / База данных «Законодательство стран СНГ». URL : https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=116275 (дата обращения: 23.09.2021).
6. *Лизунов А.С.* Понятие и уголовно-процессуальная форма производства доследственной проверки // Бизнес в законе. 2012. № 3. С. 80–83.
7. О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 2 декабря 2019 г. №410-ФЗ // Российская газета. 2019. 4 дек.
8. *Афонькин Г.П., Габзалилов В.Ф., Кузнецов Е.В.* О целесообразности освобождения сотрудников подразделений уголовного розыска от обязанности проводить в уголовно-процессуальном порядке проверку сообщений о преступлениях // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2. С. 11–21.
9. *Каац М.Э., Насыров Р.Р.* Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, как субъекты отечественного уголовного процесса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. №3. С. 77–80.
10. *Шашин Д. Г., Кориунов А.В.* Некоторые проблемные аспекты производства проверки сообщений о преступлениях // Эксперт-криминалист. 2014. № 1. С. 16–19.

11. *Марковичева Е.В., Васюков В.Ф.* Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе : монография. М. : Проспект, 2019. 80 с.

Информация об авторе

Горшкова Вера Сергеевна – адъюнкт. Барнаульский юридический институт МВД России (656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, e-mail: vera-gorshkova-86@mail.ru).

УДК 343.98

ББК 67.410

Е.А. Дубынин,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет
Е.Е. Космодемьянская,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ, ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье обозначены некоторые проблемные направления деятельности по расследованию и раскрытию преступлений на современном этапе. В частности, анализируется институт понятых; обозначаются проблемные аспекты участия педагога и психолога в следственных действиях; исследуются возможности дистанционного проведения следственных действий.

Ключевые слова: следственные действия; участие понятых; педагог и психолог; цифровизация; дистанционный формат; предварительное расследование и судебное производство.

Любое законодательство должно отвечать целям и задачам на текущем этапе развития государства и общества, в том числе и правоохранным целям. Уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации исполняется 20 лет. Это достаточный срок, чтобы подвести итоги и наметить пути его развития. За этот отрезок времени в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) было внесено более 160 изменений, при этом Конституционным Судом Российской Федерации было вынесено 24 постановления о признании отдельных норм УПК РФ [1], не соответствующими Конституции Российской Федерации. Данные факты указывают на то, что уголовно-процессуальное за-

конодательство Российской Федерации, созданное на основе законодательства РСФСР, не в полной мере отражает реальные потребности правоприменителя, действующего в условиях формирования новых политических, экономических, социальных и информационных реалий развития общества, в связи с чем законодатель был вынужден вносить многочисленные изменения в законодательство.

Поскольку методы криминалистики по раскрытию и расследованию преступлений опираются на уголовно-процессуальное законодательство, соответственно, проблемы данного законодательства напрямую обуславливают разработку и применение технических средств, а также приемов и методов борьбы с преступностью.

На наш взгляд, в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство несколько консервативно, подтверждение чему – институт понятых. Институт понятых – это рудимент, доставшийся от Советской России, который фактически утратил свое первоначальное назначение. Наличие этого института до сих пор свидетельствует о презумпции виновности лица, ведущего расследование, поскольку привлечение понятых к участию в следственных действиях обязательно в случаях, когда производится поиск следов преступления (материальных объектов), за исключением получения образцов для сравнительного исследования, так как их подмену можно всегда проверить, получив образцы заново. Кроме того, привлечение граждан к участию в следственных действиях порождает множество проблем: поиск незаинтересованных лиц; нежелание граждан участвовать в следственных действиях; отсутствие специальных знаний у понятых, в том числе и юридических, позволяющих им понять специфику проводимого следственного действия и применение технических средств и полученных результатов; связанных с особенностями восприятия и запоминания происходящего во время следственного действия и способностью воспроизведения информации в последующем в суде.

Законодатель, учитывая, что в определенных случаях, в том числе когда жизнь и здоровье понятого может быть подвергнута опасности или в случае

проведения следственного действия в труднодоступных местах (то есть в исключительных случаях, что предусмотрено ст. 170 УПК РФ), предоставил право следователю заменить участие понятых применением технических средств фиксации и даже вовсе провести без применения последних. На наш взгляд, изложенные исключения являются полумерой, поскольку понятые впоследствии в суде приобретают статус свидетелей, их показания носят крайне субъективный характер, изобилуют неточностями и пробелами. Кроме того, на формирование показаний понятых порой оказывается давление со стороны как защиты, так и обвинения. В связи с изложенным, мы полагаем, что институт понятых должен быть исключен из уголовно-процессуального законодательства как препятствующий объективному и эффективному расследованию. Участие понятых должно быть заменено обязательным применением видеофиксации. Такой подход позволит сэкономить силы и средства при расследовании преступлений и рассмотрении дела в суде.

Что касается иных участников уголовного процесса, считаем необходимым обратить внимание на процессуальную неопределённость положения педагога и психолога, участие которых предусмотрено ст. ст. 191, 425 и 280 УПК РФ. Педагог и психолог фактически являются специалистами в области педагогики и детской психологии, и на них должны распространяться положения ст.58 УПК РФ. Неопределенность статуса специалиста в области педагогики и психологии порождает определённые проблемы при производстве допросов несовершеннолетних и использовании полученных результатов в дальнейшем, начиная с вызова их в следственные и судебные органы и заканчивая ответственностью за недобросовестное использование своих обязанностей специалиста либо неявку по неуважительным причинам по вызову. В связи с чем предлагаем дополнить ст. 58 УПК РФ ч.1.1 и изложить ее в следующей редакции: «Специалистами признаются лица, обладающие специальными знаниями в области педагогики и (или) психологии (педагог, психолог), имеющие практический опыт работы, привлекаемые к участию в процессуальных действиях с уча-

ствием несовершеннолетних лиц в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Рассматривая вопросы эффективности, мы полагаем, что в практику раскрытия, расследования преступлений и разрешения уголовных дел в суде по существу, должны как можно шире внедряться телекоммуникационные и цифровые технологии. Это связано, во-первых, с раскрытием преступления и розыском преступника, доказыванием его виновности; во-вторых, с формированием материалов уголовного дела в цифровом формате; в-третьих, с рассмотрением уголовного дела в суде.

Так, в связи с научно-техническим прогрессом в области компьютерных технологий в целях оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений созданы автоматические рабочие места (далее – АРМ) следователя, дознавателя, руководителя. Однако их эффективное использование в правоохранительных органах затруднено в силу недостаточного материально-технического обеспечения (АРМ фактически отсутствуют в районных подразделениях).

Справедливости ради, отметим, что автоматизированные информационно-поисковые системы (далее – АИПС) используются достаточно активно. Вместе с тем в условиях массовой цифровизации общества этого недостаточно. Полагаем, что необходимо использовать комплексы, разрабатываемые для нужд в отдельных гражданских сферах деятельности. Определенный положительный опыт уже имеется по использованию аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в ряде крупных городов Российской Федерации, таких как Москва, Санкт-Петербург, Южно-Сахалинск, Красноярск и др.

Считаем необходимым заострить внимание и на вопросе использования компьютерных технологий в процессе проведения следственных действий и, в частности, проведения следственных действий в дистанционном формате. Речь, конечно, о допросах участников процесса как в ходе предварительного расследования, так и в судебном рассмотрении дела, особенно – в судах первой инстанции. Основная проблема касается способа фиксации и удостоверения ре-

зультатов следственного действия. С развитием компьютерных технологий мы не видим к этому препятствий, тем более, что судами в течение нескольких лет активно и успешно используется видеоконференцсвязь.

В настоящее время граждане имеют возможность получить электронную подпись, которую можно использовать при «подписании» протоколов. Но, поскольку при проведении видеоконференцсвязи будет происходить видеозапись, мы считаем, что сама по себе подпись лица, в отношении которого или с участием которого ведется допрос, не имеет существенного значения, так как весь ход допроса будет объективно отражен в видеозаписи.

Кроме того, считаем, что пришло время осуществлять предварительное расследование в условиях электронного производства, то есть формировать уголовное дело в электронном виде и в таком виде направлять его в суд, поскольку это позволит существенно экономить силы и средства, повысит эффективность расследования преступлений. Тем более, что фактически это так и осуществляется. Большая часть документов и протоколов следственных действий оформляются в электронном виде, а затем распечатываются.

Изложенное выше видение некоторых проблемных аспектов борьбы с преступностью в современных условиях позволяет надеяться на трансформирование уголовно-процессуального законодательства с учетом развития и современных возможностей телекоммуникационных и цифровых технологий.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 23 сентября 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Информация об авторах

Дубынин Евгений Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, федеральный судья Уярского районного суда Красноярского края в почетной отставке; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического Института. Сибирский федеральный университет (660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6; dubynin.evgenii@mail.ru).

Космодемьянская Елена Евгеньевна – полковник полиции, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики. Сибирский юри-

УДК 343.1
ББК 67.73

А.В. Коршунов,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕМУ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

В работе рассмотрены проблемы, связанные с возмещением потерпевшему вреда, причиненного совершенным преступлением.

Ключевые слова: причиненный преступлением ущерб; возмещение вреда; гражданский иск.

Как известно, совершение преступления независимо от его категории влечет за собой причинение какого-либо вреда – имущественного, физического или морального. Чаще всего такой вред причиняется конкретному физическому или юридическому лицу, которое впоследствии признается потерпевшим, но в некоторых случаях пострадавшего от преступления (и, соответственно, потерпевшего по уголовному делу) нет и не может быть по определению. Так, по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств, огнестрельного оружия, поддельных документов, незаконном пересечении государственной границы и т.д. потерпевшего как участника уголовного судопроизводства нет. Указанные выше преступления посягают на правоохраняемые интересы общества и государства в целом.

Вместе с тем нередко происходит так, что вред, причиненный преступлением конкретному лицу, является опосредованным, то есть не является с точки зрения Уголовного кодекса РФ его непосредственным объектом и прямым последствием совершенного преступления [1]. Например, при неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угоне) виновный, следуя на указанном автомобиле и нарушив Правила дорож-

ного движения, допускает его опрокидывание, следствием чего владельцу автомобиля причиняется материальный ущерб. Не вдаваясь в дискуссионные моменты определения объекта преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, акцентируем внимание на вопросах возмещения вреда, причиненного «попутно» с совершением данного преступления или других преступлений, когда вред не находится в прямой причинно-следственной связи с совершенным преступлением и не является его объектом: захват заложника (ст. 206 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) и т.д. (теоретически в ходе совершения любого преступления может быть причинен материальный вред, не охватываемый его объектом, мы рассматриваем один из наиболее частых на практике случаев – угон автотранспортного средства).

Основной вопрос, возникающий на практике – должен ли следователь, дознаватель устанавливать размер такого вреда в ходе производства предварительного расследования? В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ подлежат доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением. Ключевая фраза здесь – «причиненного преступлением». Ведь как уже было сказано выше, речь идет о вреде, не являющемся непосредственным результатом совершенного преступления. По этой причине следователи нередко отказывают в удовлетворении ходатайства потерпевшего или его представителя об установлении размера причиненного вреда (например, стоимости уничтоженного или поврежденного имущества). В частности, речь идет о необходимости назначения товароведческой (оценочной) экспертизы, которая может назначаться по различным категориям уголовных дел.

Это отношение должностных лиц органов предварительного расследования подтверждают и проведенные исследования, в ходе которых было установлено, что 67,3% опрошенных следователей и дознавателей полагают, что характер и размер вреда, причиненного преступлением, необходимо отнести к числу факультативных обстоятельств, подлежащих доказыванию [2]. Что же говорить про отношение к ущербу, причиненному преступлением опосредованно!

Не разрешил данный вопрос и Верховный Суд РФ, который хотя и отразил в своем постановлении необходимость возмещения вреда в указанных случаях, но не указал на обязанность правоохранительных органов устанавливать его. Так, в пункте 7 указанного постановления Верховный Суд РФ указал, что лицо, неправомерно завладевшее чужим имуществом, которое в дальнейшем было повреждено или утрачено вследствие действий другого лица, действовавшего независимо от первого лица, отвечает за причиненный вред. Например, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 166 УК РФ, имущественный вред, возникший в результате последующего хищения, уничтожения или повреждения неустановленным лицом угнанного автомобиля, подлежит взысканию с обвиняемого в случае предъявления к нему гражданского иска о возмещении такого вреда [3].

Можно сделать вывод, что если возмещению подлежит вред, причиненный имуществу неустановленными лицами, то тем более он должен быть возмещен при причинении вреда самим обвиняемым. Однако Верховный Суд РФ связывает взыскание такого вреда с наличием предъявленного к обвиняемому гражданского иска. Таким образом, если иск не заявлен, бремя доказывания размера причиненного вреда на правоохранительных органах не лежит. Более того, возникают вопросы к обязанности следователя устанавливать размер материального ущерба и при наличии гражданского иска, ведь ч. 1 ст. 44 УПК РФ предусматривает, что гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему *непосредственно* (выделено мной – А. К.) преступлением.

В связи с этим должностные лица органов предварительного расследования, приобщая к материалам уголовного дела гражданский иск и признавая потерпевшего гражданским истцом, разъясняют последнему обязанность самостоятельно доказывать (устанавливать) размер причиненного ему материального вреда, в том числе и путем проведения за свой счет соответствующей экс-

пертизы. Полагаем, что такая позиция следователей, дознавателей вовсе не верна.

Учитывая изложенное, можно порекомендовать Верховному Суду Российской Федерации внести дополнение в упомянутое выше Постановление Пленума. Дополнение должно предельно четко предусматривать, что бремя доказывания размера причиненного преступлением имущественного вреда должно быть возложено на органы предварительного расследования и суд независимо от того, причинен ли такой вред преступлением непосредственно или опосредованно.

Список использованной литературы

1. *Жигжитова Б.Б.* Особенности развития института крайней необходимости в уголовном праве России // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2021. № 1. С. 88–95.
2. *Зверева Ю.Н.* Доказывание характера и размера вреда, причиненного преступлением : дисс. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2015. 204 с.
3. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда от 13 октября 2013 г. № 23 // Российская газета. 2020. 23 октября.

Информация об авторе

Коршунов Артём Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: irf@rpa-mjust.ru).

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Д.С. Костенко,
Сибирский федеральный университет

ВЫЯВЛЕНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ИНСТИТУТА МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ЧЕРЕЗ РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР

В статье через анализ точек зрения отечественных ученых относительно развития института мер пресечения в современной России выделяются проблемы применения правовых норм института, а также сложившиеся тенденции.

Ключевые слова: меры пресечения; тенденции; альтернативы заключению под стражу; запрет определенных действий.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации относится к одному из самых обсуждаемых и противоречивых нормативных законодательных актов, такая ситуация существовала с самого момента его вступления в силу. Его создание и содержание осуществлялось в условиях резкого переключения политического, социального, экономического, идеологического режимов и по-прежнему вызывают дискуссии. Проанализировав изменение процессуальных институтов за последние двадцать лет, можно сделать определенные выводы относительно реализации тех самых социальных, экономических, идеологических предпосылок, которые закладывались инициаторами изменений. Руководствуясь этой целью, сделаем акцент на институте мер процессуального принуждения.

Несмотря на то, что перечень мер пресечения за двадцать лет пополнился лишь одной мерой, нельзя говорить, что эти изменения были незначительны. За последние десятилетия были существенно расширены и конкретизированы положения, касающиеся таких мер как заключение под стражу и домашний арест. В свою очередь, эффективность и результаты последнего значительного изменения, касающегося введения статьи 105.1 УПК РФ о запрете определенных действий в 2018 году, до сих пор требует тщательного изучения.

Обратимся к тому, какие проблемы реализации института мер пресечения и закономерности действия института выделялись исследователями в своих научных работах. Следует учитывать, были ли обозначенные вопросы научно-практически обоснованы и впоследствии законодательно учтены.

Среди главных тенденций в изменении уголовно-процессуального института мер пресечения О.И. Цоколова в своей статье отмечает следующие:

– стремление снизить ограничения прав и свобод подозреваемых и обвиняемых;

– расширение применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу;

– запрет арестов предпринимателей [1, с. 27].

Перечень правок, внесенных в главу 13 УПК РФ за последние двадцать лет, только подтверждает эти тенденции, которые являются актуальными и в настоящий момент. Учитывая данные статистики, очевидно, что тенденция по снижению применения наиболее строгих мер пресечения в отношении предпринимателей находит свое подтверждение. Верховный Суд России также закрепляет эту практику [2].

Отмечая, что для многих подследственных в силу обстоятельств рассмотрения конкретного дела альтернатив избранию заключения под стражу нет, О.И. Цоколова выделяет наиболее эффективной альтернативой залог, считая техническую реализацию запрета определенных действий слишком затратной для применения [1, с. 29].

В настоящее время можно объективно говорить о том, что реальными и единственными альтернативами заключению под стражу являются домашний арест, запрет определенных действий и залог, то есть иные меры пресечения, избираемые по решению суда.

В литературе и ранее поднимались вопросы о возможности введения иных мер пресечения, например, полицейского надзор [3]. Примечательно, что данная мера фигурировала в законодательстве России с 1832 г. по 1922 г. и была отменена именно в силу своей неэффективности, а конкретно ввиду невозможности обеспечить полный надзор за подследственным, при этом предусматривая серьезные ограничения [4, с. 34]. Технические возможности для реализации подобных положений существуют и активно совершенствуются, что позволяет еще раз оценить те отсылки на возможную модернизацию института мер пресечения, которые делались исследователями в недавнем прошлом.

К сожалению, опыт применения мер пресечения за всю историю существования нашего государства не позволяет более выделить иные оригинальные меры пресечения, существовавшие в прошлом для того, чтобы облечь их в

новую форму, соответствующую современному технологическому прогрессу. Следовательно, для решения актуальных проблем необходимо сделать акцент на развитии уже имеющихся положений, рациональным также будет использование метода сравнительного правоведения.

Тем не менее можно отметить, что сам факт введения запрета определенных действий в систему мер пресечения не позволяет достоверно делать вывод об отсутствии альтернатив заключению под стражу, пока полный и реальный потенциал применения определенных запретов не будет осознан и реализован на практике.

За три года действия ст.105.1 УПК РФ было высказано множество идей применения запретов. Особо примечательны те из них, которые носили прогностический характер и были высказаны еще до полноценной реализации запрета определенных действий.

Первые научные комментарии появились еще в 2016 году, за два года до законодательного оформления меры пресечения. Обсуждая первоначальную редакцию статьи, которая, к слову, вместо запрета на управление транспортным средством имела более расширительное толкование о запрете совершать «иные действия, которые могут повлечь последствия, указанные в п. п. 1-3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ» [5, с. 24], исследователи отмечали, что позитивный характер запрета определенных действий как правового явления выражен в самом факте его наличия в виде альтернативы заключению под стражу, в «снижении расходов государства на обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства и предупреждение новых преступлений...».

В более поздних исследованиях, наоборот, финансовую затратность реализации запрета определенных действий выделяют в качестве недостатков. Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые отдельно выделяют роль «оснащенности уголовно-исполнительных инспекций техническими средствами контроля» [6, с. 39]. В данной связи следует помнить, что затраты на техническую реализацию мер не только касаются приобретения средств электронного наблюдения, но и затрат на содержание штата должностных лиц, ко-

торые эффективно отслеживают реализацию ограничений, реагируют на нарушения, а также на сбои в работе системы. В зарубежных исследованиях, посвященных техническим мерам контроля за последственными отмечают целый ряд таких проблем и пути их устранения при помощи применения конкретных средств контроля¹⁶.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопросы о необходимости совершенствования мер процессуального принуждения на стадии предварительного расследования с целью обеспечения прав и свобод человека одинаково осознаются в разных государствах и правовых системах. При этом все большее развитие и применение цифровых технологий наблюдения в современном обществе заставляют ставить вопрос о применении их и в реализации положений института мер пресечения.

Список использованной литературы

1. Цоколова О.И. Меры пресечения: проблемы и тенденции (2019 – 2022 годы) // Российский следователь. 2020. №6. С.26–31.
2. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11 июня 2020 г.). // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
3. Калиновский К.Б. Система мер пресечения в российском уголовном процессе: современные проблемы и исторический опыт // Судебно-правовая реформа 1860-х гг. в России и современное уголовно-процессуальное право (посвящается 150-летию принятия Судебных Уставов 1864 г.) : Материалы III Международной научно-практической конференции, проводимой в Российской академии правосудия / *Ред. кол.: О.В. Качалова, В.И. Качалов*. М. : Изд-во «Право», 2014. С. 105–109.
4. Пикалев И.А. Становление института мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве России (исторический аспект). М. : Юрлитинформ, 2010. 168 с.
5. Воронов Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3. С.21–25.
6. Юсупов М.Ю. Изменения в системе мер пресечения // Администратор суда. 2018. № 2. С.35–39.

¹⁶ Electronic monitoring: uses, challenges and successes. URL: <https://www.gov.scot/publications/electronic-monitoring-uses-challenges-successes/pages/1/>.

Информация об авторе

Костенко Дмитрий Сергеевич – аспирант, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Юридический институт Сибирского федерального университета (660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6, e-mail: demit11@yandex.ru).

УДК 343.1

ББК 67.410.201

С.М. Курбатова,
кандидат юридических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. КОМПЕНСАТОРНЫЙ ПОДХОД

Рассмотрен ряд вопросов, касающихся института участников уголовного судопроизводства. Отмечена необходимость его пересмотра в контексте идей социального государства. Для выравнивания процессуального статуса участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями предлагается использовать компенсаторный подход.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; компенсаторный подход; правовой статус; участники; лица с ограниченными возможностями.

Одним из актуальных направлений современной политики как на международном, так и на национальном уровнях является обеспечение лицам с ограниченными способностями возможности быть активными членами общества и участниками правоотношений. Для этого используются различные правовые механизмы, в том числе закрепление соответствующих прав этих лиц и гарантий их реализации, обязанностей для органов власти и иных субъектов правоотношений и т.д. [1] Тем не менее приходится констатировать, что в одних сферах общественных отношений данный подход более выражен и находит свое отражение в нормах права, а, как следствие, и в реальной жизни, однако в других – присутствует в меньшей степени. Например, последнее относится к уголовному судопроизводству.

Историко-правовой анализ источников российского уголовно-процессуального права позволяет сделать вывод об отсутствии с 60-х гг. XX в.

динамики как таковой по расширению категорий лиц, привлечение которых в качестве того или иного участника уголовного судопроизводства предоставляло бы им дополнительные процессуальные гарантии, а также по дальнейшему комплексному развитию института участников в нормах уголовно-процессуального законодательства.

Остаются неурегулированными вопросы процессуального участия лиц, которые в силу разных причин не могут самостоятельно реализовывать свои права в полном объеме, что нарушает целый ряд принципов и норм международного права о равноправии, справедливости, законности, недискриминации и пр.

И это при том, что к настоящему времени количество лиц, относимых законодательно к числу социально уязвимых, увеличилось. Соответственно, ожидаемым следствием был бы факт отражения данного процесса и в нормах уголовно-процессуального законодательства. Необходим новый подход, отражающий социально значимые ценности, с помощью которого возможно комплексно и системно сформировать институт участников уголовного судопроизводства и урегулировать в нем вопросы специального статуса лиц с ограниченными возможностями [2, с. 60], отражающий идеи социального государства [3]. В частности, это особенности лиц старших возрастных групп [4], лиц с ограниченными когнитивными способностями [5], инвалидов [6] и др.

В качестве такого предлагается компенсаторный подход, «суть которого сводится к тому, что участникам уголовно-процессуальных отношений, которые в силу имеющихся у них ограниченных возможностей не могут надлежащим образом самостоятельно реализовывать свои права и исполнять обязанности, должны быть предоставлены процессуальные средства, с помощью которых можно компенсировать (максимально стремиться к этому) то неравное положение, в котором они оказываются по сравнению с другими участниками.

С помощью этого подхода необходимо разрабатывать и юридически закреплять как сами процессуальные средства компенсаторного характера, так и механизм их использования в уголовном судопроизводстве, применяя его в дальнейшем уже через правоприменительную деятельность, в том числе и с

возложением на соответствующие органы государственной власти и их должностных лиц обязанностей по содействию его реализации.

Это, с одной стороны, будет направлено на обеспечение прав указанной группы участников уголовного судопроизводства, с другой – призвано обеспечить легализацию уголовно-процессуальных доказательств, полученных при проведении следственных и судебных действий с участием лиц с ограниченными возможностями в строгом соблюдении требований закона.

Реализация этого будет способствовать решению задач российского уголовного судопроизводства при соблюдении прав всех его участников, в том числе лиц с ограниченными возможностями» [2, с. 124–125]. В том виде, в котором существует институт участников уголовного судопроизводства в настоящее время, в нем не находят своего отражения идеи социального государства, которые закреплены в целом ряде международных документах, а также Конституции Российской Федерации [7; 8].

Список использованной литературы

1. Шапошников С.П. Социальное государство : теоретико-правовая модель : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб, 2010. 18 с.
2. Курбатова С.М. Теоретические основы уголовно-процессуального статуса лиц с ограниченными возможностями : проблемы теории и практики. Монография. Красноярск : Красноярский ГАУ, 2021. 168 с.
3. Васильев С.Г. Понятие и сущность социального государства // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 95–100.
4. Бертовский Л.В., Курбатова С.М. О проблемах участия в уголовном судопроизводстве лиц старшего возраста: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск : Академия СК РФ, 2020. С. 22–29.
5. Курбатова С.М. Когнитивные особенности личности как фактор, влияющий на объем реализации правового статуса участников уголовного судопроизводства // Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом : сборник материалов Всероссийской (с междунар. участием) научно-практической конференции / под ред. Х. Л. Пашаева. Горно-Алтайск, 2019. С. 134–136.
6. Мамаева Р.О. Понятие инвалида в уголовном судопроизводстве // Юридические и социально-педагогические аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи: матер. III Всероссийской научно-

практической конференции. Елабуга, 2016. С. 35–36.

7. Ларицкая М.Л. Права лиц с ограниченными возможностями и механизмы их защиты на международном, европейском и российском уровнях // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 104–107.

8. Quinn G., Degener T. Human rights and disability: the current use and future potential of United Nations human rights instruments in the context of disability. NY : Geneva : United Nations, 2002. 184 p.

Информация об авторе

Курбатова Светлана Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института. Красноярский государственный аграрный университет (660017, г. Красноярск, ул. Ленина, 117, email: ui@kgau.ru).

УДК 343.14

ББК 67.410

М.А. Митюкова,

Иркутский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Исследуются проблемы правового регулирования механизма признания доказательств недопустимыми на этапе проведения предварительного слушания, судебного разбирательства уголовных дел, особенности признания доказательств недопустимыми судом с участием присяжных заседателей. Высказаны предложения по оптимизации механизма правового регулирования, в том числе о внесении конкретных изменений в УПК РФ.

Ключевые слова: допустимость доказательств; предварительное слушание; суд присяжных.

Допустимость доказательства – важнейшее юридическое свойство доказательства, соблюдение критериев которого обеспечивает постановление законного и обоснованного приговора по уголовному делу. Однако полагаем, что, несмотря на действие УПК РФ вот уже почти в течение двадцати лет, правовое регулирование механизма признания доказательств недопустимыми требует дальнейшего изучения и совершенствования.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс РФ достаточно подробно регулирует порядок проведения предварительного слушания, в том числе при исследо-

вании вопроса допустимости доказательства, рассматриваемого по инициативе суда либо по ходатайству стороны (статьи 234, 235 УПК РФ). Вместе с тем, считаем, что в ст. 235 УПК РФ закреплено противоречивое решение законодателя. С одной стороны, при признании доказательства недопустимым, оно утрачивает юридическую силу и не может в дальнейшем исследоваться в судебном заседании. С другой стороны, в соответствии с ч. 7 ст. 235 УПК РФ, суд по ходатайству стороны повторно может исследовать вопросы допустимости исключенного доказательства при рассмотрении уголовного дела по существу. На практике это приводит к тому, что либо один и тот же суд пересматривает свое собственное решение, чего быть не должно, либо судьи, опасаясь повторных ходатайств сторон, необоснованно отказывают в проведении предварительного слушания и откладывают исследование допустимости доказательства на этап рассмотрения дела по существу. Полагаем, что повторное исследование допустимости доказательства судом после проведения предварительного слушания возможно, если сторона при заявлении ходатайства укажет новые основания для признания доказательства допустимым. Считаем, что данное правило должно найти свое отражение в ч. 7 ст. 235 УПК РФ.

Далее, на этапе судебного разбирательства уголовного дела по существу законодатель не предусмотрел механизм признания доказательств недопустимыми, что на практике и в юридической литературе вызывало дискуссию. Одни теоретики и практики полагали, что суд, дабы не нарушать принцип состязательности сторон, не может инициировать исследование допустимости конкретного доказательства и должен уже в совещательной комнате при постановлении приговора исключить доказательство, полученное с нарушением требований закона [1, с. 36]. Другие полагали, что суд как можно раньше должен принять решение об исключении недопустимого доказательства [2, с. 75]. Считаем, что механизм признания доказательства недопустимым на этапе судебного разбирательства должен быть закреплен в УПК РФ. В частности, если сторона заявляет ходатайство об исключении доказательства, оно должно быть рассмотрено по общим правилам рассмотрения ходатайств – суд заслушивает до-

воды сторон, а затем принимает решение. Если же нарушение усмотрит суд, он должен по собственной инициативе инициировать рассмотрение вопроса о допустимости того либо иного доказательства и с учетом мнения сторон вынести обоснованное решение. Предлагаемый механизм позволит учесть мнения сторон, привести сторонам свои доводы и дополнительные основания в обоснование допустимости либо недопустимости исследуемого доказательства и принять суду законное решение.

Поскольку при проверке законности и обоснованности вынесенного приговора по уголовному делу в апелляционном порядке возможно проведение судебного следствия, полагаем, что вышеприведенный механизм признания доказательства недопустимым должен получить свое распространение и в апелляционной судебной инстанции.

При рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей УПК РФ предусматривает, что вопросы допустимости доказательств должны исследоваться судом в отсутствие коллегии присяжных заседателей (ст. 335 УПК РФ). Казалось бы, механизм признания доказательств недопустимыми в суде присяжных закреплен и имеет свои особенности. Однако проблемы, возникающие в практике уголовного судопроизводства, свидетельствуют о необходимости его дополнения и конкретизации.

Так, защитник, заявляя ходатайство об исключении доказательства, полученного с нарушением закона, в присутствии присяжных заседателей начинает перечислять и раскрывать допущенные по его мнению нарушения (получение показаний при оказании давления со стороны оперативных работников; производство обыска в жилище без судебного решения, при отсутствии случаев, не терпящих отлагательства; проведение предъявления для опознания с ненадлежащими статистами и др.). Присяжные уже слышат перечисляемые стороной защиты нарушения требований закона (заметим, что не всегда ходатайства защитника и подсудимого являются обоснованными) и до удаления из зала суда уже формируют свое мнение. Даже если доказательство суд признает допустимым и не исключит его, сомнения у присяжных заседателей в законности полу-

чения данного конкретного доказательства уже посеяны, что, безусловно, может сказаться при вынесении вердикта о виновности (либо невиновности) лица по уголовному делу.

Выход из сложившейся ситуации видится в дополнении правового регулирования механизма признания доказательств недопустимыми в суде присяжных. В ч. 6 ст. 335 УПК РФ следует закрепить положение, что ходатайство об исключении доказательства подается сторонами в письменном виде либо при заявлении устного ходатайства, сторона не раскрывает его содержания до удаления коллегии присяжных заседателей из зала суда. Судья, получив письменное ходатайство, либо выслушав устное заявление стороны о том, что у нее имеется ходатайство об исключении недопустимого доказательства, удаляет присяжных заседателей из зала суда, а затем, выслушав позиции сторон, разрешает ходатайство по существу.

Полагаем, что конкретизация и дополнение правового регулирования механизма признания доказательств недопустимыми на этапе судебного производства с учетом высказанных нами предложений, послужит вынесению законных и обоснованных приговоров и иных решений по уголовным делам.

Список использованной литературы

1. *Меринов Э.* Правомерна ли активность суда в решении вопроса о допустимости доказательств? // *Законность.* 2006. № 3. С. 35–37.
2. *Волков К.В.* Признание доказательств недопустимыми в суде первой инстанции (вопросы совершенствования правового регулирования) // *Законодательство.* 2006. № 12. С. 74–80.

Информация об авторе

Митюкова Марина Александровна – старший преподаватель кафедры судебного права Юридического института. Иркутский государственный университет (664082, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: marina_mitikova@mail.ru).

УДК 343.132
ББК 67.410.212

Л.П. Плеснева,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
Ю.Г. Торбин,
доктор юридических наук, профессор
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
А.А. Усачев,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рассматривается вопрос о взаимодействии следователя с органами дознания при производстве предварительного следствия в современных условиях в контексте анализа его как управленческого процесса, базирующегося на определенных принципах и при соблюдении определенных условий. К одному из самых значимых условий взаимодействия следователя с органами дознания авторами предлагается относить поддержание благоприятной атмосферы партнерства и взаимной помощи. Предлагается закрепить в уголовно-процессуальном законе: полномочие руководителя следственного органа создавать следственно-оперативные группы; обязанность представлять привлекаемых к расследованию сотрудников оперативно-розыскных подразделений другим участникам уголовного процесса, принимающим участие в производстве следственных действий, а также отражать участие сотрудников оперативно-розыскных подразделений в итоговых процессуальных документах.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; предварительное расследование; взаимодействие следователя с органами дознания.

Раскрытие и расследование любого преступления зиждется на трех концептуальных положениях: первое – это неукоснительное следование правовым нормам, регламентирующим досудебное производство; второе – активное использование научно-технических рекомендаций, разработанных криминалистами, а равно использование современных достижений науки и техники (ком-

пьютерных информационно-поисковых систем и технологий, а также средств массовой коммуникации); третье – организационное обеспечение процесса расследования. Реализация первого положения обеспечивает соблюдение законности, прав и свобод участников уголовного судопроизводства, доступ граждан к правосудию. Соблюдение второго положения способствует формированию доказательственной базы, обеспечивая объективность, достоверность и полноту собирания, проверки и оценки доказательств, позволяющих устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию. Важность и актуальность третьего положения заключается в управлении процессом расследования, руководстве деятельностью вовлекаемых в него участников. В совокупности четкое и последовательное выполнение указанных положений призвано обеспечить: успешное раскрытие и расследование преступления; установление лица, его совершившего и привлечение к уголовной ответственности; розыск похищенного имущества и иных объектов; защиту прав и свобод потерпевшего, возмещение ему материального и морального вреда; выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, их устранение и предупреждение.

Следует подчеркнуть, что положение, связанное с организационным обеспечением процесса раскрытия и расследования преступления, является системообразующим, ибо от того, насколько качественно будет спланировано расследование [1, с. 41], определена роль и форма деятельности каждого из участников, вовлекаемых в процесс расследования, определены их цели и задачи, сформулирована концепция взаимодействия между ними, настолько высока будет эффективность установления всех обстоятельств расследуемого преступления и достигнута конечная цель в виде установления объективно существующей истины.

Одним из важнейших элементов вышеуказанной системы является организация взаимодействия следователя с органами дознания, которая позволяет органично соединить процессуальные формы деятельности с оперативно-розыскной деятельностью в целях раскрытия и расследования конкретного преступления. Признавая, насколько эффективен симбиоз такой совместной дея-

тельности указанных субъектов, многие ученые, представители как уголовно-процессуального права, так и криминалистики (Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков, В.Г. Коломацкий, В.В. Крылова, Н.А. Бурнашев, И.Ф. Герасимов, Е.В. Цыпленкова, Ю.В. Гаврилин, Н.Г. Логинова, А.С. Бастрыгин, А.Г. Маркушин, А.Н. Морданов, В.В. Котов, Н.Б. Вахмянина и многие, многие другие) посвятили свои научные изыскания поиску наиболее оптимальных форм, методов и средств реализации такого взаимодействия, несмотря на то, что в законодательном порядке сама процедура такого взаимодействия не нашла однозначного закрепления. Вместе с тем вполне очевидно, что целесообразность такой совместной деятельности вызвана объективной потребностью, поскольку каждый участник взаимодействия обладает специфическими полномочиями, использует только ему присущие способы и методы раскрытия и расследования преступлений.

Учеными, анализирующими проблему взаимодействия следователя и органа дознания, предложен ряд принципов, которым данное взаимодействие должно отвечать. К ним относят: осуществление взаимодействия по совместной деятельности в строгом соответствии с законодательными и подзаконными актами; признание руководящей роли следователя при осуществлении взаимодействия; обеспечение согласованности взаимодействия по целям, месту, времени; обеспечение плановости взаимодействия; выбор длительности взаимодействия (постоянное на весь период расследования или выполнение разового поручения); оптимальность в осуществлении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; обеспечение независимости участников взаимодействия при выполнении как процессуальных действий, так и оперативно-розыскных мероприятий [2].

При характеристике сущности взаимодействия следователя с органом дознания с криминалистической точки зрения необходимо рассматривать его как систему управления. При этом важным фактором является признание следователя управляющей подсистемой, а орган дознания – подсистемой управляемой. Еще одним фактором является наличие прямой и обратной связи: прямая связь выражается в том, что управляющая подсистема (следователь) направляет

управляемой подсистеме (орган дознания) четко сформулированную команду (поручение, задание), обусловленную интересами расследования; обратная же связь представляет собой информацию, направляемую управляемой стороной, о выполнении команды и полученных результатах [3].

Необходимо подчеркнуть, что результативность взаимодействия следователя с органами дознания обеспечивается соблюдением определенных условий. К ним, на наш взгляд, могут быть отнесены: взаимный обмен информацией; инициативность участников взаимодействия; неразглашение сведений, полученных следователем, и данных, полученных оперативно-розыскным путем; информированность участников взаимодействия о возможностях своих коллег; поддержание благоприятной атмосферы партнерства и взаимной помощи (это условие, на наш взгляд, с практической точки зрения может рассматриваться в качестве самого значимого или, по крайней мере, одного из самых значимых, так как если не будет настоящего партнерства – взаимодействие будет формальным, а, следовательно, не столь эффективным); ведомственный контроль и прокурорский надзор за взаимодействием.

Такие условия, как взаимный обмен информацией, ведомственный контроль и прокурорский надзор за взаимодействием, приобретают новое звучание с точки зрения цифровизации российского уголовного процесса, необходимость которой для процессуалистов в настоящее время не вызывает сомнений [4; 5; 6], возможного появления в не столь отдаленном будущем такого феномена, как «электронное уголовное дело», а также использования в уголовном судопроизводстве электронного документооборота, устраняющего избыточный бумажный документооборот.

Как показывает практика, наиболее идеальным и эффективным является взаимодействие следователя с органами дознания при их совместной работе в составе следственно-оперативной группы. Особенно ярко это проявляется в процессе раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких (многокомпонентных, многоэпизодных и многосубъектных) преступлений. Следует подчеркнуть, что, хотя уголовно-процессуальное законодательство и не регулирует вышеуказан-

ную форму взаимодействия, тем не менее характер ее функционирования не противоречит нормам УПК РФ. Это обусловлено тем положением, что орган дознания обязан выполнять поручения следователя о производстве оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, а также оказывать содействие при их осуществлении (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Однако, в целях повышения эффективности досудебного производства в российском уголовном процессе, представляется целесообразным внести изменения в ст. 38 УПК РФ, дополнив ее полномочием руководителя следственного органа создавать следственно-оперативные группы, а также закрепив обязанность представлять привлекаемых к расследованию сотрудников оперативно-розыскных подразделений другим участникам уголовного процесса, принимающим участие в производстве следственных действий, а также отражать участие сотрудников оперативно-розыскных подразделений в итоговых процессуальных документах.

Список использованной литературы

1. *Ищенко П.П.* Актуальные проблемы судебно-экспертного обеспечения расследования организованной преступной деятельности // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2019. № 4. С. 40–45.
2. *Котов В.В.* Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и органов дознания при производстве отдельных следственных действий: автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
3. *Вахмянина Н.Б.* Взаимодействие следователя и органов дознания в процессе разрешения конфликтных ситуаций // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 3 (11). С. 13–16.
4. *Воскобитова Л.А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5. С. 91–104.
5. *Зувев С.В., Никитин Е.В.* Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 587–595.
6. Модель начального этапа досудебного производства в российском уголовном процессе (в условиях развития цифровых технологий) / под ред. Ю. Г. Торбина. М.: Юрлитинформ, 2020. 312 с.

Информация об авторах

Плеснева Людмила Павловна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики. Иркутский ин-

ститут (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, e-mail: plesnevalp@mail.ru).

Торбин Юрий Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, e-mail: torbinug@rambler.ru).

Усачев Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент (e-mail: a.usachov@mail.ru).

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Я.М. Плошкина,
кандидат юридических наук
Сибирский федеральный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ С УЧЕТОМ ГЕРМАНСКОГО ОПЫТА

С учетом германского опыта изложены тенденции развития альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта в рамках российского уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт; альтернативные способы; уголовный проступок.

Глобализация, интеграция, ускорение темпа жизни, защита прав человека – все эти тенденции оказывают влияние на развитие уголовного процесса, ставят перед ним новые задачи: защита прав потерпевшего, процессуальная экономия, ускорение расследования уголовных дел без ущерба их эффективности, уменьшение нагрузки на судей и на правоохранительные органы. В связи с этим основной способ разрешения уголовно-правового конфликта через принуждение или угрозу его применения с конфронтацией сторон, который в рамках уголовного процесса традиционно завершается постановлением приговора суда и вступлением его в законную силу, не совсем эффективен и не в полной мере способствует решению данных задач. Поэтому все большее значение приобретают альтернативные способы разрешения уголовно-правового конфликта, поз-

воляющие помимо принуждения прекратить уголовное преследование без постановления приговора суда, ориентированные на реальные нужды и интересы потерпевшего, способствующие процессуальной экономии и уменьшению нагрузки на судей и правоохранительную систему, что, в конечном счете, позволяет сберечь деньги налогоплательщиков.

Альтернативные способы разрешения уголовно-правового конфликта в рамках российского уголовного процесса связаны с нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного дела/преследования, которые имеют тенденцию к расширению. Так, благодаря Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» появилось новое нереабилитирующее основание прекращения уголовного дела/преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В результате принятия Федерального закона от 27 декабря 2018 г. №533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» расширилась сфера действия такого основания как в связи с возмещением ущерба, по которому прекратить уголовное преследование в настоящее время возможно не только по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, но и против собственности и других видов преступлений (например, против конституционных прав и свобод человека и гражданина). Указанные нововведения повлияли на практику. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в тройку лидеров среди оснований прекращения уголовного дела/преследования вошли: примирение с потерпевшим (в 2020 – 99115 уголовных дел; 2019 – 106091; 2018 – 125873), судебный штраф (в 2020 – 56980 уголовных дел; 2019 – 52460; 2018 – 33329), деятельное раскаяние (в 2020 – 7258 уголовных дел; 2019 – 8889; 2018 – 11991)¹⁷.

Кроме того, в течение последних трех лет Верховным Судом РФ дважды предпринималась попытка внедрить в российское уголовное и уголовно-

¹⁷ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 25.09.2021).

процессуальное законодательство понятие уголовного проступка. В настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания РФ находится на рассмотрении внесенный Верховным Судом РФ 15 февраля 2021 г. проект федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка», который предусматривает появление нового нереабилитирующего основания прекращения уголовного дела/преследования в связи с назначением иных мер уголовно-правового характера. Наряду с судебным штрафом предполагается ввести общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы, которые по сути представляют собой аналог таких видов уголовного наказания как обязательные и исправительные работы, но за исключением вдвое укороченных сроков. Несмотря на многие проблемы, которые возникнут в случае принятия данного законопроекта (например, размывание института уголовного наказания, необходимость пересмотра правовой природы преступления, соотношения уголовного проступка с малозначительностью и административным правонарушением, соблюдения принципа справедливости) [1; 2; 3; 4], настойчивое стремление Верховного Суда РФ свидетельствует, в том числе и о необходимости расширения альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта посредством новых нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела/преследования.

Таким образом, произошедшие за пять последних лет изменения российского законодательства и неоднократные попытки Верховного Суда РФ по введению уголовного проступка позволяют сделать вывод о внедрении в российский уголовный процесс некоторых элементов восстановительной юстиции в части способов урегулирования уголовно-правового конфликта. В связи с этим возникает проблема поиска оптимального баланса между публичными и частными интересами в уголовном процессе и попытка примирения двух «непримиримых» моделей построения процесса: парадигмы наказания и восстановления.

Полагаем интересным познакомиться с германским опытом в части корректного и постепенного внедрения в германский уголовный процесс элементов восстановительного правосудия посредством закрепления альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта. Оба уголовных процесса построены на сходных началах, например, на принципе легальности или законности, однако Германия значительно раньше столкнулась со схожей ситуацией при введении в УПК ФРГ возможности прекращения уголовного преследования по мотивам целесообразности в случае, когда для уголовного преследования имеются все правовые основания. В УПК ФРГ (§§153– 155b УПК ФРГ) и в ряде других федеральных законов ФРГ, в частности в §37 Закона ФРГ о наркотических веществах, в §47 Закона ФРГ об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних предусмотрены различные основания прекращения уголовного дела/преследования в стадии дознания по мотивам целесообразности [5, s. 479].

В практической сфере большое значение имеют основания прекращения уголовного дела (преследования) при возложении на обвиняемого встречных обязанностей и предписаний, предусмотренных в §153a УПК ФРГ [5, s. 479]. Сначала прокурор вправе решать вопрос о временном отказе от предъявления обвинения (то есть о приостановлении уголовного преследования) с согласия обвиняемого и суда, компетентного решить вопрос о предании обвиняемого суду, с одновременным возложением на обвиняемого некоторых обязанностей и предписаний, если они позволяют устранить публичный интерес в осуществлении уголовного преследования и не противоречат тяжести его вины. Прокуратура по своему усмотрению, исходя из конкретных обстоятельств дела и с учетом личности обвиняемого, возлагает на него те или иные обязанности (обязанность выполнить определенную работу с целью возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием; внести денежную сумму в пользу общественно-полезного учреждения или государственной казны; выполнить другую общественно-полезную работу; обязанность содержания путем выплаты определенной денежной суммы; приложить серьезные усилия для компенсации по-

терпевшему и при этом возместить последствия совершенного деяния полностью или их большую часть либо серьезно стремится к их возмещению; принять участие в социальном тренинговом курсе или принять участие в семинаре, посвященном правилам дорожного движения), на выполнение которых устанавливается определенный срок. Законодатель предоставляет обвиняемому возможность предпринять определенные действия по устранению вредных последствий уголовно наказуемого деяния и восстановлению нарушенного правопорядка с целью урегулирования уголовно-правового конфликта добровольно. В случае выполнения обвиняемым в добровольном порядке возложенной на него обязанности прокуратура прекращает уголовное дело, в противном случае уголовное преследование возобновляется в общем порядке. Возможность прекратить уголовное дело предусмотрена и в суде. Однако исходя из сложившейся практики, уголовное преследование по мотивам целесообразности прекращается чаще всего на досудебной стадии.

Таким образом, германский законодатель только при согласии обвиняемого предусматривает возможность прекращения уголовного преследования при возложении встречных обязанностей и предписаний. При этом прекращение уголовного преследования в соответствии с § 153а УПК ФРГ – это право, а не обязанность соответствующих должностных лиц и органов, поскольку, по сути, речь идет об альтернативах уголовному преследованию, позволяющих прекратить его на определенном этапе, когда для уголовного преследования имеются все правовые основания. Принимая во внимание тенденцию по расширению альтернативных способов урегулирования конфликта, полагаем возможным учитывать и германский опыт.

Список использованной литературы

1. Головкин Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127–136.
2. Звечаровский И. Э. На пути к уголовному проступку // Законность. 2021. № 2. С. 45–46.

3. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Уголовный проступок: вторая попытка Верховного Суда РФ ввести новую уголовно-правовую категорию // Российский следователь. 2021. № 1 С. 45–48.

4. Плошкина Я.М., Майорова Л.В. Законопроект об уголовном проступке с учетом германского опыта правового регулирования // Lex Russica. 2021. №8. С. 133–140.

5. Löwe E., Rosenberg W. Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz : StPO, Band 5/1. 27. Auflage. 2019, S. 479.

Информация об авторе

Плошкина Яна Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Юридический институт Сибирского федерального университета (660075, г. Красноярск, ул. Маерчака 6, email: ploshkina_yana@mail.ru).

УДК 343.985.1

ББК 67.522

Е.И. Попова,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия

НЕКОТОРЫЕ ТИПИЧНЫЕ СИТУАЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ПО КОТОРЫМ ПРИМЕНЯЮТСЯ КОМПРОМИССНЫЕ ФОРМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Обращается внимание, что реализация уголовно-процессуальных институтов, предполагающих компромисс сторон обвинения и защиты (гл. 32.1, 40, 40.1 УПК РФ), зачастую подразумевает отсутствие активного противодействия уголовному преследованию. Отмечается, что это обуславливает ситуации, связанные с выбором стороной защиты тактики мнимобесконфликтного расследования, а также самооговором подозреваемого / обвиняемого. Даются рекомендации по разрешению названных ситуаций.

Ключевые слова: расследование; компромисс; мнимобесконфликтные ситуации; самооговор; дознание в сокращенной форме; досудебное соглашение; особый порядок.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в настоящее время предусматривает целый ряд институтов, предполагающих компромисс сторон обвинения и защиты. К ним относятся дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ) и два особых порядка принятия судебного

решения – при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). Не претендуя на терминологическую точность, отметим, что все названные процессуальные институты допускают определенное сокращение действий сотрудников правоохранительных органов и судей, на что прямо указано в законе: «Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозполнимую утрату следов преступления или иных доказательств» (ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ); «Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу» (ч. 5 ст. 316, ч.1 ст. 317.7 УПК РФ) и др. Анализируя приведенные нормы (прежде всего, ст. 266.5 УПК РФ), к примеру, Л.А. Ярыгина отмечает, что ускорение процесса доказывания достигается за счет уменьшения объема и самой потребности в доказательственной деятельности в связи с отсутствием спора о вине и квалификации преступления [1, с. 88]. И хотя автор приводит свои рассуждения в отношении дознания в сокращенной форме, полагаем, во многом они справедливы и в отношении особых порядков (ст. 40 и 40.1 УПК РФ).

Здесь важно обратить внимание на то, что «отсутствие спора о вине и квалификации преступления» зачастую способствует снижению бдительности следователя. А вместе с тем типичны ситуации, когда отсутствие активного противодействия уголовному преследованию:

– обусловлено выбором стороной защиты тактики мнимобесконфликтного расследования. Такая позиция позволяет скрыть обвиняемому, подозреваемому еще неизвестные следствию эпизоды и сообщников преступных деяний, поскольку многие следователи и оперативные работники ограничиваются достигнутым, переходят к так называемому «закруглению» расследования [2, с. 292–293]. Типично, что следствием мнимобесконфликтного поведения является: заявление подозреваемым по окончании дознания в сокращенной форме или обвиняемым уже в судебном заседании несогласия на рассмотрение уголовного дела судом в особом порядке; сокрытие лицом, подвергающимся уголовному

преследованию каких-либо обстоятельств преступного деяния, которое ему вменяется либо не известных органам расследования эпизодов преступной деятельности и др.;

– предполагает самооговор подозреваемого / обвиняемого. Причин такого решения у названного лица может быть множество. В их числе В.А. Образцов называет: желание помочь родственникам иными средствами уклониться от ответственности за совершенное ими преступление; стремление приобрести авторитет в определенных кругах; желание облегчить свое положение (например, условия содержания под стражей); намерение добиться для себя каких-либо льгот, преимуществ по сравнению с другими лицами, попавшими в аналогичное положение (например, получить свидание с родственниками, продуктовую передачу) и т. д. [3]

Заметим, что в ряде случаев описанные выше обстоятельства могут быть выявлены следователем. Однако он, руководствуясь негативными факторами заинтересованности в рассмотрении уголовного дела в особом порядке, может не предпринимать действия по устранению названных обстоятельств. Нами неоднократно отмечалось, что негативные факторы, о которых здесь упоминается, могут проявляться в заинтересованности в укрытии нарушений закона, прежде всего, нарушениях прав и законных интересов обвиняемого и потерпевшего; неполноте, необъективности расследования, недоказанности обвинения при согласии обвиняемого с ним и т.п. Подобная противоправная деятельность должностных лиц не просто обуславливает следственные, а затем и судебные ошибки, но и в определенных ситуациях подпадает под признаки должностных, коррупционных преступлений, преступлений против правосудия (ст. 286, 327, 290, 291 УК РФ и т.д.) [4, с. 12–15].

В других случаях следователь (в силу различного рода причин: высокая нагрузка, небольшой опыт следственной работы, некое доверие к представителям стороны защиты и т.д.) может и не выявить мнимобесконфликтное поведение и самооговор. А вместе с тем криминалистикой неоднократно предлагались рекомендации, позволяющие расширить тактический арсенал следователя в

рассматриваемом направлении. Так, следует вспомнить предложения О.Я. Баева о реализации тактической операции «Проверка показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления». Профессор обоснованно отмечал, что в основе проверки достоверности даваемых лицом «признательных» показаний, то есть в основе соответствующей тактической операции, должны лежать определенные послышки. Среди них:

1. Непротиворечие их «узловым», объективно установленным фактам расследуемого преступления.

2. Соответствие даваемых показаний объективным фактам, установленным до получения таких показаний (в ходе осмотра места происшествия, обыска, допросов иных лиц, чьи показания не вызывают сомнений в своей достоверности).

3. Наличие в «признательных» показаниях деталей, нюансов описываемых событий, которые нельзя выдумать, свидетельствующие о достоверности данных показаний.

4. Наиболее распространенным средством закрепления «признательных» показаний лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, по праву является проверка его показаний на месте происшествия.

5. «Признательные» показания лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, могут быть точно проверены проведением других видов следственного эксперимента.

6. Достоверность показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления, может быть также проверена предъявлением ему для опознания потерпевшего, орудия преступления и других предметов, связанных с расследуемым преступлением, очными ставками между данным лицом, его соучастниками, а также потерпевшим и свидетелями (естественно, при наличии для их производства указанных в процессуальном законе оснований) [5, с. 188–195].

Что касается ситуаций мнимобесконфликтного поведения, то их можно прогнозировать исходя из личностных характеристик обвиняемого и защитни-

ка, категории преступлений. К примеру, высокий социальный статус лица, подвергающегося уголовному преследованию, обвинение его в совершении коррупционных, служебных преступлений повышает вероятность того, что он займет «мнимобесконфликтную позицию». Следователь должен не только прогнозировать, но и профилактировать такие ситуации. К примеру, путем реализации тактических операций:

– «Расследование с использованием норм об особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ», «Расследование в сокращенной форме дознания». Названные тактические операции реализуются на протяжении всего досудебного производства или большей его части путем убеждения следователем стороны защиты и поддержания у нее дальнейшей убежденности в необходимости содействия органам расследования и суду в обмен на возможность воспользоваться преимуществами, которые предоставляют нормы гл. 32.1 и 40 УПК РФ. Такие тактические операции, кроме прочего, имеют целью формирование прочной доказательственной базы, которая бы не оставляла сомнений в виновности обвиняемого, в верной квалификации его действий, в иных обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию [6, с. 17].

– «Проверка показаний лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве». Предполагает комплекс действий процессуального, оперативно-розыскного, организационно-подготовительного, проверочного характера, а также и иных действий, реализуемых следователями во взаимодействии с оперативными сотрудниками. Такие действия должны быть направлены на проверку достоверности данных, полученных от лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве [7, с. 143–161].

Список использованной литературы

1. *Ярыгина Л.А.* Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме : дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. 252 с.
2. Криминалистика / под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина : учебник. М.: Велби, Проспект, 2008. 663 с.
3. *Образцов В.А.* Криминалистическая психология. URL : <https://psy.wikireading.ru/56216>.

4. *Попова Е.И.* Негативные факторы заинтересованности следователя в рассмотрении уголовного дела судом в порядке главы 40 УПК РФ // Российский следователь. 2011. №4. С.12–15.

5. *Баев О.Я.* Основы криминалистики. М.: Эксмо, 2009. 285 с.

6. *Попова Е.И.* Криминалистическое обеспечение упрощенных форм уголовного судопроизводства: методология, теория и практика : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2021. 553 с.

7. *Хамидуллин Р. С.* Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм особого порядка уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 200 с.

Информация об авторе

Попова Елена Ильинична – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности. Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (664074, г. Иркутск ул. Ивана Франко, 23А, e-mail: popovaelena03@yandex.ru).

УДК 343.378

ББК 67.408.122.30

Е.И. Романович,

Институт пограничной службы Республики Беларусь

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ПЕРЕМЕЩЕНИЮ ТОВАРОВ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Описывается современное состояние уголовного законодательства стран-участниц Союзного государства, выделяются имеющиеся проблемы. Автор приходит к выводу о необходимости изучения правовых аспектов противодействия незаконному перемещению товаров через таможенную границу в целях разработки предложений по совершенствованию указанной деятельности.

Ключевые слова: таможенная граница; товары; незаконное перемещение товаров через таможенную границу; контрабанда; канал; Евразийский экономический союз.

Данной тематике посвящены немногочисленные работы белорусских авторов А.З. Игнатьюка, О.А. Дячка, В.Ф. Ермоловича, А.В. Бертош, и российских авторов Т.А. Дикановой, Б.А. Султановой, И.В. Розумань и др. Противопрямая деятельность, связанная с незаконным перемещением товаров через таможен-

ную границу (далее – контрабанда), относится к категории латентных и высокодоходных видов теневой экономики и наносит значительный ущерб экономической безопасности государств. Указанный вид противоправной деятельности исторически неразрывно связан с таким понятием как контрабанда. В широком смысле под контрабандой ещё в начале 80-х гг. XX в. советский исследователь Б.М. Угаров предложил понимать всякое нарушение установленных законом и другими нормативными актами правил провоза товаров и ценностей через границу с сокрытием их от контроля со стороны таможен [1, с. 6]. В узком смысле контрабанда подразумевает под собой конкретные составы преступлений, предусмотренные уголовным законодательством Республики Беларусь (далее – РБ) [2] и Российской Федерации (далее – РФ) [3].

Контрабанда как квалифицированное правонарушение появилась в XIV – XVI вв., когда для осуществления контроля над провозом товаров и взимания пошлин и иных сборов, установленных государством, на сухопутной границе и в сухопутных портах были созданы специальные государственные учреждения – таможи [4, с. 5]. Не теряет актуальности контрабанда и в настоящее время. К примеру, только за первое полугодие 2021 года в РБ было выявлено и пресечено около 13 000 нарушений в сфере незаконного перемещения товаров через таможенную границу, из них более 120 преступлений¹⁸. В РФ в 2020 году было возбуждено около 2 000 уголовных и 114000 административных дел в указанной сфере¹⁹. Анализ исторических источников показывает, что в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) правовое регулирование внешней торговли путём взимания «мыта» – таможенной пошлины, а также ответственность за нарушение указанных норм была закреплена уже в XV – XVI вв в уставных грамотах и привилегиях великих князей, а также в Статутах ВКЛ 1529, 1566 и 1588 г.г. [5]. В Российской Империи ответственность за контрабанду предусматривалась: Соборным уложением (1649 г.), Таможенным уставом (1653 г.),

¹⁸ Результаты правоохранительной деятельности таможенных органов в 2021 году /Таможенные органы Республики Беларусь. URL: <https://www.customs.gov.by/ru/pravoohranenije-ru/>. (дата обращения: 22.09.2021).

¹⁹ Итоги работы ФТС России в 2020 году /Альта-софт.URL: https://www.alt.ru/expert_opinion/79704/ (дата обращения: 22.09.2021).

Указом императора Петра I от 1723 г., Таможенным уставом (1819 г.), Уложением о наказаниях (1845г.), Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. [4]. В СССР ответственность за контрабанду также была предусмотрена в зависимости от тяжести преступления одновременно и общесоюзным, и республиканскими уголовными законами. Начальный постсоветский период развития РФ и РБ характеризовался бурным ростом преступности, в том числе во внешнеэкономической деятельности. Уголовная ответственность за контрабанду в 1997 году была введена статьёй 188 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и предусматривала наказание за незаконное перемещение товаров в крупном размере через таможенную границу, а также за незаконное перемещение определённых категорий товаров, например наркотических средств [6, с. 14]. В РБ ответственность за контрабанду была введена в 1999 году статьёй 228 Уголовного кодекса РБ (далее – УК РБ) и предусматривала наказание за незаконное перемещение товаров через таможенную границу в крупном размере, запрещённых или ограниченных к такому перемещению, а также за незаконное перемещение определённых категорий товаров, например наркотических средств, оружия, боеприпасов и т.п. При этом категорию запрещённых либо ограниченных к перемещению товаров через таможенную границу определяли подзаконные акты, как правило, постановления Совмина. В период с 2010 по 2021 гг., в связи с участием РФ и РБ в таких межгосударственных объединениях, как Союзное государство, Евразийский экономический союз, значительно изменилось таможенное законодательство. Вследствие чего подверглись унификации уголовно-правовые нормы указанных стран, устанавливающих ответственность за контрабанду. Из составов преступлений, предусмотренных ст. 188 УК РФ, ст. 228 УК РБ, в зависимости от предмета преступления были выделены составы, предусмотренные отдельными статьями УК РФ и УК РБ. Собственно, ст. 188 УК РФ в 2011 году была декриминализована.

В настоящее время уголовная ответственность за незаконное перемещение товаров через таможенную границу в зависимости от предмета преступления в УК РФ предусмотрена следующими статьями: 200.1. «Контрабанда наличных

денежных средств и (или) денежных инструментов», 200.2. «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий», 226.1. «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов», 229.1. «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ». Аналогичные составы преступлений предусмотрены и в УК РБ в статьях 228, 333¹, 328¹, при этом аналог ст. 200.2 УК РФ в белорусском законодательстве отсутствует. Вместе с тем в 2015 году был криминализован новый состав преступления, предусмотренный ст. 228¹ «Незаконное перемещение товаров через таможенную границу» УК РБ. Аналогичная статья в УК РФ отсутствует. Анализ диспозиций частей статьи 228¹ УК РБ показывает, что реализация её норм направлена на противодействие неоднократным фактам незаконного перемещения товаров вне установленных законодательством мест (пунктов таможенного оформления). Об этом свидетельствуют специальные субъекты преступления: 1) лица, на которых в течение года налагалась административная ответственность за незаконное перемещение товаров через таможенную границу помимо установленных пунктов таможенного оформления; 2) лица, ранее судимые по ст. ст.228, 228¹ УК; 3) организованные группы. Следовательно, правоприменение статьи направлено на противодействие формированию кана-

лов незаконного перемещения товаров через таможенную границу (далее – канал). Следует отметить, что несмотря на частое использование в литературе и СМИ, в настоящее время отсутствует чёткое определение дефиниции «канал». Поэтому, учитывая высокую степень общественной опасности, возникающей от функционирования устойчивых каналов, существует объективная необходимость формирования единого понятия по указанной тематике. Вместе с тем на базе обобщённых сведений, полученных в ходе изучения результатов борьбы правоохранительных органов с рассматриваемыми преступлениями, можно выделить следующие признаки канала: 1) определённое территориальное расположение канала, 2) высокая степень латентности совершаемых преступлений, 3) систематичность совершения преступлений, 4) организованный характер совершения преступлений, 5) высокая степень общественной опасности в связи с функционированием канала.

Кроме того, в современных условиях серьёзную угрозу национальной безопасности могут представлять новые формы совершения рассматриваемых преступлений. Среди них можно выделить использование при перемещении товаров через таможенную границу роботизированных средств, например БПЛА – беспилотных летательных аппаратов. В УК РБ за незаконное пересечение государственной границы (в том числе в целях незаконного перемещения товаров) с использованием механического транспортного средства, летательных аппаратов и плавсредств, оборудованных двигателями, предусмотрена уголовная ответственность по ч.1 ст. 371. В случае же использования БПЛА предусмотрена только административная ответственность. В РФ – аналогично. При этом, как показывает практика правоохранительных органов, имеются сложности в выявлении и пресечении указанных правонарушений. Криминализация подобных противоправных деяний позволила бы правоохранительному блоку Союзного государства эффективнее с ними бороться, используя при этом более широкий спектр средств, например, оперативно-розыскные меры.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показал: 1) Уголовное законодательство РБ и РФ в рассматриваемой сфере за период 2010 – 2021 гг. в

значительной мере было унифицировано. В УК РФ отсутствует аналог ст. 228¹ УК РБ, в УК РБ – ст. 200.2 УК РФ. Кроме того, в РФ декриминализована ст.188 УК РФ. Поэтому существует необходимость анализа и обобщения опыта применения указанных норм права в целях дальнейшей возможной унификации уголовного законодательства Союзного государства; 2) Новые формы совершения контрабанды, прежде всего с использованием БПЛА, несут потенциальную угрозу национальной безопасности и требуют тщательного изучения в целях выработки адекватных предложений по борьбе с ними, в том числе путём возможной криминализации новых составов преступления.

Кроме того, исследователем в рамках данной работы предложено авторское определение признаков «канала».

Список использованной литературы

1. Угаров Б.М. Международная борьба с контрабандой. М. : Международные отношения, 1981. 215с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №25. Ст. 2954.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внесенными Законом Респ. Беларусь от 9 янв. 2019г., вступающими в силу с 19 июля 2019 г. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 304с.
4. Игнатюк А.З. Контрабанда и иные правонарушения во внешнеэкономической деятельности: Теория и практика расследования. М. : Амалфея, 2001. 320 с.
5. Дячок О.А. Нормативно-правовое регулирование таможенных отношений в Великом княжестве Литовском // Беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнеўрапейскім кантэксце : зб. навук. Прац / рэд. кал. С.А. Балашэнко (гал. рэд) [і інш.] Мінск, Бизнесофсет, 2012. С. 490 – 498.
6. Т.А. Диканова и др. Расследование контрабанды : практическое пособие. М. : Юристь, 1999. 208 с.

Информация об авторе

Романович Евгений Иванович – старший преподаватель. Институт пограничной службы Республики Беларусь (220086, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Славинского, 4, e-mail: Yaugen88.88@mail.ru).

Т.А. Савчук,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления при Президенте Республики Беларусь

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются основные направления в реформировании уголовно-процессуального законодательства Беларуси. Автором акцентируется внимание на достоинствах и правовых дефектах уголовно-процессуальных норм и институтов. Формулируются некоторые предложения по совершенствованию УПК Республики Беларусь.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство; участники уголовного процесса; уголовно-процессуальная политика.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь в последнее десятилетие претерпело определенные реформы, вызванные изменениями в приоритетах государственной правоохранительной политики, социально-политической и экономической обстановке, активным развитием информационного общества. Многие из новелл были заимствованы из УПК Российской Федерации с двух-трехлетним интервалом, при этом не все нормы и институты трансформированы удачно и корректно. Нам представляется важным определить лишь некоторые, наиболее важные новеллы УПК Республики Беларусь (далее – УПК), продемонстрировав их достоинства и уязвимость, предложить собственное видение ближайших перспектив в их развитии.

1. Тенденции в развитии механизма обеспечения прав личности и статуса участников в уголовно-процессуальном законе. Одной из новаций последних лет стало введение в УПК гл. 49-2 «Производство по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого» (2017 г.), и, соответственно, введение такого участника как представитель умершего подозреваемого (обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве такового). В 2018 г.

введен новый участник – адвокат свидетеля, а в 2021 г. появилась фигура медиатора. Отмечая важность названных новелл, нельзя не отметить их правовые дефекты. Так, видится некорректным использование понятия «адвокат свидетеля» в виду того, что адвокат – это должность, а не процессуальный статус, поэтому его нужно именовать представителем, ведь цель его участия в деле – отстаивание прав и законных интересов свидетеля, оказание последнему необходимой юридической помощи. В законе не определен момент допуска такого адвоката в уголовное дело, недостаточно полно определены его права и обязанности (например, отсутствует закрепление обязанности адвоката оказывать свидетелю необходимую юридическую помощь, запрет на совершение каких-либо действий против интересов представляемого свидетеля и препятствование в осуществлении принадлежащих ему прав). Специальным Законом 26 мая 2021 г. в УПК введена процедура примирения обвиняемого с потерпевшим, в том числе путем заключения медиативного соглашения. Между тем кроме определения, что медиатор – это незаинтересованное в исходе дела лицо, которое участвует в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению (п. 14-2 ст. 6 УПК), закон не предусмотрел нормы, определяющей правовой статус нововведенного участника, сделав его бесправной фигурой. Нам также видится перспективным расширение дефиниции «потерпевший» путем включения в нее юридических лиц; усиление процессуального статуса медиатора и заявителя в виде обособленных правовых норм с комплексом прав и обязанностей.

Одним из векторов уголовно-процессуальной политики остается вопрос о расширении практики использования мер, альтернативных заключению под стражу, и укреплению статуса лиц, к которым они применяются. В этой связи законодатель делает неоднократные попытки популяризовать залог: в 2007 г. был уменьшен размера залога с 500 до 100 базовых величин; в 2015 г. расширен предмета залога, предусмотрена возможность его обращения в счет возмещения причиненного преступлением вреда; в 2021 г. установлен дифференцированный подход к размеру залога в зависимости от тяжести инкриминируемого лицу

преступления и возраста такого лица. Но стремление законодателя не всегда оправдывается на практике и не решает насущных вопросов, касающихся механизма установления, внесения и принятия залога, оценки предмета залога в виде имущества, ценностей, расширения круга залогодателей, а также проблемы утраты (риска утраты) залогового имущества, которые еще предстоит решить.

По примеру российского законодателя в 2021 г. УПК Беларуси пополнился новой мерой пресечения в виде запрета определенных действий, которая практически не отличается от возможностей домашнего ареста (даже в действующей редакции ст. 125 УПК) и по сути является производной от него. Жизнеспособность данной меры пресечения покажет практика, но уже сейчас очевидно, что ст. 123-1 УПК имеет ряд несовершенств: некорректность трактовки нововведенной меры пресечения и запретов, составляющих ее сущность; отсутствие механизма принятия решения об избрании этой меры пресечения и некоторых запретов; разночтение в субъектах применения и контроля за ее исполнением; неопределенность способов контроля за соблюдением лицом установленных запретов.

2. Тенденции перехода уголовного процесса на информационную платформу. Первые шаги в этом направлении датируются 2016 г., когда УПК дополнился новыми статьями, позволяющими в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства проводить допрос, очную ставку и предъявление для опознания в режиме on-line с использованием видеоконференцсвязи (и веб-конференции с мая 2021 г.), а также исследовать доказательства в суде апелляционной инстанции посредством таких технологий, что особенно актуально в период пандемии и социальной изоляции.

В 2019 г. был разрешен «наболевший» вопрос проведения следственных действий без участия понятых, но с применением звуко- и видеозаписи в случаях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии возможности обеспечить понятых в следственном действии (с заимствованием положений УПК России). Новеллой 2020 г. стало пополнение ч. 2 ст. 88 УПК новым источником доказательств – протоколы звуко- или видеозаписи хода судебных заседаний. Однако

до сих пор не решен вопрос о корректировке самого понятия «доказательства» (ч. 1 ст. 88 УПК) путем уточнения, что ими могут быть сведения *в виде электронной информации*. В 2021 г. регламентированы вопросы изъятия электронных носителей информации и копирования электронной информации в ходе производства осмотра, выемки или обыска, введено новое следственное действие – осмотр компьютерной информации. Безусловно, это всего лишь маленькие кирпичики в фундамент построения информационной модели уголовного процесса и перехода на электронную форму уголовного дела, разработкой которого занимается Следственный комитет Республики Беларусь.

3. Тенденции в оптимизации уголовно-процессуальной деятельности на досудебных и судебных стадиях.

Наиболее важные изменения УПК датированы 2014 г. (в связи с созданием Следственного комитета Республики Беларусь), когда были уточнены субъекты предварительного следствия и их компетенция, а прокурор утратил полномочия по процессуальному руководству предварительным следствием. Практика показала успешность этого решения, о чем говорят внесенные в мае 2021 г. корректировки в УПК, направленные на расширение полномочий прокурора в ходе предварительного расследования. Например, введена новая мера прокурорского реагирования – представление об устранении нарушений законодательства в деятельности органов предварительного расследования; уточнено содержание требования прокурора об устранении нарушений законодательства за счет расширения диапазона его действия на этапе проверки заявлений, сообщений о преступлении с его обязательным рассмотрением; прокурору предоставлено право давать обязательные для исполнения письменные указания при отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, давать поручения о принятии и рассмотрении заявлений, сообщений о преступлениях. Все это говорит о значимости прокурорского надзора в досудебном производстве, а на наш взгляд, и о необходимости утверждения процессуального господства прокуратуры над следствием, где прокурор будет единственным должностным лицом, уполномоченным начинать и контролировать уголовное преследование.

Выбор эффективных процессуальных форм и введение упрощенных процедур – одно из направлений уголовно-процессуальной политики, следуя которому законодатель ввел в УПК институт досудебного соглашения о сотрудничестве (2015 г.), апелляционный порядок пересмотра уголовных дел (2016 г.), анализ которого показывает близкую нормативную регламентацию к ликвидированному институту – кассационному производству, который уже в 2012 г. был лишен принципа недопустимости поворота к худшему, а в новом институте этот принцип еще более расширен. Идеи процессуальной экономии были реализованы в УПК еще в 2017 г. путем введения заочного судебного разбирательства по делам ускоренного производства; и частично в 2021 г. посредством закрепления норм, допускающих фиксирование хода судебного заседания с использованием звуко- или видеозаписи и ведением краткого протокола судебного заседания. В то же время УПК до сих пор не включает норм, предусматривающих судебное санкционирование следственных и процессуальных действий, нарушающих конституционные права граждан; равно как и замещение института народных заседателей на суд присяжных.

Подытоживая, отметим, что совершенствование уголовно-процессуального законодательства требует консолидации усилий представителей всех ветвей государственной власти и правоохранительной системы при активной роли ученых-процессуалистов, чтобы вносимые в закон поправки были детально проработаны и апробированы, основывались на достижениях научной мысли, сохраняя исторические традиции и используя передовые технологии.

Информация об авторе

Савчук Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения правоохранительной деятельности. Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь (220050, Республика Беларусь г. Минск, ул. Московская, 17, e-mail: tamerlan75@mail.ru).

УДК 343.352+343.132
ББК67.408.142+67.410.212

А.Е. Ступницкий,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОМЕЩЕНИЙ СОТРУДНИКАМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Описываются проблемы правового регулирования проведения гласного обследования помещений оперативными сотрудниками органов внутренних дел при выявлении экономических преступлений, порождаемые данными проблемами дискуссии в науке. Автор приходит к выводу о недостаточной правовой регламентации процедуры проведения указанного мероприятия. Высказывается авторская позиция в отношении решения проблемы.

Ключевые слова: борьба с экономической преступностью; гласное обследование помещений; оперативно-розыскные мероприятия.

Проведение обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – обследование) позволяет обнаруживать следы преступной деятельности, орудия совершения преступления, похищенное имущество и прочие объекты, представляющие интерес для решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Особую значимость приобрело данное оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ) в деятельности по противодействию экономической преступности. Действия хозяйствующих субъектов согласно законодательству, правилам и обычаям делового оборота должны быть отражены документально. Как следствие, признаки противоправных действий, криминальных схем, реализуемых в экономической сфере, находят свое отражение в правоустанавливающих документах, документации бухгалтерского учета и т.д. Соответствующие материальные носители нередко играют центральную роль в изобличении преступников. Их обнаруже-

ние позволяет получить основания для возбуждения уголовного дела, дает возможность формировать доказательственную базу.

Зачастую документы, представляющие оперативный интерес, хранятся в офисах юридических лиц, задействованных в криминальных схемах. В этой связи нет оснований рассчитывать на их добровольную выдачу.

Сложность, подчас невозможность выявления и противодействия преступлениям экономической направленности негласными силами, средствами и методами достаточно давно предопределила формирование соответствующей ведомственной правовой базы. В развитие положений п.п. 25 и 35 ч. 1 ст. 11 закона Российской Федерации «О милиции» [1] был принят ряд приказов МВД России, определяющих порядок проведения проверок и ревизий субъектов предпринимательской деятельности. Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 293-ФЗ [2] указанные положения закона утратили силу. В результате были отменены и соответствующие приказы МВД России. Федеральный закон «О полиции» [3] прав на проведение аналогичных проверок сотрудникам полиции не предоставил.

Утраченные возможности стали восполняться путем распространения практики проведения гласного обследования в соответствии с положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] (далее – ФЗ «Об ОРД»). Как отмечает В. Н. Комлев, секрет популярности гласных ОРМ лежит на поверхности и заключается в законодательно закрепленной возможности во внепроцессуальном порядке не просто заходить на территорию и в помещения организаций, но и производить при этом изъятие документов, предметов, материалов и сообщений [5, с. 209–210].

Формирование и устойчивое развитие практики осуществления гласных обследований явилось, на наш взгляд, причиной разработки и принятия в органах внутренних дел ряда ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих проведение данного ОРМ. В 2014 году приказом МВД России № 199 была утверждена Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов

внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [6] (далее – Инструкция). Инструкция распространяет свое действие на деятельность всех оперативных подразделений органов внутренних дел уполномоченных на проведение обследования. Но особо значима она для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Ряд положений ФЗ «Об ОРД», регламентирующих проведение гласных ОРМ, осуществляемое при этом изъятие документов, предметов, материалов, а также положений порядка проведения гласного обследования, установленных в развитие норм закона Инструкцией, по сути, аналогичен ряду отмененных положений Закона «О милиции», инструкций МВД России, регламентировавших проведение проверок субъектов предпринимательской деятельности.

Вместе с тем обходование одних правовых, правоприменительных сложностей породило целый ряд иных проблем аналогичного характера. Несовершенство правовых норм, регламентирующих проведение данного ОРМ, как на законодательном уровне, так и на уровне подзаконных нормативных актов создает условия для нарушений прав субъектов предпринимательской деятельности, злоупотреблений со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем подобные обстоятельства являются следствием не только сознательного нарушения законности со стороны отдельных сотрудников оперативных подразделений, преследующих корыстные и иные противоправные цели. Пробелы в законодательстве, обходование молчанием ключевых аспектов проведения обследования позволяют трактовать заинтересованным лицам соответствующие правовые нормы в свою пользу. Причем это касается не только сотрудников правоохранительных органов.

Используя сложившуюся ситуацию, работники юридических служб организаций зачастую оказывают весьма ощутимое противодействие, вводя в заблуждение сотрудников оперативных подразделений относительно их прав и обязанностей [7, с. 99].

С нашей точки зрения, одним из ключевых аспектов проведения гласных обследований помещений, занимаемых хозяйствующими субъектами, порождающих активную дискуссию в научной среде, противоречивость судебной и оперативной практики, является возможность применения принуждения со стороны оперативных сотрудников.

В отношении возможности применения мер принуждения, их содержания, условий и пределов высказываются диаметрально противоположные позиции. Признание за сотрудниками оперативных подразделений права на применение мер принуждения при проведении гласного обследования делает данное ОРМ аналогичным обыску. Осознание преимуществ внепроцессуальных полномочий, связанных с принуждением, приводит к расширению практики применения указанных мер.

В целом наблюдается вполне предсказуемая тенденция. Субъекты предпринимательской деятельности, их представители, адвокаты являются сторонниками недопустимости принуждения при проведении гласного обследования. По мнению адвоката МКА «Князев и партнеры» А. Матюшенко, гласные ОРМ должны проводиться только с согласия лица, в отношении которого они принимаются [8].

Представители правоохранительных органов считают, что принуждение – неотъемлемая часть рассматриваемого ОРМ при оказании как активного, так и пассивного противодействия его проведению. И. Н. Соловьев, являясь заместителем начальника Правового департамента МВД России, высказывал мнение, что гласное обследование заключается не только в визуальном изучении помещений, зданий, сооружений и мест, но допустимы также вскрытие как очевидных мест хранения имущества и документов, так и тайных, перемещение и нарушение целостности предметов и материалов, если имеются достаточные основания полагать, что в результате этого будут обнаружены предметы и документы, имеющие определяющее значение для принятия процессуального решения по результатам ОРМ [9].

Не отличается единообразием практика прокурорского надзора и судебная практика, формирующиеся при обжаловании действий сотрудников оперативных подразделений по борьбе с экономической преступностью при проведении гласного обследования.

В данной дискуссии мы разделяем подход, согласно которому существующее правовое регулирование, не предусматривающее оснований, условий и порядка применения принуждения в ОРД, не создает необходимых законодательных предпосылок для признания допустимости принудительного осуществления гласных ОРМ [10, с. 41–42]. Вместе с тем полагаем, что элемент «допустимости принудительного осуществления» рассматриваемого мероприятия не должен трактоваться расширительно. Гласное обследование, проводимое при наличии установленных законом оснований и соблюдении предусмотренных им условий, должно проводиться и при отсутствии согласия владельцев помещения и лиц, в отношении которых оно реализуется, не подменяя при этом по своему содержанию обыск.

Список использованной литературы

1. О милиции : закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части исключения внепроцессуальных прав органов внутренних дел Российской Федерации, касающихся проверок субъектов предпринимательской деятельности : федер. закон от 26 дек. 2008 г. № 293-ФЗ (ред. от 7 февраля 2011 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6248.
3. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 30 апр. 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
4. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. *Комлев В.Н.* О гласных оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых полицией // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 209–210.

6. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 (ред. от 17 апреля 2017 г.) // Российская газета. 2014. 28 мая.

7. Мусаев С. Г. Проверка хозяйствующих субъектов как важнейшее направление деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по борьбе с экономическими преступлениями // Власть. 2012. № 4. С. 96–99.

8. Матюшенко А. «Полицию? Не вызывали!» // Консультант. 2014. № 15. С. 82 – 87.

9. Соловьев И. Н. Общедоступный регламент проведения ОРМ // Налоговый вестник. 2010. № 9. С. 35–42.

10. Четчин А. Е. Современная оперативно-розыскная деятельность и приращение // Оперативник (сыщик). 2015. № 1. С. 37–42.

Информация об авторе

Ступницкий Александр Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права. Иркутский институт (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: czubary@rambler.ru).

УДК 343.98

ББК 67.52

Д.А. Харченко,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия
О.В. Трубкина,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

К ВОПРОСУ ОБ УСТРАНЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

На основе анализа научной литературы и материалов практики деятельности органов внутренних дел определяется сущность противодействия расследо-

ванию преступлений, совершенных несовершеннолетними и некоторые особенности его выявления и устранения посредством производства следственных действий.

Ключевые слова: несовершеннолетний; способ; преступник; идеальные следы; противодействие; ложные показания.

В настоящее время на всей территории Российской Федерации сложилась достаточно сложная экономическая обстановка, обуславливающая стабильно значительное количество выявляемых преступлений, совершаемых несовершеннолетними и даже их рост в некоторых регионах страны. Так, в 2020 году несовершеннолетними совершено 37 771 преступление, в том числе тяжких и особо тяжких деяний – 9 797, за период с января по июль 2021 года выявлено 16 232 несовершеннолетних, совершивших преступления²⁰, на территории Иркутской области отмечен рост преступлений, совершенных несовершеннолетними, который за аналогичный период составил около 5%²¹.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними, всегда определялись учеными и практическими сотрудниками правоохранительных органов как особо жестокие и асоциальные. За последние несколько лет, согласно проведенным нами исследованиям, отмечается рост групповой преступности несовершеннолетних как с участием взрослых лиц, так и без такового, что закономерно влечет как увеличение циничности деяний, так и усиление противодействия со стороны заинтересованных воспрепятствованию установления истины при раскрытии преступления по разным причинам лиц.

В уголовных делах, возбужденных в отношении несовершеннолетних, особую актуальность проблема устранения противодействия приобретает в связи с тем, что оно оказывается следствию со стороны целого ряда лиц, как процессуально обязательных в производстве расследования, так и иных, не заинтересованных в установлении истины по уголовному делу в связи с различными обстоятельствами [1, с.132].

²⁰ Состояние преступности / Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (дата обращения: 20.09. 2021).

²¹ Данные ГИАЦ ГУ МВД России по Иркутской области/ Официальный сайт Главного управления МВД России по Иркутской области. URL: <https://38.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 20.09. 2021).

Так, субъектами противодействия выявлению, раскрытию и расследованию рассматриваемого вида преступлений типично выступают:

- несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый);
- законные представители несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого);
- адвокат несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого);
- соучастники несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), преступная деятельность которых при производстве расследования уголовного дела не выявлена, фигурирующие как свидетели;
- свидетели-очевидцы преступления, совершенного несовершеннолетним;
- свидетели, обладающие информацией о совершенном несовершеннолетним преступном деянии;
- свидетели, допрашиваемые в связи с необходимостью установления условий жизни и воспитания несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого);
- педагоги, обучавшие несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого).

При явно значительном перечне, представляющем лиц кардинально различных категорий, необходимо отметить как большой перечень непосредственных способов противодействия расследованию, так и разброс его мотивов от личной заинтересованности, желания защитить близкого человека, до корысти либо боязни мести.

Типично способами противодействия расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, выступают дача ложных показаний, уничтожение следов на месте совершения преступления, на одежде и теле преступника, ложное алиби, запугивание свидетелей и потерпевших.

В некоторых случаях несовершеннолетние преступники и их соучастники либо законные представители прибегают к более изощренным средствам противодействия, таким как инсценировка совершения иного преступления. Так, например, моральная распущенность и социальная неустроенность подростков

предопределяет достаточно раннее вступление в половые контакты, с целью сокрытия добровольности которых либо из корыстных побуждений инсценируется изнасилование.

Однако степень качества подготовки и достоверности инсценировки зависят как от объективных условий ее осуществления, так и от умственных и психологических качеств преступника, а также правильности его представления о следах, действительно типичных для инсценируемого преступления [2, с.117]. Данное заключение при безусловно типичном для такой категории преступников низком уровне умственного развития, инфантильности и самоуверенности, отягощенным злоупотреблением алкоголем и наркотиками, влечет низкое «качество» действий при осуществлении инсценировки, что делает ее выявление при определенных навыках следователя несложным. Так, несоответствие следов, выявляемых при осмотре места происшествия, показаниям потерпевшей и телесным повреждениям, причиненным ею с целью демонстрации насилия, достаточная простота применения тактических приемов допроса при даче ложных показаний еще на стадии возбуждения уголовного дела позволяют устранить противодействие такого вида.

Типично противодействие расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, достаточно очевидно для следователя, иногда оно проявляется в явно демонстрационной форме при даче показаний, оскорблении следователя и пренебрежительном поведении. При всей сложности такой ситуации его сущность и формы очевидны, что позволяет не только выявить его содержание, но принять адекватные ситуации меры для его устранения, которое осуществляется посредством применения тактических приемов при производстве следственных действий, наиболее действенными из которых в рассматриваемой конфликтной ситуации являются выявление ложного алиби, результаты избличающих экспертиз, предъявление иных доказательств, например, таких как показания иных лиц, результаты осмотра места происшествия либо обыска, разоблачение сговора.

Кроме того, психолог может «вовремя обратить внимание сотрудника правоохранительных органов на такие нюансы в речи несовершеннолетнего, которые будут указывать на наличие признаков заученности текста, а также понятий, выражений и категорий, оперировать которыми несвойственно для определенного возраста [3, с. 122].

Таким образом, эффективность действий по устранению противодействия расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, предопределяется как ранним выявлением признаков и мотивов, так и тактически верным применением целесообразных и адекватных приемов следственных действий.

Список использованной литературы

1. *Трубкина О.В., Третьякова Е.И.* Противодействие расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними: сущность и особенности преодоления // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 130–139.
2. *Трубкина О.В.* Некоторые особенности тактики осмотра места происшествия при выявлении инсценировки изнасилования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 115–120.
3. *Шаевич А. А., Герих А.В.* Значение и организационные проблемы участия психолога в расследовании и профилактике преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. №4. С.118–125.

Информация об авторах

Харченко Дмитрий Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности. Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (664074, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23 а, e-mail: 1234q@mail.ru).

Трубкина Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: 1234q@mail.ru).

СЕКЦИЯ «РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ»

УДК 343.85
ББК 67.515

С.А. Аверинская,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет
В.В. Загайнов,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

ЮРИДИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ЭКСТРЕМИЗМА

Рассматривается вопрос о связи государственного и политического строя с правовой оценкой экстремистской деятельности следственными и судебными органами. Обозначается проблема квалификации экстремистских проявлений и различных противоречий современного общества.

Ключевые слова: экстремизм; уголовная ответственность; национальная безопасность.

Любые государственные образования во все времена были заинтересованы в сохранении государственной, политической, социальной стабильности, принимая для этого различные методы, вплоть до внутригосударственного террора. Так, возглавивший советское государство В.И. Ленин провозгласил «красный террор» как способ удержания захваченной власти большевиками. Например, в одной из телеграмм он указывал: «Временно советую назначать своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» [1]. Вся история Российского государства, да и мира в целом, полна ярчайших примеров жесткой государственной политики с учетом национальных интересов в конкретном историческом моменте. Давно известен тезис о том, что «история – служанка политики». Этому есть естественное объяснение, так как любая правящая элита заинтересована в наличии идеологической основы существования управляемого ими

государства и общества, что и предопределяет смену взглядов на те или иные исторические события. При этом следует отметить, что изменения государственного, политического и общественного строя всегда влекут и корректировку в правовой сфере. Создание новых законов, начиная с конституций – логичное продолжение государственных изменений любого масштаба. Таким образом, тезис, применимый к исторической науке, однозначно применим и к юриспруденции, что позволяет констатировать: право, правоприменительная практика и юриспруденция в целом являются глубоко зависимыми от политики сферами общественной деятельности. Подчеркнем, что в этом явлении не столь все критично, так как базовые общественные отношения, блага, интересы не утрачивают правовой защищенности в значимом объеме. Однако законодательный процесс, являющийся перманентным, тянет за собой не только изменения в правоприменительной практике, но иногда серьезно ее опережает, заставляя правоприменителя и остальную юридическую общественность отвечать на новые, ранее неисследованные вопросы.

В Российской Федерации 25 июля 2002 года был принят Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2], являющийся, наряду с Конституцией России, правовым базисом деятельности государственных правоохранительных органов в данном направлении. Можно сделать вывод, что в юридическом смысле до принятия этого закона экстремизма в России не было, так как только оформленное в виде правовой нормы социальное явление начинает существовать юридически.

Интересным представляется, что в СССР примерно до второй половины 1950-х термин «экстремизм» вообще крайне мало встречался даже в средствах массовой информации. Одной из причин этому можно считать очень лояльное отношение руководства СССР и советского общества к различным революционным и радикальным идеологиям левого направления. Для обозначения же радикальных идеологий правого направления, как правило, использовался собирательный термин «фашизм».

Дмитрий Ушаков в толковом словаре, впервые изданном в 1935 году, закреплял определение термина: «Экстремизм (от лат. *extremus* – «крайний») – склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике» [3].

В дальнейшем понятие «экстремизм» постепенно начало использоваться в публицистике, входить в оборот в связи со сложившимся отрицательным отношением руководства СССР к левым террористическим организациям типа «Красных бригад», а также в гораздо большей степени для обозначения наиболее радикальных правых военизированных организаций. Советское общественное мнение на основе средств массовой информации и пропаганды вплоть до 1991 года четко связывало понятие «экстремизм» с вооруженным насилием террористического характера. Такой подход находил отражение и в официальных государственных документах.

Тем не менее и в этих документах со временем стало появляться другое наполнение понятия «экстремизм». Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной и некоторых других районах» от 15 января 1990 г. содержал следующее утверждение: «...экстремистски настроенные группировки организуют массовые беспорядки, провоцируют забастовки, разжигают национальную рознь и вражду». Указанная цитата свидетельствует о том, что советское руководство стало признавать экстремизмом не только вооруженное насилие, но и забастовки, антигосударственную, радикальную и националистическую пропаганду. Однако в общественном сознании россиян понятие «экстремизм» еще очень долго связывалось только с понятиями «терроризм» и «фашизм».

Федеральный закон №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закрепил определение экстремизма в ст. 1 путем перечисления ряда действий, параллельно раскрывая их содержание. Безусловно, крайне настроенные и готовые перейти к открытым насильственным действиям экстремисты обладают как признаком общественной вредности, так и признаком обществен-

ной опасности, и их деятельность должна пресекаться государством именно правовыми средствами. О существующей опасности экстремизма прямо говорится в новой Стратегии национальной безопасности России: «...усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека [4].

Анализируя правоприменительную практику, складывается впечатление, что преступления экстремистской направленности получают достаточно широкую правовую оценку со стороны органов следствия и суда. Термин «крайние проявления и взгляды» трактуется в ряде случаев пространно и очень широко, а иногда вовсе игнорируется при квалификации. Указанное обстоятельство свидетельствует, что существующее законодательство и официальная правовая позиция Верховного Суда РФ не в полной мере позволяет правильно реализовывать концепцию применения норм об ответственности за экстремизм. Экстремизм прочно вторгся в общественно-политическую жизнь российского общества, однако это обстоятельство, с одной стороны, не должно давать следственным и судебным органам права широко трактовать нормы об ответственности за экстремистскую деятельность, с другой стороны, надлежащая правовая оценка экстремистских действий должна обеспечить как неотвратимость наказания, так и выполнить превентивную функцию.

Федеральный закон №14 2002 года, Уголовный кодекс Российской Федерации [5], Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 [6], Приложение № 20 [7] призваны разъяснить вопросы применения норм об ответственности за экстремистскую деятельность, а также за совершение преступлений по «экстремистскому мотиву». Однако указанные нормы не всегда в конкретных ситуациях дают ответ на вопрос: где проходит юридическая граница между собственно экстремистской деятельностью и той, что носит признаки протестной, альтернативной, нетолерантной и пр. Здесь мы опять подходим к

тому, что существует некоторое субъективное усмотрение органов следствия и суда при даче правовой оценки «спорных» ситуаций, возникающее в контексте вышесказанного.

С учетом современных реалий и исторического опыта, можно обоснованно предположить, что перечень действий, обладающих признаками экстремизма имеет тенденцию к расширению.

Судебно-следственная практика с учетом того, что органы правосудия являются государственными органами и, следовательно, прочно интегрированы в происходящие политические процессы, будут нарабатывать практику применения норм об экстремизме принимая во внимание существующую на момент вынесения правового решения актуальность в вопросах обеспечения национальной безопасности.

Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности и совершенных по экстремистским мотивам не перестанут волновать как общественников, так и юристов и будут значимой темой для обсуждения на различных, в том числе научных, площадках.

Список использованной литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории Ф. 2. Оп. 1. Д. 7110. Л. 1. Копия. Рукописный текст. URL : <http://lenin.rusarchives.ru/krasnyu-terror> (дата обращения: 24.09.2021).
2. О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. URL : <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 24.09.2021).
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 22 августа 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20 сентября 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

7. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. (ред. от 13 июля 2020 г.). URL : <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-20-prestuplenii-ekstremistskoi/> (дата обращения: 24.09.2021).

Информация об авторах

Аверинская Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института. Иркутский государственный университет (664074, г. Иркутск Уланбааторская, 10, e-mail: aver27@mail.ru).

Загайнов Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664003, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: vladzagain@mail.ru).

УДК 343.971

ББК 67.51

А.Г. Анисимов,
кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

МОЛОДЕЖНЫЕ СУИЦИДЫ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Феномен молодежных суицидов рассматривается в двух аспектах: как прямая угроза национальной безопасности России и как малоизученное социальные науки явление. Обосновывается тезис о том, что суицидогенные причины, среди прочего, влияют на воспроизводство преступности отдельных видов, в частности, наркотической и террористической направленности. Формулируется гипотеза, требующая проверки и излагаются отдельные направления по изучению данного явления.

Ключевые слова: молодежные суициды; суициды в России; угрозы национальной безопасности; профилактика суицидов.

Для России проблема суицидов является особенно актуальной. Так, по оценкам Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) Российская Федерация входит в число лидеров по уровню самоубийств на душу населения.

По итогам 2019 года наша страна занимает 11-е место в мире по общему уровню суицидов, 25-е место по уровню женских самоубийств и 5-е место по уровню самоубийств среди мужчин²². По данным официальной российской статистики (что существенно ниже оценок ВОЗ) в среднем в России ежегодно сводят счеты с жизнью более 17 тысяч человек²³ – это число больше, чем гибнет в результате дорожно-транспортных происшествий (около 16 тысяч за 2020 год)²⁴ и более чем в два раза ниже количества убийств (7,6 тысяч за 2020 год)²⁵.

При этом Стратегия национальной безопасности России, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 прямо упоминает проблему самоубийств лишь в п. 52 в разделе информационной безопасности, указывая на необходимость борьбы с призывами к совершению суицидов [1]. В подобной логике действует Закон РФ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», запрещающий распространение в Интернете призывов к совершению самоубийства и информации о его способах [2]. Между тем, очевидно, что проблема суицидов не сводится к предупреждению их пропаганды.

В связи с этим можно только приветствовать, что Россия приняла Стратегию ВОЗ по предотвращению самоубийств²⁶. В частности, в отношении лиц, совершивших попытку самоубийства, проводятся соответствующие профилактические мероприятия. Однако ряд специфических особенностей ситуации с суицидами в нашей стране продолжает вызывать озабоченность.

Во-первых, существенно превышающий общемировой разрыв между самоубийствами среди мужчин и женщин. Мировая тенденция такова, что чаще

²² Suicide rate estimates, age-standardizedEstimates by country. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDEASDR> (дата обращения: 24.09.2021).

²³ Самоубийства и их профилактика в России, 2019 год: основные факты. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0869/suicide.php> (дата обращения: 24.09.2021).

²⁴ Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 24.09.2021).

²⁵ Генеральная Прокуратура Российской Федерации: портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_mar (дата обращения: 24.09.2021).

²⁶ Россия реализует стратегию ВОЗ по предотвращению самоубийств. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1385502> (дата обращения: 24.09.2021).

суициды совершают мужчины (в среднем в 1,8 раза чаще)²⁷, однако в России такой разрыв составляет 6,3 раза²⁸, что косвенно может указывать на проблемы гендерного социального неравенства.

Во-вторых, Россия имеет уникальный для мировой практики разрыв среди удельного веса самоубийств по регионам, когда в таких городах, как Москва и Санкт-Петербург, ситуация по данному показателю существенно лучше среднемировой, а в таких регионах, как Республика Бурятия, Тыва, Алтай, Амурская область, данный уровень превышает минимальные значения по стране в десятки раз²⁹. Другими словами, несмотря на единое правовое поле, гарантированные Конституцией РФ равные права и возможности граждан, удовлетворенность жизнью в России имеют полярные значения в зависимости от субъекта Федерации.

В-третьих, вызывает серьезные сомнения достоверность статистики в свете учета такого показателя как «повреждения с неизвестными намерениями» (далее – ПНН), в который могут попадать как самоубийства, так и убийства. Есть существенные основания предполагать, что уровень данного показателя во многом определяется неучтенными суицидами. Более того, может иметь место искусственное занижение реального уровня самоубийств в статистических отчетах, в первую очередь, за счет представления их как ПНН [3].

Несмотря на то, что по демографическим характеристикам уровень суицидов в России имеет два возрастных пика (35-44 года и 75-85+ лет), проблема суицидов актуальна, в первую очередь, среди молодежи (люди в возрасте 18-30 лет). Так, среди молодежи в возрасте 15-29 лет самоубийство является второй главной причиной смерти [4].

Кроме того, молодежью совершается самая значительная часть преступлений в России. Примерно после 40 лет преступная активность или становится

менее явной (латентной), или вовсе сходит на нет. Самые «активные» и дерзкие преступники – это молодые люди. Суицидогенные факторы являются, в том числе, и криминогенными.

В данном аспекте нельзя не согласиться с профессором Я.И. Гилинским, который характеризует террор и терроризм как разновидность «Hate crimes» и указывает на то, что природа терроризма иррациональна, с ней бесполезно бороться рациональными уголовно-правовыми методами [5]. Человек, решивший совершить акт терроризма, как правило, разочарован (по разным причинам) в качестве собственной жизни. Суицидогенные факторы такому разочарованию способствуют напрямую. Другой вид преступности – оборот наркотических средств – подпитывается спросом на наркотики. В свою очередь, такой спрос во многом обеспечивается факторами, схожими с теми, которые воспроизводят неудовлетворенность жизнью и, в частности, суициды. Так, эксперимент на крысах (так называемый Rat Park), впервые проведенный в Канаде в конце 1970-х годов и затем многократно проверенный более поздними исследованиями показал, что склонность к употреблению опиатов у крыс обуславливается не химическими свойствами препарата, а неудовлетворенностью качеством жизни [6; 7]. Очевидно, что употребление наркотиков у людей во многом связано со схожими обстоятельствами. В свою очередь, наркопотребление и суициды могут быть обусловлены схожим комплексом причин.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что предметное и подробное изучение причин суицидов среди молодежи, а также раннее выявление лиц, склонных к суицидам, является важной частью Стратегии национальной безопасности России и первостепенной мерой по профилактике преступности среди молодежи. Кроме того, особенности суицидов в России как социального явления указывают на его неоднозначность, сложность и малоизученность, требуют, в том числе, криминологического и социологического осмысления. На актуальность детального изучения суицидов указывает и ВОЗ, прямо отмечая важность проведения национальных репрезентативных опросов для сбора ин-

²⁷ Россия – в тройке лидеров по числу самоубийств. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49636376> (дата обращения: 24.09.2021).

²⁸ Самоубийства и их профилактика в России, 2019 год: основные факты. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0869/suicide.php> (дата обращения: 24.09.2021).

²⁹ Самоубийства в России за год: статистика, количество по регионам. URL: <http://www.statdata.ru/samoubijstva-rossii> (дата обращения: 24.09.2021).

формации о попытках самоубийства от респондентов³⁰ как одного из направлений исследования и профилактики данной проблемы.

Реализация таких опросов видится в выявлении и изучении комплекса особых маркеров (эмоциональная амбивалентность, переживание горя, ощущение неудачи, вина, страх перед будущим, отсутствие системы социальных связей, одиночество и т.п.), косвенно указывающих на наличие проблемы, и сопоставлении их с иными, указанными в анкете или установленными из иных источников фактическими обстоятельствами, включая выявление психологических особенностей респондента, проведение специальных опросов лиц, совершивших попытку суицида.

Результаты подобных исследований позволят лучше понять комплекс причин и условий суицидов среди молодежи в России, разработать систему мер по их профилактике, включая совершенствование государственной политики в данной сфере.

Список использованной литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400// Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436 // Российская газета. 2010. 31 дек.
3. *Крнев А., Васин С.* «Род смерти не установлен» – ведущая причина насильственной смертности в России. URL : http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit010.php#_FNR_3 (дата обращения: 24.09.2021).
4. *Варыханов С.* Мужские самоубийства в России объяснили женским поведением. URL : <https://www.mk.ru/social/2020/01/07/muzhskie-samoubiystva-v-rossii-obyasnili-zhenskim-povedeniem.html> (дата обращения: 24.09.2021).
5. *Гилинский Я.И.* Криминология постмодерна (некриминология). СПб. : Алетей, 2021. 133 с.
6. *Alexander, B.K., Beyerstein, B.L., Hadaway, P.F., and Coombs, R.B.* Effect of early and later colony housing on oral ingestion of morphine in rats// *Pharmacology, Biochemistry and Behavior*, 1981, Vol. 15, p. 571–576.

³⁰ Самоубийство/ Официальный сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide> (дата обращения: 24.09.2021).

7. *Zhiwei Xu, Bing Hou, Yan Gao, Fuchu He, Chenggang Zhang.* Effects of enriched environment on morphine-induced reward in mice // *Experimental Neurology*, 2007, 204(2), p. 714–719.

Информация об авторе

Анисимов Андрей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: 7821@mail.ru).

УДК 343
ББК 67.408

Е.Ю. Антонова,
доктор юридических наук, профессор
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

КОМПЛАЕНС-ПРОГРАММЫ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Рассматривается вопрос о противодействии коррупции путем внедрения в корпоративные образования антикоррупционных комплаенс-программ. Автор заключает, что комплаенс-программа способна выстроить должную корпоративную культуру, позволяющую выявлять и предупреждать коррупционные риски и факты коррупционного поведения.

Ключевые слова: комплаенс-программа; коррупция; корпоративная культура; корпоративная уголовная ответственность.

Репрессивные (уголовно-правовые) меры воздействия на преступное поведение не всегда оказываются эффективными, что заставляет государства искать новые способы его противодействию. Одним из таких способов является комплаенс-программа.

«Комплаенс» (*от англ. compliance – соответствие*) – это соблюдение правил, законов, стандартов и политик или соответствие им.

В процессе разработки комплаенс-программ должен быть создан механизм внутреннего контроля системы политик/процедур/мер по выявлению и предупреждению нарушений нормативных правовых актов, правил и стандартов [1, с. 31]. Как правило, комплаенс-программы включают в себя меры, направленные на противодействие таким преступным проявлениям как коррупция, лега-

лизация преступных доходов, финансирование террористической/экстремистской деятельности; дискриминация. Кроме того, может быть сконструирован антимонопольный комплаенс либо комплаенс по управлению конфликтом интересов.

Остановимся на некоторых особенностях внедрения комплаенс-программ в механизм противодействия коррупции.

Ученые определяют антикоррупционный комплаенс как процесс управления, позволяющий определять применимые правовые нормы, выявлять и оценивать коррупционные риски, создавать локальные нормы организации с учетом этических принципов. Такой процесс позволяет обеспечить соблюдение организацией и взаимодействующими с ней лицами правовых и локальных норм (например, кодекса деловой этики) организации, а также профилактику коррупционных рисков [2, с. 263].

17 января 2020 года Бюро по расследованию случаев серьезного мошенничества Великобритании (Serious Fraud Office – SFO) опубликовало Руководство для прокурорских работников по оценке эффективности комплаенс-программ организаций [3] (далее – Руководство). В соответствии с данным документом под комплаенс-программой понимается «...[совокупность] внутренних систем и процедур организации, которые помогают обеспечить соответствие деятельности организации и тех, кто в ней работает, требованиям законодательства, а также внутренним политикам и процедурам». Важным является указание на то, что такие системы и процедуры должны не просто быть регламентированы в документах организации, но и эффективно применяться на практике.

Антикоррупционные комплаенс-программы имеют большое значение в странах, законодательство которых устанавливает уголовную (Аргентина, Великобритания, КНР, Литовская Республика, Македония, США, Франция и др.) либо административную (Германия, Италия, Перу, Швеция и др.) ответственность юридических лиц, в том числе за преступления коррупционной направленности. Так, в некоторых странах (Бразилия) существующие в организации эффективные внутренние механизмы и процедуры обеспечения неподкупности,

контроль и поощрение заявителей о недобросовестном поведении, эффективное применение кодексов этики и поведения расценивается как обстоятельство, смягчающее ответственность юридических лиц, а в других странах (Аргентина, Индия, Перу) – является основанием даже для освобождения коллективных (корпоративных) субъектов от ответственности [4, с. 170,172]. В Великобритании неэффективная комплаенс-программа расценивается какотягающий фактор, обуславливающий судебное преследование компании-нарушителя [5, с. 63], а в Бразилии отсутствие такой программы влечет наложение штрафа на организацию [6, с. 24–29].

Примечательно, что, моделируя конструкцию правовой (уголовно-правовой/административной) ответственности юридических лиц, законодатели многих стран учитывают корпоративную культуру, сложившуюся в организации. Корпоративное образование подвергается правовой ответственности в связи с тем, что выстроенная в ней «культура», политика, практика, управление поощряет или допускает совершение противоправных деяний (преступная корпоративная культура). На законодательном уровне в одних странах (Босния и Герцеговина, Венгрия, Индия, Литва, Польша, Финляндия, Швейцария) преступная корпоративная культура заложена в условия, при которых наступает уголовная ответственность корпоративного объединения. В Англии и Австралии правоприменитель решает вопрос о корпоративной культуре в процессе определения вины корпоративного объединения, а в США и Норвегии – при назначении наказания [7, с. 50–58].

Представляется, что корпоративные (коллективные) образования через реализацию эффективных антикоррупционных комплаенс-программ должны выстраивать такую корпоративную культуру, которая позволяла бы выявлять и предупреждать коррупционные риски и факты коррупционного поведения.

В российской правовой системе юридические лица являются лишь субъектами административных правонарушений.

Как справедливо отмечается в Руководящих принципах по применению мер ответственности к юридическим лицам (приняты на 12-м саммите лидеров

стран «Группы 20» 7-8 июля 2017 г., Гамбург, Германия), установление и обеспечение ответственности юридических лиц имеет решающее значение для глобальной борьбы с коррупцией. В условиях все более сложной и глобальной экономики часто бывает трудно выявить и (или) привлечь к ответственности физических лиц, в то время как ответственность юридических лиц и незаконные выгоды, получаемые юридическим лицом, могут быть более четко установлены. Это обусловлено, в частности, процессами принятия решений, которые могут включать в себя несколько уровней внутри организации, работающих через сложные бизнес-структуры и коллективные процессы принятия решений. Преступники и подстрекатели могут попытаться спрятаться за корпоративной завесой, чтобы избежать ответственности. Ответственные лица могут даже проживать в другом государстве, что особенно характерно для взяточничества с участием многонациональных предприятий [8].

Полагаем, что меры административно-правового воздействия не всегда являются эффективными в противодействии коррупционным действиям от имени и (или) в интересах корпоративных образований, поэтому вопрос об их уголовной ответственности должен получить положительное решение в Российской Федерации.

Согласимся с мнением о том, что угроза привлечения к юридической ответственности будет стимулировать компании принять превентивные меры, такие как внедрение корпоративных комплаенс-программ и кодексов этики [5, с. 44]. Формируя законодательную конструкцию института корпоративной уголовной ответственности, необходимо учитывать механизм преступной деятельности юридических лиц, в основе которого лежит соответствующая корпоративная культура.

Список использованной литературы

1. Батаева Б.С., Черепанова В.А. Перспективы развития комплаенса как средства улучшения корпоративного управления в российских компаниях // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 5. С. 30–36.

2. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Междисциплинарный подход к формированию системы антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2020. № 3. С. 260–276.

3. Evaluating a compliance Programmer: SFO Operational Handbook // SFO: Serious Fraud Office. URL: file:///C:/Users/NEW/Downloads/Evaluating%20a%20Compliance%20Programme%20OGW%20v1.pdf.

4. Антонова Е.Ю. Комплаенс-программа как условие освобождения юридического лица от уголовной (административной) ответственности за преступления коррупционной направленности: опыт зарубежных стран // Роль права в развитии интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе : современные тенденции и вызовы : V Тихоокеанский юридический форум, посвященный празднованию 120-летия Дальневосточного федерального университета и 100-летия юридического образования на Дальнем Востоке России, 3–5 октября 2019 г.: материалы / сост. Н.Г. Присекина. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2020. С. 170–172.

5. Противодействие коррупции в сфере бизнеса : науч.-практич. пособ. / Ю.В. Трунцевский, Р.А. Курбанов, А.М. Цирин и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, О.С. Капинос; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : ИД «Юриспруденция», 2020. 256 с.

6. Антонова Е.Ю. Стимулирование антикоррупционного поведения: опыт зарубежных стран // Антикоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения : сб. науч. ст. по итогам V Сибирского антикоррупционного форума. Красноярск, 19-20 декабря 2019 г. / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 24–29.

7. Антонова Е.Ю. Корпоративная культура в контексте предупреждения корпоративной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 50–58.

8. G20 High-Level Principles on the Liability of Legal Persons for Corruption // G20 Germany 2017. Hamburg. URL : https://www.g20germany.de/Content/DE/_Anlagen/G7_G20/2017-g20-acwg-liberty-legal-persons-en.html.

Информация об авторе

Антонова Елена Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета. Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (690091, г. Владивосток, ул. Суханова, д.8, e-mail: antonovy@yandex.ru).

А.М. Бычкова,
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ КАННАБИСА: ОПАСНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ К ИЗМЕНЕНИЮ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Анализируются изменения, внесенные в Единую конвенцию о наркотических средствах 1961 г. в декабре 2020 г. в связи с рекомендациями ВОЗ смягчить нормы международного права в отношении каннабиса. Раскрыто содержание предложений ВОЗ, как принятых, так и отклоненных. Представлены сведения о законопроекте о декриминализации марихуаны «The MORE Act of 2020», одобренного Палатой представителей Конгресса США в декабре 2019 г. и рассматриваемого в Сенате Конгресса США в 2021 г. Приводятся данные о негативных последствиях легализации каннабиса в Уругвае, Канаде и ряде североамериканских штатов.

Ключевые слова: легализация каннабиса; декриминализация марихуаны; Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года; борьба с наркотиками; the MORE Act of 2020; последствия легализации каннабиса.

Международная система контроля над наркотиками построена на трех конвенциях о контроле над наркотиками – Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года [1], Конвенции о психотропных веществах 1971 года [2] и Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [3]. Первая из них – Единая Конвенция о наркотических средствах (далее – Единая Конвенция 1961 г.) была заключена 60 лет назад – 30 марта 1961 года в г. Нью-Йорке. В 1972 году в текст этой Конвенции были внесены поправки в соответствии с Протоколом, принятым в Женеве Конференцией Организации Объединенных Наций.

Единая Конвенция 1961 г. содержит 4 списка наркотических средств. Включение в конкретный Список определяется мерами контроля, которые государства-участники должны применять к соответствующим веществам. Так, за

исключением мер контроля, применение которых ограничено определенно указанными наркотическими средствами, наркотики, включенные в Список I, подлежат *всем мерам* контроля, применимым к наркотическим средствам на основании Единой Конвенции 1961 г.

Наркотические средства, включенные в Список IV, включаются также в Список I и подлежат всем мерам контроля, применимым к наркотическим средствам в этом списке, и *кроме того*:

а) каждая Страна принимает любые специальные меры контроля, которые, по ее мнению, необходимы, учитывая особо опасные свойства какого-нибудь включенного таким образом наркотического средства; и

б) каждая Страна, если, по ее мнению, существующие в ее стране условия делают это наиболее подходящим способом охраны народного здоровья и благополучия, запрещает производство, изготовление, вывоз и ввоз любого такого наркотического средства, торговлю им и его хранение или применение, за исключением лишь количеств, которые могут быть необходимы для медицинской и научно-исследовательской работы, включая клинические испытания, проводимые под непосредственным наблюдением и контролем данной Страны или подлежащие такому непосредственному наблюдению и контролю.

Таким образом, Единая Конвенция 1961 г. обязала Страны вводить дополнительные (по сравнению с установленными этой Конвенцией) меры контроля, направленные на пресечение распространения веществ из Списка IV, подразумевая, что речь идет о наиболее опасных наркотиках. Этот Список наряду, к примеру, с дезоморфином и героином включал также каннабис и смолу каннабиса.

В январе 2019 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) направила ряд рекомендаций относительно изменения контроля над оборотом каннабиса и веществами, связанными с ним³¹. В декабре 2020 года Комиссия по наркотическим средствам Экономического и Социального Совета ООН приня-

³¹ URL :
https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/CND_Sessions/CND_62Reconvened/ECN72020_CRP19_V2006823.pdf

ла решения по шести этим рекомендациям, отклонив три из них, не голосуя по двум и приняв одну³².

27-ю голосами «за» при 25-ти «против» и одном воздержавшемся Комиссия постановила исключить каннабис и его производные из Списка IV Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, сохранив этот наркотик в Списке I.

Представляет интерес содержание отклоненных Комиссией рекомендаций ВОЗ, в частности: 1) рекомендация переместить дронабинол и его стереоизомеры (дельта-9-тетрагидроканнабинол) и тетрагидроканнабинол (шесть изомеров дельта-9-тетрагидроканнабинола), которые являются психоактивными компонентами каннабиса, из соответствующих списков Конвенции 1971 года в Список I Конвенции 1961 года, который уже включает каннабис и смолу каннабиса (23 голоса – «за», 28 – «против», 2 воздержавшихся); 2) рекомендация исключить экстракты и настойки каннабиса из Списка I Конвенции 1961 года (24 голоса – «за», 27 – «против», 2 воздержавшихся); 3) рекомендация добавить сноску к Списку I Конвенции 1961 года следующего содержания: «Препараты, содержащие преимущественно каннабидиол и не более 0,2 процента дельта-9-тетрагидроканнабинола, не находятся под международным контролем» (6 голосов – «за», 43 – «против», 4 воздержавшихся).

Эти рекомендации Всемирной организации здравоохранения демонстрируют тренд на распространение идеологии движения за легализацию каннабиса по всему миру. Причем, ВОЗ отстаивает уже не только необходимость использования каннабиса в медицинских и научных целях, но и – судя по всему – в целях рекреационных, что противоречит самой идее, ради которой должна существовать данная организация – охране здоровья.

В русле данной тенденции действуют законодатели США, где каннабис легализован на уровне множества штатов (как в медицинских, так и в рекреационных целях), но на федеральном уровне продолжает находиться в перечне

³² URL : https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/CND_Sessions/CND_63Reconvened/Press_statement_CND_2_December.pdf

запрещенных веществ. 14 июля 2021 г. в Сенате Конгресса США начал рассматриваться одобренный в декабре 2019 г. Палатой представителей законопроект «Marijuana Opportunity Reinvestment and Expungement Act of 2020» или «the MORE Act of 2020»³³.

На сайте Конгресса США этот законопроект представлен как акт, декриминализирующий марихуану: он убирает каннабис их списка запрещенных веществ и устраняет уголовное наказание для лиц, которые производят, распространяют или владеют марихуаной. Законопроект также вносит другие изменения: требует, чтобы Бюро статистики труда регулярно публиковало демографические данные о владельцах и сотрудниках бизнеса каннабиса; учреждает целевой фонд для поддержки различных программ и услуг для отдельных лиц и предприятий в общинах, «затронутых войной с наркотиками»; вводит акцизный налог на продукты каннабиса, произведенные или импортируемые в Соединенные Штаты, и профессиональный налог на объекты по производству каннабиса и экспортные склады; предоставляет кредиты и государственные услуги организациям малого бизнеса, которые являются зарегистрированными предприятиями или поставщиками услуг, связанных с каннабисом; запрещает отказ в предоставлении государственных льгот какому-либо лицу на основании определенного поведения или убеждений, связанных с каннабисом; запрещает отказ в льготах и защите в соответствии с иммиграционным законодательством на основании события, связанного с каннабисом; устанавливает процесс отмены обвинительных приговоров и проведения слушаний по пересмотру приговоров, связанных с преступлениями относительно каннабиса, и поручает Счетной палате Правительства изучить социальные последствия легализации каннабиса.

Между тем социальные последствия легализации каннабиса уже полноценно изучены в ежегодных Докладах Международного комитета по контролю над наркотиками, причем, экспертные оценки базируются на достаточном временном периоде. Так, в Уругвае Закон №19.172, регулирующий выращивание, производство, продажу и использование каннабиса в немедицинских целях,

³³ URL : <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/3884>.

действует с 2013 г., в Канаде Закон о каннабисе, разрешающий коммерческое производство и продажу продуктов каннабиса для немедицинского использования лицами в возрасте 18 лет и старше, принят в 2018 году, а в некоторых штатах США немедицинское использование разрешено с 2014 г.

Процесс легализации каннабиса в этих странах, по данным докладов Международного комитета по контролю над наркотиками, характеризуется следующими явлениями: возрастают распространенность и частота употребления каннабиса, растет доля ежедневных потребителей этого наркотика; ширятся масштабы немедицинского употребления каннабиса подростками; среди старшеклассников снизилось восприятие риска, связанного с употреблением каннабиса (это происходит на фоне увеличения процентного содержания $\Delta 9$ -ТГК в изъятой траве каннабиса); отмечены поведенческие расстройства и негативное влияние каннабиса на интеллектуальные функции школьников; растет число госпитализаций, связанных с каннабисом, как по причине острой интоксикации, так и являющихся результатом психических расстройств вследствие употребления каннабиса; наблюдаются многочисленные случаи отравлений, связанных с пищевыми продуктами, содержащими каннабис, среди детей в возрасте 8 лет и младше, а также среди детей и подростков в возрасте 9-17 лет [4, 5].

Таким образом, остается только приветствовать, что Российская Федерация была в числе стран, проголосовавших против всех предлагавшихся ВОЗ изменений в Единую Конвенцию 1961 года и надеяться, что и впредь представители нашей страны будут действовать в интересах здоровья нации, а не коммерческого сектора, лоббирующего свои интересы под видом заботы о правах и свободах граждан.

Список использованной литературы

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года : заключена в г. Нью-

Йорке 30 марта 1961 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 8. С. 15–50.

2. Конвенция о психотропных веществах : заключена в г. Вене 21 февраля 1971 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1981. Вып. 35. С. 416–434.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : заключена в г. Вене 20 декабря 1988 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М., 1994. С. 133–157. Вып. 47.

4. Всемирный доклад о наркотиках, 2020 год. Брошюра 4. Межсекторальные вопросы: меняющиеся тенденции и новые вызовы / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Нью-Йорк, 2020. 119 с. URL: WDR20_Booklet 4_Oct.indb (unodc.org).

5. Всемирный доклад о наркотиках, 2021 год. Брошюра 3. Тенденции рынка наркотиков: каннабис, опиоиды / Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Нью-Йорк, 2021. 120 с. URL : WDR 2021_Booklet 3 (unodc.org).

Информация об авторе

Бычкова Анна Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научных исследований. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664003, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: amb-38@mail.ru).

УДК 323

ББК 66.2

*Е.С. Качурова
кандидат юридических наук, доцент
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)*

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Анализируются изменения в сфере обеспечения национальной безопасности России в связи с принятием Стратегии национальной безопасности, утверждённой Указом Президента РФ 2 июля 2021 г., а также значение этих изменений для успешной реализации уголовной политики и создания эффективной системы мер противодействия преступности в современных условиях с учетом актуальных внутренних и глобальных угроз.

Ключевые слова: национальная безопасность; Стратегия национальной безопасности; криминология; преступность.

Правовое регулирование в области национальной безопасности, включая ее общественный сегмент и нормы, обеспечивающие эффективное противодействие угрозам криминологической безопасности, является основой для успешной борьбы с преступностью и формирования благоприятных условий развития общества. Современные криминологические угрозы имеют динамический характер, связаны с постоянно возрастающими и изменяющимися глобальными вызовами, коррелируют с инновационными процессами компьютеризации и информатизации общества, порождают как новые виды и способы совершения преступлений, так и способствуют развитию и распространению уже известных преступлений.

Логичным продолжением планомерной работы в сфере формирования современной модели национально-ориентированной государственной политики является новая Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президентом РФ 2 июля 2021 г. (далее – Стратегия) [1]. Содержание стратегии отражает основные изменения, которые произошли в России и в мире со времени подписания Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. [2].

Стратегия – базовый документ в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, который разрабатывается Советом Безопасности Российской Федерации совместно с другими участниками стратегического планирования с учетом стратегического прогноза Российской Федерации на долгосрочный период, не превышающий периода, на который разработан стратегический прогноз Российской Федерации, и корректируется каждые шесть лет [3]. Стратегия направлена на объединение усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов.

В обновленной Стратегии среди прочих выделены наиболее опасные криминологические угрозы, способные дестабилизировать работу по обеспечению национальной безопасности и снизить эффективность уже существующих программ противодействия преступности. В первую очередь обозначена проблема вовлечения молодежи в преступную деятельность международных террористических и экстремистских организаций, что подтверждается трагическими событиями и фактами совершения террористических актов лицами в возрасте до 22 лет. Распространение киберкоммуникации детерминирует не только положительные возможности, связанные с беспрепятственным глобальным общением в социальных сетях и оперативным поиском информации, но и несет реальные угрозы вовлечения пользователей в преступную деятельность, поскольку значительно расширяет потенциал террористов по масштабности анализа кибераудитории и выявлению определенных девиаций молодого поколения, способствующих их вербовке. Такая деятельность террористов и экстремистов должна быть прекращена, на что указывает Стратегия и четко определяет вектор действия специальных субъектов по необходимости ее своевременного выявления и пресечения. Само обозначение указанного направления в Стратегии – необходимое условие для решения задачи на всех уровнях обеспечения национальной безопасности.

Следующим направлением деятельности по обеспечению криминологической безопасности в Стратегии выделено предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего – среди несовершеннолетних и молодежи.

Далее в Стратегии отмечается необходимость повышения эффективности работы по снижению преступлений против собственности, число которых остается высоким на протяжении последних десяти лет; в сфере использования водных биологических и лесных ресурсов; в сфере жилищно-коммунального хозяйства; в кредитно-финансовой сфере, где также наблюдается аналогичная поступательная динамика. Отмечается рост числа преступлений, совершаемых

с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая кибермошенничество и наркопреступления.

Также Стратегия указывает на основную криминологическую задачу – усиление борьбы с коррупцией, нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества, решение которой является необходимым условием для возможности эффективной реализации всех остальных целей.

Таким образом, актуальные проблемы обеспечения криминологической безопасности могут быть минимизированы посредством системной реализации национальных проектов, направленных на создание безопасных криминологических условий, развития и стабилизации экономики и улучшения благосостояния граждан, что связано с необходимостью внедрения оптимальной правовой политики в социальную сферу для совершенствования мер по обеспечению общественной безопасности, включая криминологическую ее часть.

Итак, криминологическая безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности государства, обеспечивает возможность противодействия глобальным угрозам, создает условия для создания такой системы мер предупреждения преступности, которая способна адаптироваться к сложным и постоянно меняющимся условиям возрастания новых криминальных вызовов и угроз [4, с. 23].

Список использованной литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
4. *Босхолов С. С.* Основы теории национальной безопасности России. Часть 1. Иркутск, 2019. 220 с.

Информация об авторе

Качурова Елизавета Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664003, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: Kachurova_ls@mail.ru).

УДК 343.211.2
ББК 67.408.010

Д.С. Лазук,
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье автор рассматривает проблемные вопросы унификации категории малозначительности деяния в Российской Федерации и в Республике Беларусь в рамках проводимой интеграционной политики. Автором приводится опыт Европейской комиссии по эффективности правосудия, созданной с целью унификации подходов государств-членов Европейского Союза.

Ключевые слова: малозначительность; малозначительность деяния; общественная опасность; преступление.

За последние десятилетия уголовное законодательство России претерпело ряд существенных изменений. Данные изменения, в том числе связаны и с процессом глобализации, который касается всех сфер деятельности человека. Уже стало очевидным, что право стандартизируется и унифицируется в рамках мирового сообщества.

Вместе с тем на протяжении длительного времени неизменной в Уголовном кодексе РФ остается формулировка категории малозначительности деяния.

Так, исходя из положений ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса РФ, следует, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Часть 2 статьи 14 УК РФ существует в указанной редакции уже 23 года и в течение этого периода неоднократно высказывались предложения о необходимости внесения изменений в обозначенную норму.

Так, Л.В. Лобанова и А.П. Рожнов в своей работе придерживаются позиции о необходимости внесения изменений в редакцию ч. 2 ст. 14 УК РФ. По мнению авторов, совершенствуя формулировку закона применительно к освещению вопросов малозначительности, можно учесть законодательный опыт Республики Беларусь, включив в отечественную норму положение о том, что совершенное деяние не могло причинить существенного вреда охраняемым законом интересам [1].

Аналогичной позиции придерживается и Д.А. Пархоменко, согласно мнению которого категория малозначительности деяния также нуждается в реформировании по аналогии с УК Республики Беларусь в части неприменения мер уголовно-правового характера к лицу, совершившему малозначительное по своей сути деяние [2].

Вопрос совершенствования законодательства в данной области возникает также в связи с проводимой в последние годы интеграционной политикой Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства³⁴, так как действия лица в одной стране могут быть признаны преступлением, а в другой – малозначительным деянием.

С целью унификации подходов и обеспечения максимальной согласованности ответов между различными правовыми системами Европейская комиссия по эффективности правосудия (СЕРЕЖ), созданная в Европейском союзе, предложила государствам-членам классифицировать в качестве «мелких уголовных преступлений» любое преступление, за совершение которого не может быть назначено наказание в виде лишения свободы. При этом все наказуемые лишением свободы преступления должны, по мнению Европейской комиссии по эффективности правосудия, классифицироваться как «серьезные преступле-

³⁴Пресс-конференция по итогам российско-белорусских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66648> (дата обращения: 25.09.2021).

ния». Примерами серьезных преступлений являются убийство, изнасилование, организованная преступная деятельность, мошенничество, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми и т.п. Незначительными правонарушениями могут быть кража из магазина, определенные категории нарушений правил дорожного движения, общественные беспорядки и т.п.

Такой подход не представляется универсальным, так как при отграничении преступного деяния от малозначительного также необходимо учитывать количественные и качественные характеристики объекта, на который совершается преступное посягательство. Так, в Уголовном кодексе РФ закреплена уголовная ответственность за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, то есть за незаконное хранение наркотических средств в значительном размере без цели сбыта. За хранение наркотических средств в размере, меньше установленного Постановлением Правительства Российской Федерации, уголовная ответственность не наступает, деяние признается малозначительным в уголовно-правовом смысле³⁵.

При этом в статье 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь установлено, что уголовная ответственность за хранение наркотических средств наступает вне зависимости от размера наркотического средства.

При этом вопрос разграничения малозначительного деяния от преступления особенно актуален при проведении экстрадиционных проверок, так как, в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 464 УПК РФ, выдача лица не допускается, если деяние, послужившее основанием для запроса иностранного государства о выдаче, в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации не является преступлением. Так, гражданин А.Н. Ахремеев, не согласившись с выводами постановления Краснодарского краевого суда от 10 марта 2017 года, подал апелляционную жалобу, в которой отразил свое несогласие с постановлением заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 24 января 2017 года о выдаче его для привлечения к уголовной ответственности за

³⁵ В данном случае правоохранительным органам надлежит дать оценку действиям лица по статье 6.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях за незаконный оборот наркотических средств.

уклонение от превентивного надзора по ст. 422 УК Республики Беларусь. В апелляционной жалобе А.Н. Ахремеев указал, что считает постановление суда несправедливым, поскольку оснований для его экстрадиции не имеется ввиду малозначительности совершенного им деяния.

Верховный Суд РФ доводы апелляционной жалобы признал необоснованными, установив из представленных материалов, что А.Н. Ахремеев привлекается к уголовной ответственности на территории Республики Беларусь за уклонение от превентивного надзора, то есть за совершение преступления, предусмотренного ст. 422 УК Республики Беларусь, наказуемого лишением свободы на срок до двух лет. Таким образом, считать деяние, в связи с которым запрашивается выдача, малозначительным, которое в силу положений ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением и потому в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 464 УПК РФ влечет отказ в выдаче, оснований не имеется [3].

Таким образом, полагаем, что в связи с проводимой в последние годы интеграционной политикой Российской Федерации и Республики Беларусь, назрела необходимость в принятии единого международного соглашения, в котором, в том числе требуется избрать единый подход к категории малозначительности деяния.

Список использованной литературы

1. Лобанова Л.В., Рожнов А.П. О конкретизации теоретических подходов к установлению малозначительности деяния, совершаемого в сфере правосудия // Юридическая наука. 2017. №5. С. 77–86.
2. Пархоменко Д. А. Усмотрение при оценке малозначительности деяния // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 9. С. 74–78.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 29-АПГ18-4. URL : <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25042018-n-29-apg18-4/> (дата обращения: 25.09.2021).

Информация об авторе

Лазук Дарья Сергеевна – аспирант 3 года обучения. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664003, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: dashalazuk@ya.ru); помощник Байкало-Ангарского транспортного прокурора. Восточно-Сибирская

транспортная прокуратура (664011, г. Иркутск, ул. 5 Армии, 71, e-mail: dashalazuk@ya.ru).

УДК 343.3/.7

ББК 67.408

Г.Л. Москалев,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

Рассматривается вопрос обеспечения защиты исторической правды, возникший в связи введением ст. 67.1 в Конституцию РФ в июне 2020 года. Проводится соотношение понятий «историческая память» и «историческая правда». Определяются перспективные направления совершенствования уголовного закона, нацеленные на обеспечение уголовно-правовой охраны исторической правды.

Ключевые слова: историческая правда; историческая память; модернизация уголовного закона; реабилитация нацизма.

Впервые категория «историческая правда» появилась в российском праве в июне 2020 года в связи со вступлением в силу Закона РФ № 1-ФКЗ [1]. В соответствии с данным актом в Конституцию РФ была включена ст. 67.1, согласно ч. 3 которой «*Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается*» [2].

Новая конституционная норма включена в главу 3 Конституции РФ, посвященную федеративному устройству. Положением о том, что Россия – федеративное государство, открывается глава 1 Конституции РФ об основах конституционного строя. Таким образом, взятое государством обязательство по защите исторической правды составляет конституционный строй РФ, охрана которого, согласно ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ, является одной из его задач [3]. В связи с этим необходимо исследование перспектив уголовно-правовой охраны исторической правды.

Ключевой проблемой на этом пути становится само понятие исторической правды. Данная категория не появлялась ранее в нормах ни российского, ни советского права. Более того, по данным электронной библиотеки диссертаций Российской государственной библиотеки историческая правда никогда не становилась предметом исследования вообще каких-либо наук. Проведенный нами анализ текстов, опубликованных до начала процесса по изменению Конституции РФ в 2020 году, демонстрирует, что словосочетание «историческая правда» встречается в них редко, в единичных случаях в каждом тексте, а авторы никогда не акцентируют внимание на значении этой категории. В результате, она используется, скорее, как стилистический оборот.

В научных текстах, публицистике и бытовом общении гораздо чаще встречается понятие «историческая память». В частности, указывается, что историческая память представляет собой феномен сознания, существующий как на индивидуальном, так и на социальном уровне [4, с. 9]. Историческая память является личностным образованием, которое включает индивидуальные исторические воспоминания, лично значимые исторические события и целостный образ истории [5, с. 5]. На коллективном уровне историческую память можно представить, как набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого [6, с. 85]. Из изложенного следует, что историческая память формируется субъективно и в силу этого необязательно корректно отражает события прошлого. Нет сомнений, что историческая память обладает своей культурной ценностью, но в то же время закрепление требования защищать что-либо потенциально ложное в Конституции страны было бы немисливо.

Становится ясным, почему более распространенному и изученному понятию «историческая память» предпочли новое. «Правда», согласно толковым словарям – это то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей [7], что есть на самом деле, истина [8]. Следовательно, историческая правда – это информация, соответствующая исторической действительности, адекватно отражающая события, произошедшие в прошлом.

При этом изложенное понимание исторической правды наверняка может оказаться объектом обоснованной критики представителей гуманитарных наук. В частности, историки отмечают изменение подхода к понятию «исторический факт» на протяжении XX века до настоящего времени. Понимание факта как части исторической реальности уступает место осознанию его как результата мыследеятельности историка, а следовательно, имеющего субъективную природу [9, с. 7]. В связи с этим процессом уже к концу XX века в науке стало все больше применяться понятие «историческая память» [10, с. 12]. Не претендуя на решение историко-философской проблемы, со своей стороны предложим некоторые направления, целесообразные для правового обеспечения охраны исторической правды.

1. Изменения уголовного закона, направленные на обеспечение охраны исторической правды, должны подчиняться выработанным наукой критериям криминализации. Одним из ключевых оснований для введения уголовно-правового запрета выступает способность деяния причинить вред (создать угрозу причинения вреда) общественным отношениям [11, с. 206]. Это правило основано на признаке общественной опасности, указанном в понятии преступления в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Хотя ч. 3 ст. 67.1 УК РФ связывает защиту исторической правды с историей защиты Отечества, не все они имеют одинаковое социально-политическое значение. Особое внимание следует уделить защите исторической правды о Великой Отечественной войне – самой трагической и в то же время самой национально объединяющей странице российской истории. Неслучайно, что в год принятия поправок в Конституцию РФ Президент России в своих выступлениях уделял особое внимание опасности героизации нацизма³⁶, а исследователи прямо ассоциируют появление рассматриваемой нормы с попытками переписывания истории именно Великой Отечественной войны [12, с. 10].

³⁶ Путин предупредил от переписывания истории / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201217/istoriya-1589719936.html> (дата обращения: 23.09.2021).

2. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ признаки состава преступления отражают характер его общественной опасности [13]. Науке уголовного права известно деление признаков на имеющие постоянное значение и оценочные признаки. Последние не раскрываются в точно определенных, абсолютных значениях, а устанавливаются в процессе применения нормы с учетом конкретных обстоятельств дела на основе правосознания субъекта [14, с. 24]. В связи с тем, что историческая правда, как было показано выше, понимается как часть исторической действительности, то и диспозиция статьи, направленная на ее охрану, не должна содержать оценочных признаков, относящихся к объекту преступления. Очевидно, что условная историческая ложь не соответствует действительности прошлого вне зависимости от сознания правоприменителя. Соответственно, объективная сторона такого состава не может включать действия, выразившиеся в субъективной оценке событий прошлого, если само событие происходило в действительности.

3. Объективный характер информации о прошлом может быть обеспечен через ее документальное, правовое закрепление. Сегодня на защиту исторической правды более всех претендует ч. 1 ст. 354.1 УК РФ («Реабилитация нацизма»), запрещающая отрицание не любых фактов о Великой Отечественной войне, но установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. В развитии защиты исторической правды последовательным видится получившая особое распространение в 2020 году деятельность правоохранительных органов по установлению фактов преступлений, совершенных нацистами в 1941-1945 годах [15].

Список использованной литературы

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1991 г. (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15 октября 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. *Синицина Н.А.* Историческая память как регулятив современной культуры: социологический анализ : автореф. дисс. ... канд. социолог. наук. Майкоп, 2008. 24 с.

5. *Трегубенко И.А.* Историческая память в контексте субъективной картины жизненного пути личности : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2013. 23 с.

6. *Сидорова Л.О.* Концептуальные подходы к понятию «историческая память» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4. С. 81–86.

7. *С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская Академия наук, Институт русского языка, Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1994. 907 с.

8. Д.Н. Ушаков. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М. : Дом Славянской книги, 2008. 959 с.

9. *Кром М.М.* Что такое исторический факт? Эволюция представлений об основной категории исторического познания // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4. С. 5–14.

10. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М. : РАН, 2018. 508 с.

11. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / *отв. ред.: Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М.* М. : Наука, 1982. 303 с.

12. *Астафичев П.А.* Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 2. С. 5–11.

13. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

14. *Питецкий В.В.* Оценочные признаки уголовного закона (сущность, функции, перспективы использования в законодательстве) : учебное пособие. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т. Юрид. ин-т., 1993. 88 с.

15. *Козлова Н.* Преступления без срока давности : интервью с председателем СК РФ А.И. Бастрыкиным // Российская газета. 2020. 26 янв.

Информация об авторе

Москалев Георгий Леонидович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, заместитель директора Юридического ин-

УДК 343.21
ББК 67.51

В.В. Питецкий,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет

ТОЧНОСТЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК УСЛОВИЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ

Определяется понятие и значение требования точности уголовного законодательства. Описываются основные разновидности нарушения принципа законности, связанные с проявлением неточности закона. Вносятся ряд предложений по оптимизации системы действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: точность законодательства; оптимизация законодательства; принцип законности.

Эффективность уголовного закона во многом зависит от точного и полного описания в нем общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями. Анализ причин, вызывающих ошибки в правоприменительной деятельности, свидетельствует, что в их числе не последнее место занимают неясность, недостаточная четкость правовых предписаний, то есть неточность закона. Точное, полное и доступное по форме изложение норм Особенной части УК РФ имеет важное значение для правильной квалификации преступлений, определения характера и степени их общественной опасности, назначения наказания, соразмерного содеянному. Названное требование напрямую связано с реализацией важнейшего принципа уголовного права – законности. Часть первая ст. 3 УК РФ гласит: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» [1]. Однако следует согласиться с В.В. Мальцевым в том, что «содержание принципа законности образуют социально-правовые идеи всех принципов – равенства, гуманизма, справедливости и вины, выраженные в уголовном законодательстве, нормах Общей и Особенной части УК» [2, с. 244].

На необходимость точного описания преступных деяний неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ: «Любое преступление, а равно и меры уголовной ответственности за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия). Неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит – к нарушению указанных конституционных принципов, реализация которых не может быть обеспечена без единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями» [3].

Точность норм уголовного права предполагает обобщенное указание лишь наиболее существенных и типичных признаков неопределенного множества преступных деяний одного и того же вида, формы внешнего выражения которых тождественны или имеют черты существенного сходства. Выделение указанных признаков является результатом познавательной деятельности, включающей теоретическое и эмпирическое исследование. В признаках преступления должно диалектически сочетаться абстрактное и конкретное. Преступление должно описываться в законе в обобщенном виде путем закрепления родовых признаков, которые точно определяют его содержание и свойственны всем конкретным формам данного вида преступления. В то же время они должны быть достаточно конкретными, четко отражать особенности деяний одного и того же вида, которые отличают данное преступление от других преступлений, а также непреступных деяний. В этих признаках должны находить выражение и социальные свойства преступления, прежде всего – его общественная опасность. Как указывал В.Н. Кудрявцев: «Они всегда необходимы и достаточны для установления в действиях лица состава преступления как основания уголовной ответственности» [4, с. 60].

Точность уголовного закона выражает его связь с законами формальной логики, которые должны быть использованы при формулировании соответствующих видов общественно опасного поведения в нормах УК РФ. Причем для их закрепления законодатель прибегает преимущественно к понятиям, которые характеризуются четкостью, формальной определенностью, их содержание строго фиксировано. Это позволяет точно определять объем соответствующих им явлений реальной действительности, правильно применять закон. Поэтому следует избегать такого построения норм законодательства, которое вследствие многообразия форм внешнего выражения одного и того же преступления предусматривает не один, а несколько возможных вариантов преступного поведения, которые прямо не указаны в законе, а лишь вытекают из его смысла. В результате характеристика преступления оказывается выраженной на высоком уровне абстракции, а признаки не отличаются конкретностью, достаточной четкостью, определенностью (например, «вовлечение в совершение преступления» (ст. 150 УК РФ), «причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» (ст. 165 УК РФ) и др.). В ряде случаев преступление описывается в законе путем указания лишь примерного перечня признаков соответствующего деяния (например, «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов» – ст. 227 УК РФ). Такие конструкции также содержат в себе возможность их произвольной интерпретации.

Главное назначение терминов, используемых законодателем для описания отдельных преступлений, – отражение их действительного содержания. Это означает, что словесные комплексы, включенные в нормы УК РФ, должны отличаться высокой информативностью, однозначностью, семантической жесткостью. Термины, употребляемые в нормах уголовного закона, независимо от того, являются ли они общераспространенными или специально-юридическими, должны выступать особыми смысловыми единицами, в обобщенном виде четко отражающими определенный уровень знаний об уголовно-правовых явлениях. Отдельные требования предъявляются к специально-юридическим иноотраслевым понятиям уголовного закона, закрепленным в бланкетных диспозициях.

Иноотраслевые понятия и термины, используемые в тексте УК РФ, должны соответствовать положениям тех регулятивных нормативно-правовых актов, которые охраняются соответствующими уголовно-правовыми нормами. В противном случае уголовно-правовая охрана будет осуществляться вопреки положениям регулятивных нормативно-правовых актов, являющихся по существу в большинстве случаев ее юридическими истоками, это неизбежно приведет к искажениям и нарушениям принципа законности [5, с. 24]. К примерам обратного можно отнести понятия «участники судебного разбирательства» (ст. 297 УК РФ), «гражданское, административное дело» (ст. 303 УК РФ) и др.

Совершенствование техники построения норм УК РФ должно осуществляться по линии поиска более четких и полных формулировок признаков соответствующих преступлений. Конструирование норм, отличающихся чрезмерно высоким уровнем абстракции, предусматривающих несколько видов одного и того же преступления, прямо неуказанных в законе, также считаем нецелесообразным. Степень точности уголовно-правовых норм может повышаться в процессе их дальнейшей дифференциации (дробление, выделение общих и специальных норм и т. д.). Если такая возможность отсутствует, данная задача осуществима за счет более детального и четкого описания конкретного состава преступления, перечисления его форм, даже при условии некоторого превышения объема и пределов диспозиции, установившихся в законотворческой деятельности и практике.

В Уголовном кодексе РФ наряду с формально определенными широко применяются и оценочные понятия – «особая жестокость», «общепасный способ», «тяжкие последствия», «существенный вред» и др.). Объем таких понятий широк, формы проявления отображаемых объектов многообразны, признаки не исчерпывающи. Обычно их формулировка содержит в себе качественную или количественную характеристику соответствующих явлений, а также оценку их значения для охраняемых уголовным правом объектов. Объем и содержание данных понятий раскрываются и уточняются лишь по отношению к конкретному факту, в результате оценочно-познавательной деятельности субъекта,

применяющего норму права. Причем в основе вывода о соответствии конкретного факта данному оценочному понятию лежит не только учет обстоятельств объективного характера, но, в определенной степени, и внутреннее убеждение (усмотрение) лица, применяющего закон. Поэтому включение оценочных понятий в нормы УК РФ усложняет их понимание и вызывает затруднения в применении таких норм. Так, представляется совершенно необоснованным применение в уголовном законе оценочных понятий в тех случаях, когда этого можно избежать, выйти на иной уровень абстракции. В качестве примера можно привести ст. 247 УК РФ, а также ч. 2 ст. 252 УК РФ, где указывается такой признак как «существенный вред здоровью человека». Последствия в виде «существенного вреда здоровью человека» не отвечают сложившейся в УК РФ системе последствий в виде вреда здоровью. В данных нормах следовало либо прямо указать на тяжкий и средний вред здоровью, либо ограничиться общим указанием на причинение вреда здоровью.

Ясным, доступным и понятным должен быть и «язык» уголовного закона, причем не только для юристов, но и для отдельных граждан, обязанных неукоснительно соблюдать нормы права. Основные требования к языку уголовного закона – это ясность, простота, логичность, легкая запоминаемость определений. От формы закона зависит в известной мере и его эффективность. Изучение терминологии современного уголовного законодательства показывает, что погрешности, существующие в ней, сводятся к следующим типам: смысловые ошибки; неточность определений терминов; наличие неологизмов и архаизмов, затрудняющих понимание; погрешности синтаксиса; тавтология. Неопределенность использования в правовом акте терминов порождает многочисленные запросы, создает нежелательную трату времени, а зачастую является причиной двусмысленного понимания закона. Чтобы избежать этих недостатков, необходима определенная стандартизация терминов.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации.

1996. № 25. Ст. 2954.

2. Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград : ВА МВД России. 2001. 265 с.

3. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян : постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. №8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4.

4. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юристъ. 2007. 302 с.

5. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 39 с.

Информация об авторе

Питецкий Вадим Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права. Юридический институт Сибирского федерального университета (660075, г. Красноярск, ул. Маерчака 6, Pitetski@list.ru).

УДК 343.7
ББК 67.408

Н.Л. Романова,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия

О НЕКОТОРЫХ НОВЕЛЛАХ УК РФ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Описываются связанные с глобальным вызовом современности – пандемией COVID-19 и криминализованные в 2020 году деяния, закрепленные статьями 207.1 и 207.2 УК РФ. Автор приходит к выводу о небесспорном определении законодателем объекта данных преступлений. Анализируется изменение ч. 1 ст. 236 УК РФ. Вносятся предложения по оптимизации указанных норм.

Ключевые слова: заведомо ложная информация; публичное распространение; тяжкие последствия; угроза массового заболевания людей; безопасность граждан.

Федеральным законом №100 от 1 апреля 2020 г. [1] в Уголовный Кодекс РФ (далее – УК РФ) введены две статьи, которые закрепляют признаки составов преступлений, посягающих на общественную безопасность путем публичного распространения заведомо ложной информации. Речь, конечно, идет не о любой ложной информации, а «об обстоятельствах, представляющих угрозу

жизни и безопасности граждан» (ст. 207.1 УК РФ) и «общественно значимой информации, повлекшей тяжкие последствия» (ст. 207.2 УК РФ). Конструктивным признаком данных составов преступлений является способ распространения – публичность. Прежде чем остановиться на анализе новелл, хотелось бы отметить, что вызывает интерес повод к криминализации: насколько имелись для этого основания.

Пандемия, которую официально объявила в марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ), является, безусловно, глобальным вызовом современности. Законодатель немедленно отреагировал на нее, включив в уголовный закон две указанные статьи и изменив редакцию ст. 236 УК РФ, дополнив ч. 1 признаком создания угрозы массового заболевания или отравления людей. Так, в случае несоблюдения санитарно-эпидемиологических правил, умышленного невыполнения лицом, инфицированным COVID – 19 или которое контактировало с инфицированным, определенных ограничений, предписанных вынесенным в отношении него постановлением, например, посещение общественных мест, пользование общественным транспортом и др., оно подлежит уголовной ответственности по ч.1 ст. 236 УК РФ [2] даже в случае ненаступления указанных тяжких последствий, а, согласно дополнению в ч.1 ст. 236 УК РФ, – угрозы наступления таких последствий. Несколько нелогично, полагаю, объединять в единой диспозиции ситуации угрозы наступления тех или иных последствий и их реальное наступление, поскольку создание угрозы всегда менее опасно. Примеры судебной практики более чем за год существования этого нововведения немногочисленны, что неудивительно, поскольку определить составы угрозы, в принципе, проблематично (потому они практически и не встречаются в УК РФ)³⁷.

Тем не менее исследованию подлежит вопрос о том, насколько необходима криминализация анализируемых деяний и не является ли она так называе-

³⁷ Так, по ч.1 ст. 247 УК РФ, где в диспозиции прописано создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде, за весь период существования УК РФ практически не вынесено судебных приговоров – до суда подобные дела не доходят. В данном примере «состав угрозы» отделен от реального причинения вреда: это две разные диспозиции статьи 247 УК РФ.

мой «избыточной криминализацией», когда в УК РФ включаются составы преступлений, граничащих с проступками, которые более эффективно с позиции системности права могли быть административными или дисциплинарными нарушениями.

В Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) имеются составы правонарушений, весьма схожие с анализируемыми составами преступлений. Так, в ч. 9, ч. 10.1 и ч. 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ говорится о публичном распространении заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а распространение коронавируса, безусловно, является таким обстоятельством. Данные правонарушения практически невозможно разграничить с преступлениями, очень схожими по объективной стороне, что подтверждает судебная практика, когда в аналогичных ситуациях реагирует по-разному, ссылаясь на разъяснения в Обзорах судебной практики, где через запятую приводят как Примечание к ч.1 ст. 207.1 УК РФ, так и п. 2 Примечания к ст. 13.15 КоАП РФ!

В случае, когда в открытой группе в социальной сети с большим количеством подписчиков пользователь опубликовал сообщение, утверждая, что коронавируса не существует и получил многочисленные просмотры и комментарии, полиция возбудила административное дело по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, а суд признал виновным и оштрафовал [3], тогда как в случае размещения гражданином в открытой группе в социальной сети информации о том, что он болен коронавирусом и гуляет по городу, заражая людей, было возбуждено уголовное дело по ч.1 ст. 207.1 УК РФ [4].

Полагаю, что на практике будут возникать проблемы разграничения, поскольку с позиции системности права должны быть четкие различия по признакам между административным правонарушением и преступлением. Подтверждением тому служит описание в научном исследовании А.Г. Кибальник именно такой ситуации, которая приведена мною ранее (речь идет о первом примере судебной практики), который делает вывод о необходимости возбуждения уголовного дела по ч.1 ст. 207.1 УК РФ [5, с. 42].

Непонятна логика законодателя в отношении закрепления в ст. 13.15 КоАП РФ ч. 10.1 и ч. 10.2 со схожими признаками правонарушений с ч. 9 и ч.10, но исключительно для юридических лиц.

Более того, небесспорен вопрос об определении объекта таких преступлений. Скорее, объектом деяний, описываемых ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, выступают общественные отношения по поводу здоровья населения (глава 25 УК РФ, где располагается ст. 236 УК РФ). В связи с этим следовало бы сформулировать признаки деяний более узко и четко, исходя из потребности охраны здоровья населения, а не подводить это под некую «общественную безопасность», ставя в один ряд данные преступления небольшой тяжести и рядом расположенные преступления террористического характера с очень жесткими санкциями, относящиеся к категориям тяжких и особо тяжких.

Таким образом, предлагается обсудить вопрос о декриминализации ст. 207.1 УК РФ в пользу ст. 13.15 КоАП РФ, а также о размещении деяния, описываемого ст. 207.2 УК РФ, после ст. 236 УК РФ под номером 236.1 УК РФ, определив объектом преступления здоровье населения, а не «эфемерную безопасность», рискуя в попытке политизации уголовного законодательства нарушить принцип законности.

Список использованной литературы

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса : федер. закон от 01 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №14 (часть I). Ст. 2030.
2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 17 февраля 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4.
3. Постановление Икрянинского районного суда Астраханской области от 22 июня 2020 г. по делу № 5-193/2020. URL : <http://ikryaninsky.ast.sudrf.ru/>.
4. Постановление Нефтеюганского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 27 мая 2020 г. по делу № 1-305/2020. URL : <http://uganskray.hmao.sudrf.ru/>.

5. Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С.41–44.

Информация об авторе

Романова Нелли Львовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права. Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (664074, г. Иркутск, ул. Ив. Франко, 23-а, e-mail: nellyromanova@mail.ru).

УДК 343.9
ББК 67.408

Ю.Н. Румянцева,
кандидат экономических наук,
кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ

В статье исследуются возможности использования стохастического моделирования для криминологических целей – при прогнозировании индивидуального преступного поведения серийных убийц. На основе исследований, осуществленных по материалам уголовных дел А.Р. Чикатило и М.В. Попкова, верифицируется возможность использования метода Канторовой или «чёртовой лестницы».

Ключевые слова: стохастическое моделирование; криминологическое прогнозирование; преступное поведение; Канторова лестница; серийный убийца; Попков, Чикатило.

Серийные преступления в настоящее время выступают одним из элементов преступности, которая представляет собой сравнительно автономную и динамичную социальную систему. Данная категория не рассматривается как самостоятельный предмет исследования: в отечественном уголовном законодательстве исследуются «лишь отдельные проявления данного вида преступности, что нивелирует практически все ее качественные признаки, негативно отражается на понимании сути серийных убийств» [1, с. 15] и не способствует интенсификации противодействия подобным преступлениям.

Феномен серийных убийств всегда интересовал не только криминалистов, психологов, но и простых обывателей: люди, которые для окружающих зачастую кажутся абсолютно нормальными, способны совершить жестокое, внешне ничем не мотивированное убийство.

Начиная с 1960-х годов в СССР, маньяки стали появляться достаточно часто. Первым советским серийным убийцей считается Василий Комаров³⁸. За всё время существования СССР было несколько десятков серийных маньяков-убийц, но это никогда не становилось предметом массового обсуждения в средствах массовой информации. Во времена социально-экономических потрясений начала 1990-х годов число серийных убийц резко увеличилось, равно как и количество их жертв³⁹. В настоящее время список серийных преступников СССР и России насчитывает уже около 100 фамилий. Наиболее неблагополучными в отношении количества серийных маньяков-убийц считаются Ростовская область и Москва⁴⁰.

Противодействие серийной преступности является одним из самых сложных и многоаспектных видов деятельности. Значимым с научной точки зрения является использование для криминологического прогнозирования методов, применяемых при изучении процессов стохастизации. Примером метода стохастического моделирования является *Канторова лестница*, используемая, в том числе при исследовании серийных убийств [4].

Впервые подобное исследование было проведено в 2014 году по материалам уголовного дела одного из самых известных советских маньяков – А.Р. Чикатило. Свое первое убийство он совершил в 1978 году в городе Шахты, а последнее – в 1990 году. За это время маньяк убил 53 человека. В ноябре 1990 года преступника арестовали, 15 октября 1992 года его приговорили к смертной казни, 14 февраля 1994 года он был расстрелян⁴¹.

³⁸ «Упаковщик» / Serial-Killers.ru. URL: <http://www.serial-killers.ru/materials/upakovshhik.htm>.

³⁹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ctZ1724GutU>.

⁴⁰ «Домодедовский ульяр». Документальный фильм из цикла «Криминальная Россия». URL: https://www.youtube.com/watch?v=7QF_QErWbHQ.

⁴¹ Самые известные серийные убийцы в СССР и России/ МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/20201201/ubiysy-1587196596.html>.

М. В. Симкин и V. Roychowdhury из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (США) с математической точки зрения проанализировали поведение А. Р. Чикатило, используя метод Канторовой лестницы [3, с. 111–116].

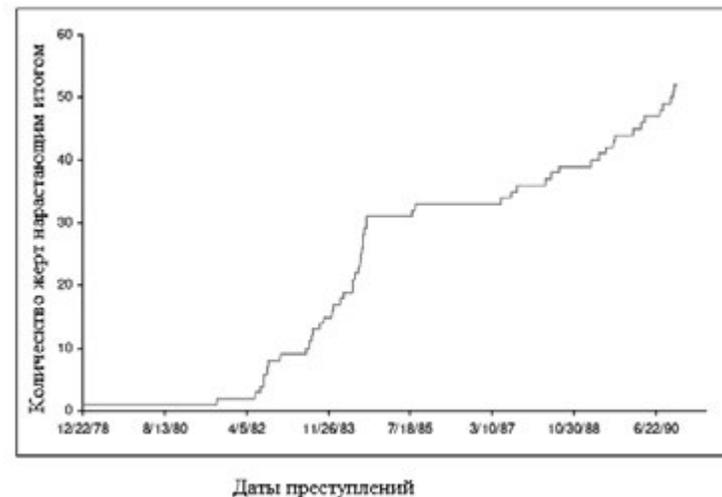

Рис. 1. «Лестница Чикатило» (фрагмент)

На рисунке хорошо видно, что получившийся график похож на лестницу с неравными по своей длине ступенями, высота которых постепенно возрастает – Канторову лестницу. Количество убийств, совершенных Чикатило, росло по экспоненциальному закону, а временные промежутки между ними сокращались примерно по тому же принципу.

Список серийных преступников в России в период с 1992 по 2010 годы пополнил М.В. Попков, известный как «ангарский маньяк», совершивший не менее 78 убийств. Жертвами Попкова были женщины различного социального статуса в возрасте от 16 до 40 лет⁴².

Преступник был задержан в 2012 году во Владивостоке. У него нашли орудия преступлений (топоры, отвертки и ножи), а также личные вещи жертв. В январе 2015 года за совершение 22 убийств и двух покушений суд пригово-

⁴² См.: приговор Иркутского областного суда в отношении Попкова М.В. от 14 янв. 2015 г., приговор Иркутского областного суда в отношении Попкова М.В. от 10 дек. 2018 г.). URL: http://obsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=763.

рил Михаила Попкова к пожизненному лишению свободы. После вынесения приговора Попков признался еще в 56 убийствах и одном покушении на убийство. Решением суда Попков был приговорен ко второму пожизненному сроку, а также лишен звания младшего лейтенанта и, соответственно, пенсии отставного милиционера⁴³.

Проанализируем с математической точки зрения поведение М.В. Попкова, также используя метод Канторовой лестницы [2, с. 108].

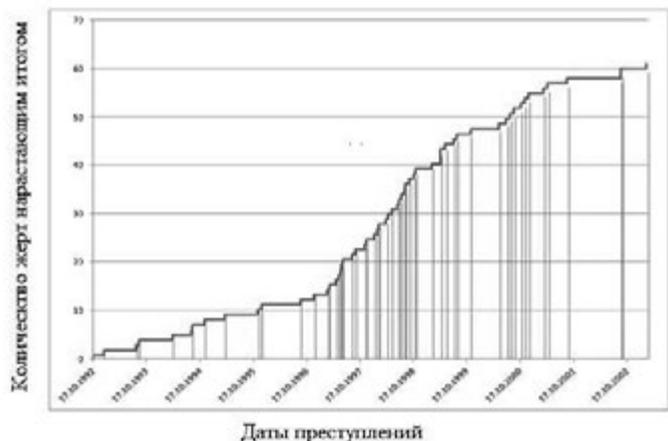

Рис.2. «Лестница Попкова»

На рисунке хорошо видно, что количественные характеристики преступлений, совершенных Попковым, также напоминают указанную лестницу. Самый короткий интервал между убийствами составлял один день, а самый длинный — 365 дней. Даты убийств были определены на основе дат из материалов приговоров по уголовному делу Попкова.

Таким образом, выводы, полученные при использовании методов стохастического моделирования при криминологическом прогнозировании индивидуального преступного поведения серийных убийц, возможно распространить на другие аналогичные преступления и использовать для характеристики се-

рийной преступности в целом. Успешная борьба с серийными преступлениями невозможна без организованного взаимодействия органов полиции со специалистами и экспертами и также требует использования разнообразных вероятностных подходов, в частности, применяемых для изучения процессов стохастизации.

Список использованной литературы

1. Иликбаева Е., Яблуковская А. Серийные преступления в системе преступлений против личности // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 62. С.14–17.
2. Румянцева Ю.Н. Использование методов стохастического моделирования при криминологическом прогнозировании индивидуального преступного поведения серийных убийц // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2021. № 2. С. 108–118. DOI: 10.21639/2313-6715.2021.2.11.
3. Simkin M.V., Roychowdhury V.P. Stochastic modeling of a serial killer // The Journal of Theoretical Biology. 2014. Vol. 355. Pp. 111–116.
4. Weisstein E.W. Devil's Staircase // Wolfram Math World. URL : <https://mathworld.wolfram.com/DevilsStaircase.html>.

Информация об авторе

Румянцева Юлия Николаевна – кандидат экономических наук, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664005, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, e-mail: yrumyantseva@mail.ru).

⁴³См. Самые известные серийные убийцы в СССР и России..... / МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/20201201/ubiytsy-1587196596.html>.

И.М. Серeda,
доктор юридических наук, профессор
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
С.А. Ступина,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ЦИФРЫ, РЕАЛИИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Анализируется современное состояние и динамика преступлений экстремистской направленности. Определяются ключевые факторы, оказывающие существенное влияние на криминогенную ситуацию. Авторами рассматриваются некоторые проблемы правового регулирования уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности и формулируются возможные направления законодательных изменений.

Ключевые слова: экстремизм; преступление; уголовная ответственность; организация экстремистского сообщества; организация деятельности экстремистской организации.

Президент Российской Федерации 2 июля 2021 года подписал Указ №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1], в которой отмечается, что, несмотря на принимаемые меры, в Российской Федерации остается высоким уровень преступности в отдельных сферах. Кроме того, подчеркивается дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку экстремистских проявлений.

Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [2], утвержденной Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. №344, экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений.

Согласно официальным статистическим данным в 2020 г. зарегистрировано 833 преступления экстремистской направленности (+42,4%), из них раскрыто 49,1%⁴⁴.

За последние пять лет интервальные ряды динамик рассматриваемого вида преступности не позволяют однозначно говорить о перманентном ее росте. Так, если в 2003 г. в России регистрировалось 157 преступлений экстремистской направленности, в 2013 г. – 896 (прирост почти на треть (+28,7%), в 2016 г. – 1450 (+9,1%), в 2017 г. – 1521 (+4,9%), в 2018 г. – 1265 (-16,8%), в 2019 г. – 585 (-53,8%), в 2020 г. – 833 (+42,4%).

За шесть месяцев 2021 г. уже зарегистрировано 687 преступлений экстремистской направленности, что на 31,1% больше, чем за аналогичный период предыдущего года.

В структуре преступлений экстремистской направленности преобладали преступления, предусмотренные ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3] (367; 44,1%) и ст. 282.2 (218; 26,2%) [4, с. 37–38].

Число преступлений, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», составило 218 (+35,4%), ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» – 21 (+16,7%). На 231,6% увеличилось количество деяний, предусмотренных ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (63).

При этом следует отметить, что диспозицией ст. 282 УК РФ в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ в качестве обязательного признака состава преступления предусмотрена административная преюдиция. Соответственно, увеличение таких преступлений на почти 250% говорит о том, что в реальности аналогичные правонарушения имеют широкое распространение.

Преступлений по ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» в 2020 г. зарегистрировано 367 (+32,0%), а в ян-

⁴⁴ Официальные статистические данные МВД России. Статистика и аналитика / Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 14.07.2021).

варе-июне 2021 г. уже 338 (+50,9%). В структуре деяний данной категории 473 (53,1%) совершены с использованием сети Интернет.

Исходя из тенденций, сформировавшихся в 2020 г., в 2021 г. неизбежен рост преступлений экстремистской направленности, что подтверждается данными официальной статистики.

Среди факторов, оказывающих существенное влияние на такую ситуацию следует прежде всего отметить пропагандистскую деятельность представителей «несистемной оппозиции» в блогосфере и социальных сетях Facebook и Telegram, а также ориентированной на подростков и несовершеннолетних платформы TikTok [4, с. 39]; чрезмерно излишнее и не всегда соответствующее действительности освещение в СМИ (особенно – являющихся иноагентами) и социальных сетях событий, связанных с экстремистской деятельностью, что может провоцировать противоправное, антиобщественное, агрессивное и иное деструктивное поведение.

Отдельного внимания заслуживает вопрос деятельности в России организаций, имеющих статус иноагента или признанных нежелательными, поскольку эти организации имеют «тонкую правовую грань» с экстремистским сообществом, уголовная ответственность за организацию которого предусмотрена ст. 282.1 УК РФ.

Так, например, Фонд борьбы с коррупцией и Фонд защиты прав граждан, которые ранее были включены в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, 9 июня 2021 г. Мосгорсуд признал экстремистскими организациями и принял решение о запрете деятельности этих организаций.

В таком случае возникает вопрос о квалификации действий лиц, являющихся организаторами и участниками таких организаций.

Основное отличие преступлений, предусмотренных ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» и ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», по видению законодателя в наличии вступившего в законную силу решения суда о ликвидации или запрете деятель-

ности организации в связи с осуществлением ею экстремистской деятельности, что не дает четкого ориентира правоприменителю, но предоставляет возможность виновным для манипуляции, поскольку остается спорной позиция законодателя, который поставил наступление уголовной ответственности во взаимосвязь с событиями, имеющими место после непосредственного совершения самого деяния, и действия, совершенные участниками такой организации, становятся противоправными только *post factum*.

Уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ) наступает с момента фактического образования указанного сообщества, то есть с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности.

Сопоставление санкций указанных норм свидетельствует о том, что законодатель считает их равнозначными по степени общественной опасности. Получается, что для правоприменителя основной вопрос состоит в том, чтобы с момента совершения действий экстремистской направленности признать их таковыми, а не ждать вступившего в силу решения суда, а точнее – «политического решения».

Закономерен вопрос о целесообразности существования ст. 282.2 УК РФ.

Конечно, в таком случае следует обратить внимание на субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, в ч. 1 которой указано на целеполагание создания экстремистского сообщества – для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, что изначально неприуще деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых впоследствии судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В данном случае усматривается момент для манипуляции и возможности избежать уголовной ответственности, поскольку достаточно при организации, например, той же НКО, указать при регистрации достижение социальных, бла-

готовительных, культурных, образовательных, научных и т.п. целей. В результате имеет место сложность, а, как правило, – и невозможность привлечения к уголовной ответственности ни по ст. 282.1 УК РФ, ни по ст. 282.2 УК РФ.

Вследствие этого обоснованы законодательные изменения и введение самостоятельной уголовной ответственности за содействие экстремистской деятельности по аналогии с имеющимся составом, предусмотренным ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности».

Отдельно отметим, что остается открытым вопрос об отсутствии уголовной ответственности за оправдание экстремистской деятельности, что позволяет распространять те же репуты в поддержку экстремистских организаций, распространенные среди молодежи в соцсетях.

В целом, своевременное законодательное реагирование на изменение преступности экстремистской направленности способно поставить правовой слон и обеспечить реализацию Стратегии национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
2. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2018 года и ожидаемые тенденции ее развития : Аналитический обзор. М. : Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 72 с.

Информация об авторах

Серда Ирина Михайловна – доктор юридических наук, профессор, ведущий кафедрой уголовного права и криминологии. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664003, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: e-mail: irina-sereda@mail.ru).

Ступина Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы. Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (662972, г. Железногорск, ул. Северная, 1, e-mail: sstupina@mail.ru).

УДК 343.2/.7
ББК 67.408

С.Е. Суверов,
Омская академия МВД России

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Автором рассматривается реализация института освобождения от уголовной ответственности в целом и отдельных входящих в него норм, в частности. Особое внимание уделяется взаимовлиянию практики применения ст. 76 УК РФ и ст. 76.2 УК РФ. Излагается авторская позиция относительно тенденций, складывающихся в обозначенном уголовно-правовом институте. Предлагается возможное разрешение проблемы конкуренции между исследуемыми нормами.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; примирение с потерпевшим; судебный штраф; уголовная политика.

Преобразования, происходящие в уголовном законе, детерминируются развитием различных сфер общественной жизни. Нередко это приводит к пересмотру основополагающих и кажущихся незыблемыми принципов. Данный тезис может быть справедлив по отношению к принципу неотвратимости наказания, который последовательно был сменен принципами неотвратимости уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия.

В отечественном праве значительный переход к использованию мер, применяемых вместо общего порядка уголовного преследования, состоялся благодаря закреплению института освобождения от уголовной ответственности. Являясь по своей сути искусственной конструкцией, он занял важное место в арсенале средств уголовной политики, что предопределило его воспроизведение в тексте УК РФ.

Вместе с тем невозможность использования ранее применявшихся мер общественного воздействия в противодействии преступности послужила причиной введения новых видов освобождения от уголовной ответственности в

текст уголовного закона. Сказанное может быть отнесено к ст. 76 УК РФ, правовая природа которой имеет определенную связь с известной в зарубежных государствах альтернативой уголовному преследованию – «медиацией». Именно норма о примирении с потерпевшим стала наиболее востребованным видом освобождения от уголовной ответственности, что выражается как в относительном числе принимаемых решений, так и в абсолютном значении данного вида освобождения от уголовной ответственности в структуре всего института.

Например, в 2013 г. всего по основаниям освобождения от уголовной ответственности (ст. ст. 75, 76, 76.1, 78, 84, 90 УК РФ) было прекращено 208 233 уголовных дела в отношении лиц, при этом по ст. 76 УК РФ было прекращено 185 071 уголовное дело, что составило 88,88 % от общего числа. В дальнейшем до 2016 г. применение ст. 76 УК РФ составляло значительную долю практики: в 2014 г. всего было прекращено 205 890 уголовных дел, из которых в связи с примирением с потерпевшим – 171 068 или 83,09 % от общего числа; в 2015 г. всего было прекращено 220 630 уголовных дел, из которых по ст. 76 УК РФ – 159 176 или 72,15 %⁴⁵; в 2016 г. – всего было прекращено 182 047 уголовных дел, из которых по ст. 76 УК РФ – 157 316 или 86,42 % от общего числа.

Определенный положительный эффект от использования института освобождения от уголовной ответственности стал причиной его постепенного дополнения новыми нормами. В том числе это касается введения ст. 76.2 УК РФ, которая в значительной степени схожа с институтом «транзакции», используемым в зарубежных правовых системах. Примечательно, что появление этой нормы коренным образом изменило практику применения института освобождения от уголовной ответственности.

Данная закономерность может быть обнаружена, начиная с 2017 г., когда стали обнародоваться данные о применении ст. 76.2 УК РФ. Ключевым обстоятельством является тот факт, что общее число решений о прекращении уголов-

ных дел по нереабилитирующим основаниям не претерпело сильных изменений, сохраняясь в районе 180 000 в год.

Год	Общее число уголовных дел в отношении лиц, прекращенных по нормам института освобождения от уголовной ответственности	Число применения ст. 76 УК РФ, в т.ч. % от общей доли	Число применения ст. 76.2 УК РФ, в т.ч. % от общей доли
2017	179 859	135 956 (75,59%)	20 692 (11,5 %)
2018	183 507	125 873 (68,59 %)	33 329 (18,2 %)
2019	180 170	106 091 (58,88 %)	52 460 (29,1 %)
2020	175 594	99 115 (56,45 %)	56 980 (32,5 %)

Следовательно, после введения ст. 76.2 УК РФ доля ее применения в общем числе обращений к институту освобождения от уголовной ответственности неуклонно возрастает с каждым годом, а практика применения ст. 76 УК РФ, наоборот, уменьшается как в абсолютном, так и в относительном выражении, хотя в других видах освобождения от уголовной ответственности таких резких колебаний не наблюдается. В научной литературе также отмечается данное обстоятельство [1, с. 4; 2, с. 30].

Еще ранее А.В. Шнитенков указывал, что при включении нормы о судебном штрафе может снизиться стимулирование иных проявлений постпреступного поведения виновных [3, с. 99]. Так, подтверждением изложенного суждения выступают приведенные ранее данные.

Вероятно, предъявление меньшего объема требований к освобождаемому от уголовной ответственности лицу позволяет постепенно увеличивать практику применения ст. 76.2 УК РФ, в том числе за счет уменьшения реализации ст. 76 УК РФ, в связи с отсутствием необходимости получения согласия потерпевшего лица о достижении примирения. Несмотря на это, данная «льгота» компенсируется условным характером нормы о судебном штрафе, а также наложением на освобождаемое лицо обязательства по выплате денежного взыскания.

⁴⁵ В данном случае значительное уменьшение доли применения ст. 76 УК РФ в институте освобождения от уголовной ответственности может быть объяснено проведением широкомасштабной амнистии, которая затронула 43 842 лица.

Если по уголовному делу потерпевший отказывается примириться с виновным, что потенциально исключает возможность реализации ст. 76 УК РФ, то это не мешает лицу, совершившему преступление, выполнить требования, закрепленные в ст. 76.2 УК РФ, и быть освобожденным от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа. Весьма справедливым видится суждение о том, что при отсутствии достижения примирения с потерпевшим не существует законодательных ограничений на применение нормы о судебном штрафе [4, с. 203]. Более того, мы полагаем, что введение прямого запрета на использование иных общих субъективных видов освобождения от уголовной ответственности в таком случае приведет к необоснованному ограничению действия всего института.

Вместе с тем полагаем целесообразным поддержать подход, сформированный в судебной практике. В частности, в одном из решений изложено, что при поступлении в суд уголовного дела вместе с постановлением следователя о возбуждении ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, прежде всего, должно обращать внимание на то, что отсутствуют иные основания для прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, в том числе нет информации о достижении примирения с потерпевшим [5]. В другом примере отмечается, что, несмотря на ходатайство государственного обвинителя о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа, судом оно было оставлено без удовлетворения и применена норма о примирении с потерпевшим. В качестве обоснования принимаемого решения суд указал следующее: «При этом суд полагает возможным прекратить производство по уголовному делу именно по указанным основаниям, без назначения Утемову М.А. судебного штрафа исходя из его личности и обстоятельств совершения преступления, а также занятой позиции потерпевшим» [6].

Таким образом, для разрешения затруднения при выборе между ст. 76 УК РФ и ст. 76.2 УК РФ необходимо учитывать их значение для субъектов уголовных правоотношений. В случаях, когда примирение достигнуто, считаем, что

приоритетно применять именно ст. 76 УК РФ, поскольку, во-первых, это является более благоприятным для освобождаемого лица (решение принимается безусловно, не требуется уплата судебного штрафа), а, во-вторых, в большем объеме учитываются интересы потерпевшего.

Список использованной литературы

1. *Луценко Н.С.* Судебный штраф : проблемы теории и правоприменения : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2020. 26 с.
2. Освобождение от уголовной ответственности : теория, закон, практика : монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2021. 436 с.
3. *Шнитенков А.В.* Законопроект Верховного Суда РФ о совершенствовании оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Векленко. Омск: Омская академия МВД России, 2016. Вып. 11. С. 95–101.
4. *Лепина Т.Г.* Конкуренция положений уголовного законодательства, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 203–209.
5. Постановление Куйбышевского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 30 декабря 2019 г. по делу № 1-580/2019. URL : <https://sudact.ru>.
6. Постановление Волжского городского суда Волгоградской области от 30 июля 2020 г. по делу № 1-876/2020. URL : <https://sudact.ru>.

Информация об авторе

Суверов Сергей Евгеньевич – адъюнкт. Омская академия МВД России (644092, г. Омск, проспект Комарова, 7, e-mail: s.suverovse95@mail.ru).

УДК 343.352
ББК 67.408.142

В.Г. Татарников,
кандидат юридических наук, доцент
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного университета правосудия

ОТРАЖЕНИЕ ХАРАКТЕРА И СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В САНКЦИИ

В статье поднимается проблема соответствия санкции уголовно-правовой нормы характеру и степени общественной опасности преступления. Предлагается отказаться от установления штрафа в качестве основной меры наказания в санкциях за наиболее опасные преступления коррупционного характера, в том числе такие как получение взятки, предусмотрев в качестве основной меры наказания за их совершение лишение свободы. Также предлагается включить в

Уголовный кодекс России конфискацию имущества в качестве дополнительной меры наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления коррупционной и корыстной направленности.

Ключевые слова: характер и степень общественной опасности преступления; преступления коррупционной направленности; санкции; конфискация имущества; принцип справедливости.

Важнейшим свойством преступления является характер и степень общественной опасности деяния, запрещенного уголовным законом. Характер общественной опасности преступления определяется совокупностью всех обстоятельств, учтенных при описании его состава в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ. Количественным выражением характера общественной опасности является санкция [1, с. 76]. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что при учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред [2, с. 4]. Поэтому предпосылкой назначения справедливого наказания конкретному лицу за конкретное преступление является установление законодателем санкции, соответствующей характеру и степени общественной опасности деяния.

В российском уголовном законодательстве советского периода (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г.) основной мерой наказания за наиболее опасные коррупционные преступления (получение взятки, дача взятки) устанавливалось лишение свободы, а в качестве дополнительной меры наказания – конфискация имущества. Указанные тенденции сохранились и в первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, принятого в 1996 г. [3]. Так, за получение взятки при отягчающих обстоятельствах (ч. 2, 3, 4 ст. 290 УК РФ в редакции 1996 г.) в качестве основной меры наказания предусматривалось только лишение свободы.

В дальнейшем нормы об ответственности за указанное преступление претерпели существенные и далеко не всегда обоснованные изменения. Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ из Общей части УК РФ и, соответственно, из норм Особенной части, была исключена конфискация имуще-

ства [4]. А Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ ввел штраф в качестве основной меры наказания за все виды взяточничества, в том числе относящиеся к тяжким и даже особо тяжким преступлениям [5].

Подобный подход, по существу, стирает границу между тяжкими и особо тяжкими преступлениями и деяниями, относящимися к категории преступлений средней или небольшой тяжести, поскольку в равной степени допускает применение за их совершение самой мягкой меры наказания из всех возможных. Например, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019 г. из 1247 лиц, осужденных за получение взятки, к штрафу были приговорены 304 человека или 24%. При этом из 696 лиц, осужденных за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч.ч.2,5-6 ст. 290 УК РФ каждый пятый (21%) был приговорен к штрафу в качестве основной меры наказания. Значительному числу осужденных по ст. 290 УК РФ (30%) было назначено лишение свободы условно и лишь 43% виновных осуждены к реальным срокам лишения свободы⁴⁶.

Установление штрафа в качестве основной меры наказания за коррупционные преступления, тем более такие как получение взятки, по существу представляет законодательно закрепленную возможность для коррупционера «откупиться» от реальной меры наказания, связанной с лишением или ограничением его личной свободы. При этом за многие другие корыстные преступления насильственного характера, относящиеся к категории тяжких и тем более особо тяжких, законодатель в качестве основной меры наказания безальтернативно устанавливает лишение свободы. Это, например, мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата имущества совершенное организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ). Очевидно, что установление в качестве основной меры наказания штрафа применительно к лицам, совершающим из корыстных побуждений особо опасные посягательства, направленные

⁴⁶Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 15.09.2021).

против интересов государственной власти, государственной службы, службы в органах местного самоуправления не отвечает ни принципу справедливости, ни целям профилактики преступлений такого рода.

Следует согласиться, что существующие «экономические» виды наказаний блокируют мотивированность на совершение общеуголовных преступлений, но они неадекватны применительно к коррупционным преступлениям [6, с. 508]. В целом же, как справедливо отмечается в юридической литературе, либерализация наказания за коррупционные преступления ошибочна и не принесла желаемого результата [7, с. 314].

В юридической литературе неоднократно подвергалась критике позиция российского законодателя по исключению конфискации имущества из перечня наказаний [8, с. 289; 9, с. 133; 10, с. 396–400]. Поскольку рассмотрение этого вопроса находится за рамками данной работы, отметим, что возвращение конфискации имущества в перечень наказаний, предусмотренных в Общей части УК РФ, и включение ее в качестве дополнительной меры наказания за преступления тяжкие и особо тяжкие преступления коррупционной и корыстной направленности является необходимым условием обеспечения принципа справедливости.

Для приведений санкций в соответствие с характером и степенью общественной опасности рассматриваемых преступлений необходимо, по нашему мнению, во-первых, в санкциях за наиболее опасные преступления коррупционного характера, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве основного наказания предусмотреть наказание только в виде лишения свободы. Применительно к преступлениям коррупционной направленности штраф может использоваться лишь в качестве дополнительной меры наказания. Альтернативные санкции за преступления коррупционной направленности, не являющиеся тяжкими, должны предусматривать наказания, близкие по характеру правоограничений, например, лишение свободы и принудительные работы. Недопустимо установление за тяжкие и тем более за особо тяжкие преступления штрафа в качестве альтернативы мерам, связанным с изоляцией от общества.

Кроме того, за преступления коррупционной направленности, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве дополнительной меры наказания должна предусматриваться конфискация имущества.

Разумеется, борьба с коррупцией не исчерпывается мерами ответственности, она является одним из наиболее актуальных направлений деятельности как международного сообщества, так и всех институтов российского государства и гражданского общества [11, с. 43–45].

Список использованной литературы

1. *Татарников В.Г.* Уголовно-правовая охрана личности. Иркутск, 2007. 76 с.
2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. №2.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : федер. закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2714.
6. *Сурихин П.Л., Бабурин В.В.* Коррупционные преступления – уголовно-правовые санкции: недостаточная системность нормы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 504–510.
7. *Мазуров В.А.* Уголовно-правовые меры противодействия коррупции в современной России // Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе : материалы межд. научно-практ. конференции (конференция посвящена 15-летию Алтайского филиала РАНХиГС). Барнаул : Алтайский филиал РАНХиГС, 2016. С. 312–315.
8. *Татарников В.Г., Босхолов С.С.* О конфискации имущества как мере уголовного наказания // Вестник ИрГТУ. 2014. № 5. С. 289.
9. *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С.133.
10. *Кузнецова И.С.* Роль конфискации имущества в борьбе с коррупцией // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию

со времени принятия Соборного Уложения (1649 года) : сборник трудов XVI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция. Кострома, 2020. С. 396–400.

11. Картычев М.В. Имущественные санкции за коррупцию // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 8. С. 43–45.

Информация об авторе

Татарников Владимир Германович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права. Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (664074, г. Иркутск, улица Ивана Франко, д. 23-а, e-mail: voldemar55@mail.ru).

УДК 343.228

ББК 67.408

С.М. Храмов,
кандидат юридических наук, доцент
Брестский государственный университет
им. А.С. Пушкина

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА И ЕЕ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена уголовно-правовой регламентации необходимой обороны как важнейшего обстоятельства, исключающего преступность деяния. Преступность относится к числу глобальных вызовов, стоящих перед человечеством. Возможность применения права является одним из сдерживающих факторов криминальной активности. В статье анализируется история становления и современное законодательное закрепление института необходимой обороны. Предлагается изменение в законодательство с целью совершенствования механизма реализации права необходимой обороны в правоприменительной практике.

Ключевые слова: необходимая оборона; преступность; пределы; правомерность; вред.

Одним из глобальных вызовов, стоящих перед человечеством, является преступность. Противодействие преступности – важнейшая задача уголовной политики государства. В связи с этим особую роль приобретает проблема уголовно-правовой реализации института необходимой обороны. Перечисленные обстоятельства определяют актуальность и прикладное значение регламентации необходимой обороны в уголовном праве, а также обуславливают необходимость теоретического рассмотрения данной темы. Новизна заключается в

выработанных по результатам исследования предложениях о совершенствовании уголовно-правовой регламентации института необходимой обороны.

Право необходимой обороны с древних времен относилось к естественному праву, принадлежащему каждому человеку на протяжении всей его жизни.

Еще Римское право (753 до н.э. – 565 н.э.) «смотрело на необходимую оборону как на нечто естественное, вытекающее из положения человека в обществе, как на то, что само собой разумеется» [1, с. 7]. В суде необходимо было убедить судью в правомерности применения права необходимой обороны. Судья в свою очередь оценивал, в какой мере обороняющийся смог достичь цели защиты от преступного посягательства.

У славян первые упоминания о праве необходимой обороны относятся к более позднему периоду. Такое упоминание содержится, например, в ст.6 Договора Олега с греками, заключенного в 911 г., а также в Русской Правде – сборнике правовых норм Киевской Руси (начиная с 1016 года).

Указания на право необходимой обороны содержались в Судебнике короля Казимира Ягайловича (1468 г.) и Статутах Великого княжества Литовского. Например, в артикуле 24 Статута Великого Княжества Литовского 1588 года [2, с. 432].

В российском Соборном Уложении 1649 г. право необходимой обороны понималось очень широко: можно было защищать себя и других от всякого незаконного нападения; способы защиты были почти ничем не ограничены [3].

Частичные ограничения допустимости применения необходимой обороны были введены в Воинском Уставе Петра Великого.

Развитие правовой регламентации института необходимой обороны получило в судебной практике по Уложению 1845 года [4, с. 12].

В конце XIX – начале XX века многие уголовные кодексы, в том числе русское уголовное законодательство, содержали положения о необходимой обороне.

Согласно ст. 45 Уголовного уложения 1903 г. «не почитается преступным деяние, учиненное при необходимой обороне против незаконного посягатель-

ства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или другого лица» [5, с. 9].

Научное исследование о праве необходимой обороны впервые было принято в 1865 году А. Ф. Кони. Им была подготовлена первая по данной теме русскоязычная диссертация «О праве необходимой обороны» [6].

В XX веке понятие необходимой обороны уточнялось, становилось более приближенным к практике применения уголовного законодательства. Этому способствовали научные исследования в области уголовного права.

В настоящее время состояние необходимой обороны предусмотрено во всех уголовных законодательствах различных правовых систем. Это говорит о том, что «данный институт – закономерное и устойчивое проявление в области защиты самого человека» [7, с. 207].

В соответствии с логикой УК РФ каждый человек имеет право на защиту от общественно опасного посягательства. Причинение нападавшему соразмерного совершаемому преступлению вреда в процессе реализации права на необходимую оборону не влечет правовых последствий.

Например, «подсудимая Б. была обвинена в том, что нанесла гр-ну К. на лестничной клетке против квартиры по месту его жительства два удара банкой с вареньем в левую лобную часть головы, чем причинила ему побои. В судебном заседании было установлено, что Б. принесла бывшей теще К., с которой дружила, «малиновое варенье, так как та заболела. Дверь ей открыл К., который находился в состоянии алкогольного опьянения, сразу напал на нее, она, защищаясь от него, в целях самообороны ударила его один раз банкой с вареньем в лоб... Учитывая обстоятельства дела, суд... делает вывод, что Б. находилась в состоянии необходимой обороны, поскольку правомерно защищалась от К., ее действия соответствовали характеру его посягательства и не превышали пределов необходимой обороны» [8]. В связи с этим судом принято решение об оправдании подсудимой за отсутствием состава преступления.

В ряде случаев необходимая оборона может перерасти в другое обстоятельство, исключающее преступность деяния, – причинение вреда преступнику

при его задержании. При этом необходимо учитывать, что право необходимой обороны прекращается с момента окончания посягательства. Оборона теряет смысл, когда посягательство окончилось.

Как указано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», «состояние необходимой обороны может иметь место в том числе в случаях, когда: защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается... необходимо различать состояние необходимой обороны и состояние мнимой обороны, когда отсутствует реальное общественно опасное посягательство и лицо ошибочно предполагает его наличие» [9]. Мнимая оборона влечет определенные юридические последствия. Эти последствия определяются правилами о фактической ошибке.

Таким образом, в настоящее время необходимая оборона относится к традиционным обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Рассматриваемый институт содержится во всех современных уголовных законодательствах. Состояние, когда общественно опасного посягательства в действительности не было, но обороняющийся неправильно оценивал обстановку либо ошибочно допускал такое посягательство, именуется мнимой обороной. С момента закрепления в уголовном законодательстве право необходимой обороны стало юридически обусловленным.

Список использованной литературы

1. Турецкий Н.Н. Необходимая оборона : монография / под общ. ред. Ш. Ш. Шаяхметова. Алматы : ТОО «Издательство «НормаК», 2018. 192 с.
2. Статут Великого княжества Литовского 1588: Тексты. Справ. Комментар. / Редкол. И.П. Шамякин (гл. ред.) и др. Минск: Белорус. сов. энцикл., 1989. 573 с.
3. Загоскин Н.П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и земский собор 1648-1649 гг. Казань : Тип. Императ. ун-та, 1879. 80 с.

4. Альбилов Р.Ф., Пономарь В.Е., Щиголев Ю.В. История дореволюционного отечественного уголовного законодательства о причинении вреда при задержании преступника // История государства и права. 1999. № 4. С. 10–13.

5. Уголовное уложение // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1903. 16 апр. №88.

6. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866. 112 с.

7. Гребень Е.В. Историко-правовые аспекты института обстоятельств, исключающих преступность деяния // Формирование основ конституционного государства в Республике Беларусь: Сб. науч. тр. / Полоц. гос. ун-т; Редкол. Н.И. Порубов и др. Новополоцк, 2001. С. 207 – 211.

8. Архив судебного участка № 280 мирового судьи Шелковского судебного района. Уголовное дело № 1-54/2012. URL : <http://280.mo.msudrf.ru/>.

9. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент.2012 г. № 19 // Российская газета. 2012. 3 окт.

Информация об авторе

Храмов Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина (224016, Республика Беларусь, г. Брест, бульвар Космонавтов 21, e-mail: khramausiarhei@gmail.com).

УДК 343.01

ББК 67.408

В.Н. Шиханов,

кандидат юридических наук, доцент,

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

РЕГРЕССИВНЫЙ СДВИГ И УТРАТА ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Описывается современное состояние науки уголовного права и уголовной политики. Автор приходит к выводу, что к настоящему времени они находятся в глубоком кризисе. В совокупности с процессами трансформации культуры российского общества, когда этические основания уголовного права стали симулякр, это представляет глобальную проблему.

Ключевые слова: уголовное право; регрессивный теоретический сдвиг; упадок культуры; юридическая наука; постнеклассическое правопонимание.

В современных юридических публикациях, а также в рамках научных форумов рефлексия глобальных проблем, перемен, новой нормальности обычно выстраивает отношение «наше уголовное право против нарастающего хаоса», когда мы пытаемся понять (договориться между собой): как право должно парировать возникшую угрозу. В меньшей степени представлен другой, но необходимый взгляд, направленный внутрь уголовного права. Трансформация общественных отношений – состояние перманентное и, судя по историческим наблюдениям, ускоряющееся. Следовательно, за период XVIII – XX веков ни право, ни экономические отношения не могут похвастаться сколь-нибудь длительными периодами стабильности, когда бы не подвергалось переосмыслению многое из того, что казалось традиционным, привычным и юридически значимым / незначимым. Значит, уголовное право само не застраховано от кризисов. Об этом, в частности, принято говорить и в зарубежном, и в отечественном правоведении [1; 2; 3, с. 417–423].

При этом речь не идёт о законодательстве, постоянные изменения которого могут вести к существенной разбалансировке институтов Общей и Особенной части Уголовного кодекса, а то и к коллизиям или нарушениям собственных базовых принципов. Уголовное право как наука представляет собой исследовательскую программу (согласно терминологии И. Лакатоса). В её основании находится так называемое твёрдое ядро (суть теории, совокупность доктринальных постулатов и аксиом). Оно защищается отрицательной эвристикой (указывает на то, какие вопросы нельзя ставить в рамках этой науки, какие постулаты нельзя подвергать сомнению) и защитным поясом – совокупностью более мелких теорий и концепций, которые основаны на твёрдом ядре и призваны интерпретировать либо объяснять явления, попадающие в сектор предмета данной науки, в том числе аномалии (факты, явления, которые опровергают утверждения науки, не объясняются ей) [4, с. 220–233, 361–369].

Развитие науки в таких условиях происходит преимущественно за счёт положительной эвристики (указывает на то, какие вопросы следует ставить, какие представления и в каком направлении переосмыслять, какие методы, институты

совершенствовать). Если наука на этом пути позволяет не только объяснять явления прошлого, но и предвидеть возникновение новых явлений, сокращать число аномалий – это прогрессивный теоретический сдвиг.

К сожалению, состояние современной уголовно-правовой науки в эту модель не укладывается. Используемая сейчас положительная эвристика науки уголовного права и уголовной политики была разработана частично в период Просвещения, в значительной степени в условиях эпохи модерна и преимущественно в советский период – в условиях мощного запроса со стороны власти на научное обоснование новой политической и правовой идеологии, политизации уголовного права.

И если в то время в центре внимания был человек труда, а социализация и ресоциализация предполагала включение индивида в производственные отношения, то сейчас в условиях общества постмодерна в центре внимания оказался потребитель (в том числе политики, услуг безопасности и т.д.). Символы успеха теперь прочно связаны не с наличием профессии и постоянного места работы, не с уважением со стороны трудового коллектива, а с объёмами потребления, с доступностью материальных и культурных благ, которые так или иначе продаются населению.

После завершения советского периода государственности прекратилось официальное партийное администрирование правовой политики и науки, которая должна была эту политику развивать [5, с. 225–227]. Теперь власть не считает себя связанной мнением правоведов, действуя в соответствии с контекстом новой культурной и политической эпохи. Ввиду отсутствия научной поддержки (опережающих научных результатов нет) власть импровизирует или действует методом проб и ошибок, что, однако, вызывает резкое неприятие у консервативного научного юридического сообщества.

Вместе с тем тот разлад, который произошел в отношениях правоведов и власти, не исключает возможностей науки понимать логику складывающейся уголовной политики, выявлять предрасположенности законодателя и право-

применителей к определённым формам реакции посредством мер уголовно-правового воздействия.

Однако научный уголовно-правовой дискурс очень серьёзно ориентирован на развитие отрицательной эвристики (делая доктрину менее гибкой, консервативной), а также на увеличение защитного пояса, в рамках которого особо выделяется два вида исследований: одни отрицают наблюдаемые аномалии (в том числе путём критики новых положений уголовного закона и новой практики, не согласующихся с твёрдым ядром), а другие стремятся обосновать аномалии в качестве исключений, пытаясь примирить их с твёрдым ядром, и *de facto* работают вдогон, комментируя законодателя и правоприменителей.

Налицо регрессивный сдвиг в предметном поле науки уголовного права. Такие состояния могут вести либо к отказу от теории, либо к её трансформациям и переходу к регрессивному теоретическому сдвигу.

На наш взгляд, общество без уголовного права в ближайшем обозримом будущем обойтись не может. Государство будет использовать это специфическое средство регулирования общественных отношений и впредь. Вопрос о судьбе науки – будет ли она «закукливаться» и становиться областью сугубо интеллектуальных изысканий, или же она будет иметь прикладной выход.

Названное состояние науки уголовного права не является единственной составляющей глобальной проблемы. Любая наука, теория или концепция не может быть редуцирована до нуля или до исключительно рациональных оснований: в остатке (в основании) всегда являются некоторые допущения или положения, которые подчас не имеют эмпирического подтверждения, но должны приниматься на веру как априорные посылки.

Уголовное право до сих пор исходит из целого ряда мифологических представлений о природе преступления и функции наказания, об общепреventивном воздействии на граждан и причинах преступного поведения, даже несмотря на попытки это рационализировать. Анализ риторики правоведов (в научных трудах разных эпох, в современных докладах на научных форумах), политиков и правоприменителей позволяет обнаружить постоянные отсылки к справедливо-

сти и целому ряду других этических категорий (в том числе через контрпримеры – жестокость, низменные побуждения и т.д.).

Однако тренд развития современной гуманитарной науки и человеческой культуры, начавшийся от эпохи модерна и переросший в постмодернити (как проклятую сторону модерна) показывает нам яркие примеры дегуманизации под лозунгом торжества разума и освобождения от всего иррационального.

П. Бурдьё в этой связи отмечал, что формальное, нормативное, рационализированное право, учитывающее исключительно однозначные общие характеристики каждого рассматриваемого случая, оказывается в противоречии с практической осмотрительностью чувства справедливости, которое идёт непосредственно от частного случая к частному случаю, от частного нарушения к частной санкции, минуя опосредование через обобщающие концепты. Таким образом, формализация и абстракция права, делание его нормативным необходимо для того, чтобы преодолеть правосудие, основанное на чувстве справедливости [6, с. 120–129].

Примечательно, что с самого своего зарождения «справедливость» не принадлежала миру людей и считалась категорией, указывающей на соответствие земных порядков или решений сверхъестественному порядку, космическому, божественному. Однако очередное столетие мыслители в области правоведения стремятся выработать рациональную формулу справедливости, неизбежно застревающая между множеством пересекающихся интересов и рамок мировосприятия, небесспорно снимая эту ситуацию либо силой авторитета (в том числе закона, то есть принуждением), либо юридическими фикциями.

Кроме того, отказ как от религиозной картины миропонимания, так и от выверенной и навязываемой всем идеологии (социалистической или по примеру западной – «наши ценности»), прагматизм и гедонистические интересы потребителей превращает уголовное право в замок, который построен на песке. «Исчезли ощущения границы и предела, а с ними и настоящее представление о порядке, духовные иерархии сменились организационными и бюрократическими структурами существования» [7, с. 476], а границы моральных представле-

ний, должного и запрещённого стали рассматриваться «как объекты для нападения и разрушения» [7, с. 476].

Это непосредственным образом сказывается на применении права (по-скольку понимание разных оценочных и этических понятий, включённых в текст уголовного кодекса, оказывается очень разрозненным), на правотворчестве (язык закона утратил былую поэтичность и лаконичность, превращаясь в бюрократическую технику, когда сложнейшие категории этики раскладываются на индикаторы, показатели и признаки), а отсюда и на правовом сознании населения.

И если вопрос вывода науки уголовного права из стадии регрессивного сдвига теоретически можно представить и реализовать усилиями самой науки, то вторая проблема выглядит как непреодолимая ввиду тех мощных процессов в культуре человечества в целом, которые хитро скрываются под маской прогрессивного развития, а также концепции прав и свобод человека и гражданина.

Список использованной литературы

1. *Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. М. : Проспект, 2008. 400 с.
2. *Кристи Н.* Пределы наказания / пер. с англ. В. М. Когана, под. ред. А. М. Яковлева, вступ. ст. А. М. Яковлева, В. М. Когана. М. : Прогресс, 1985. 176 с.
3. *Гилинский Я. И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд., перераб. и доп. СПб. : ООО Издательский дом «Алеф-Пресс», 2018. 517 с.
4. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. М. : Академический Проект; Трикста, 2008. 475 с.
5. *Разогреева А. М.* Пост(советская) административная криминология: игра на понижение // Криминологические основы уголовного права : Материалы X Российского конгресса уголовного права (26-27 мая 2016 года), под ред. В. С. Комиссарова. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 226–227.
6. *Бурдьё П.* Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1994. 288 с.
7. *Исаев И. А.* Власть и закон в контексте иррационального. М. : Юристь, 2006. 478 с.

Информация об авторе

Шиханов Владимир Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, email: ShikhanovVN@Rambler.ru).

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

ТОМ 1

Материалы X Международной научно-практической конференции

г. Иркутск, 1 октября 2021 г.

Сдано в набор 10.12.2021

Подписано в печать 28.12.2021

Формат 90x64

Усл. печ. л. 14,3

Тираж 80 экз.

Заказ № 48848-8

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»

117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.

Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4.

Отпечатано в типографии ООО «Форвард»,
664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109 Г, оф. 301
Тел.: (3952) 19-91-10, forward-to-print.com